

ЮЛИЯ
УЗУН

Битва
САМЦОВ

18+

Юлия Узун

Битва самцов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70601359

SelfPub; 2024

Аннотация

Кто же мог знать, что похищение мировой звезды обернется свадьбой? Свадьбой поневоле! У Элоры Бессон никогда не было проблем. Папа – продюсер. Мама – певица. Прекрасная семья! Но в один судьбоносный день всё переворачивается с ног на голову. Элора вынуждена принять сложное решение, чтобы не подорвать репутацию отца. Но хуже всего то, что придётся уехать из родной страны и жить с человеком, которого не любит. Спасая звезду, девушка не подозревала, что попадёт в его сети. Но даже это не станет последней точкой в этой истории.

Содержание

Пролог	5
1.	13
2.	25
3.	41
4.	57
5.	71
6.	91
7.	106
8.	123
9.	143
10.	158
11.	176
12.	201
13.	216
14.	238
15.	256
16.	279
17.	297
18.	311
19.	324
20.	340
21.	353
22.	371

23.

390

24.

410

25.

427

Юлия Узун

Битва самцов

Пролог

– Элора!

Я вздрогнула, так как была погружена в свои мысли. Но всё в порядке, сказала себе, ведь это моя подруга Фаррен. С тех пор, как Зак принялся настойчиво выпрашивать свидания, я стала нервной и шарахалась от любого звука.

– Элора, нужна твоя помощь. Прямо сейчас! – подруга уже стояла возле меня, сложив руки в молебном жесте.

– Что? Что случилось? Что за срочность?

Рассказывать или что-либо объяснять она не стала. Взяла меня под локоть и повела к фургону, напомним о том, что у меня есть права и отличный опыт вождения. Пospорить я с ней не могла, так как я с шестнадцати лет увлекалась машинами, а папа нанимал самых лучших учителей по вождению. За три года я успела сменить двенадцать автомобилей.

Увидев фургон, я слегка онемела. А когда бросила на Фаррен вопросительный взгляд, она сказала:

– Дело чрезвычайной важности. Тебе только и нужно, что крутить руль. Не волнуйся, ничего сверхъестественного.

И я ей поверила. У Фаррен своевольный характер, от неё

можно ждать любых бредовых идей. Но я не помню, чтобы она хоть раз втянула меня в какую-нибудь историю.

Я села за руль, Фаррен устроилась рядом. Через десять минут мы подобрали ещё шестерых девочек. День подходил к концу, небо было ясное и лучи солнца отражались в металлических бамперах проезжающих мимо машин. Управлять фургоном было сложнее, поэтому я ехала с предельной осторожностью, сконцентрировавшись на дороге. Когда мы въехали на улицу с роскошными зданиями, Фаррен сказала: «Стоп!».

Мы ждали. Я сделала несколько попыток узнать у подружки, что они задумали, но она только улыбалась мне загадочной улыбкой и отвечала, что ничего плохого. Ее вид, однако, вызывал подозрение. Я уже дважды отгоняла от себя мысль, что Фаррен ведёт себя несколько странно. Ее внешность – первый признак, на который нужно обратить внимание. Она очень любит себя, и никогда не соберёт волосы в пучок, не станет носить джинсы и простые футболки. А где все украшения, без которых она жить не может?

Вдруг из сверкающего дома на противоположной стороне улицы повалила толпа людей. Судя по фотокамерам в их руках – это журналисты. Я устремила взгляд на мужчин в чёрных костюмах, которые явно кого-то скрывали. Фаррен быстро взглянула на часы, затем кому-то позвонила. Через несколько минут на улице царил хаос. Журналистов сбили с ног. Ошалелые молодые девчонки – а их здесь было не мень-

ше сотни – набросились на охрану, телохранители рванули вперёд, чтобы предотвратить доступ к парню, которого они защищали. Я слышала, как выкрикивали непонятное имя и добавляли к нему «Ли». Где-то я уже слышала это имя.

– Что происходит? – обеспокоенно спросила у Фаррен, но вместо ответа она попросила быстро подъехать к этому парню. Он стоял, прислонившись к забору и не знал, куда деваться. Меня насторожил тот факт, что если все эти девушки пришли ради этого человека, тогда почему они не набрасываются на него? Почему не пытаются стянуть с него одежду, как это происходит на сцене, когда фанатки добиваются до кумира? Всё это похоже на чётко спланированную операцию.

Пока я размышляла, парня затащили в фургон. Или он добровольно сел? Чёрт, я не видела! Услышала лишь, как Фаррен крикнула: «Дави на газ, пока не поздно!». От испуга мои действия стали автоматическими. Я выжимала из машины все, что можно, переключала скорость, не глядя, и крепко держалась за руль. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. На висках выступили капельки пота, но я подчинялась приказам Фаррен. Ехать направо? Хорошо. Прибавить скорости? Не вопрос.

– Теперь объясни мне, что к дьяволу мы натворили? – что было сил крикнула я, когда мы выехали на раздолбанную трассу, ведущую черт знает куда. Фургон подпрыгивал на каждой кочке, я их едва различала. – Говори, Фаррен, или я остановлю машину!

– Останови, и тогда мы сядем в тюрьму, – спокойно отозвалась подруга, распуская свои серебристые волосы. – Мы похитили поп-звезду.

– Что?!

– Что слышала! Мы похитили Читтапона Ли.

– Но зачем?

– О, Элора, только не строй из себя святошу! Для чего похищают людей? Чтобы заработать. А для чего похищают красивых и успешных парней? Чтобы получить удовольствие. Читтапон Ли – звезда мирового масштаба. Он приехал из Южной Кореи, разве ты не видела афиши? Сегодня концерт отменяют, к сожалению, – съязвила Фаррен. – Прибавь газу, подруга! Иначе нас нагонят!

– Я не могу ехать быстрее. Дорога просто ужасная.

– Хочешь в тюрьму?

Я ушам своим не верила. И это моя лучшая подруга?

– Куда мы его везём?

– У Мэри есть загородный дом, которым они не пользуются. Мы везём его туда. Успокойся, Элора, повеселишься вместе с нами. Мне кажется, это забавно.

– Забавно? – моему возмущению не было предела. – Ты должна была предупредить меня заранее, чтобы у меня хотя бы был выбор. Я не подписалась бы на это дерьмо, знай я о похищении! И ничего в этом забавного я не вижу!

Фаррен расхохоталась.

– Поздно, подруга. Он уже у нас, и ночка обещает быть

жаркой.

Нет, это не моя подруга. Это не та Фаррен, которую я знаю большую часть моей жизни. Как она могла пойти на преступление? Да у нее не все в порядке с головой!

Свернув с главной дороги, я начала тормозить. Фаррен завопила, требуя вернуться на дорогу и ехать туда, куда она велит. Ничего не помогало, я упиралась и кричала, что не собираюсь в этом участвовать. Мой отец слишком известный человек в городе, чтобы я так его опозорила. Нет, нет и нет!

Потасовка в кабине усиливалась, мои ноги соскальзывали с педалей, а потом едва их нащупывали. И я ведь почти остановила фургон, когда Фаррен резко крутанула руль на себя, а моя нога угодила на педаль газа. Фургон занесло вправо, где был небольшой склон. Этого хватило, чтобы машина повалилась на бок, а затем встала на крышу. Что было дальше, я не помню. Последнее, что почувствовала – боль в голове, а потом потеряла сознание.

Приятное пение птиц ласкало ухо, наполняя душу сладким чувством покоя. Я хотела открыть глаза, но слабость, такая неожиданная и жуткая, не позволила этого сделать. Заставив себя пошевелить рукой, я потянулась к голове, но ничего не нащупала. Всё мое тело одеревенело, а голова пульсировала тупой болью.

– Фаррен, – осипшим голосом позвала подругу. Никто не ответил.

Наконец, я смогла открыть глаза и осмотреться. Надо мной – руль и сиденье. Точно же... фургон перевернулся и сейчас стоял колёсами вверх. А где Фаррен? Почему такая тишина? Наверное, она отправилась за помощью. Минут пять я лежала, чего-то выжидая, а заодно размышляя над тем, что произошло. Но чем дальше уходило время, тем сильнее росла моя тревога. Чтобы подняться и выбраться из перевернутой машины, требовалось сделать усилие. Я не знала, сколько так пролежала в неподвижном состоянии. В ногах и руках я чувствовала лёгкое, но неприятное покалывание. Лобовое окно оказалось разбитым и я дважды порезалась об осколки стекла. Не обращая внимания на боль и слабость, я выбралась из машины и, встав ногами на сухую землю, замерла.

Ни души. Лишь ясное небо над головой, несколько кустарников, желтая трава и перевернутый фургон. Первая мысль: *«Меня бросили здесь одну»*. Помимо меня и Фаррен в фургоне находились ещё шесть девочек и этот – поп-звезда. Где они? Медленно шагая и хромя на одну ногу, держалась за стены фургона и думала о том, как так получилось, что лучшая подруга бросила меня здесь, словно я никогда для нее ничего не значила. Да и куда она сама могла подеваться? Мысленный ответ вызывал во мне жгучую горечь бессилия. Папа всегда твердил мне, что в нашем мире богатых и успешных отношения между людьми строятся не на доверии друг к другу, а на выгоде и невыгоде, на расчёте и обмане. Так

неужели Фаррен меня обманула?

Моё внимание привлекло солнце. Мы ехали на запад, и перед аварией наблюдали последние лучи. Сейчас я стояла в противоположном направлении, глядя на восток. Я зажмурилась, с ужасом осознав, что уже утро. То есть я пролежала без сознания всю ночь! Откуда-то из потаенных глубин брызнули слёзы обиды. Обессиленная я упала на колени, закрыла лицо ладонями и затряслась от рыданий. Впервые в жизни я чувствовала себя преданной, униженной и брошенной подругой, в которой души не чаяла.

Когда я успокоилась и убедилась, что не время страдать, поднялась на ноги и решительно собралась выбираться отсюда. Своей сумки с телефоном я в кабине не обнаружила, поэтому принялась ее искать рядом с машиной, надеясь, что она вывалилась из окна при падении. Но меня ждало куда более сильное потрясение, стоило начать обходить фургон с другой стороны. Сначала в глаза бросились ботинки достаточно большого размера, а потом я узнала одежду и поняла, что это тот парень – как его там? Звезда, в общем.

Упав рядом с ним на колени, я похлопала его по щекам, затем позвала:

– Эй, очнись.

Парень не подавал никаких признаков жизни. Веки не дрожали, губы были почти белыми. Вспомнив, что обычно в таких случаях проверяют пульс, я приложила дрожащие пальцы к сонной артерии рядом с трахеей. При этом без-

остановочно молилась: «*Только бы не труп, только бы не труп, только бы... живой!*». Из груди вырвался истерический смех. Он живой! Наверное, как и я, потерял сознание. Но сколько бы я ни пыталась привести его в чувства, ничего не получалось. В фургоне не оказалось аптечки и теперь я стояла рядом с полуживым человеком, крутилась вокруг собственной оси, понимая, что мы здесь абсолютно беспомощны.

– Кто-нибудь! Пожалуйста! Помогите! – кричала я, но голос эхом возвращался обратно.

1.

В городе Чиангмай, окружённом горами на севере Тайланда, в семье Хонгсаван двадцать четыре года назад на свет появился мальчик. Пимпорн был так счастлив рождению сына, что собрал весь район и устроил празднование, которое длилось три дня. Его жена Агун не могла забеременеть на протяжении двенадцати лет. Агун было почти сорок, когда доктор положил на грудь изможденной женщине розового и кричащего малыша. Для их семьи это событие явилось не просто счастьем, а чудом, даром небесным.

Пимпорн растил сына стойким и крепким мужчиной к трудным поворотам жизни, внушая при этом, что он должен стать достойным гражданином своей страны. Пимпорн не имел богатств, но у него было достаточно денег на то, чтобы дать сыну образование. Отец не желал, чтобы его ребёнок шёл по его стопам и сводил концы с концами. *«Ты должен найти своё место в жизни, сын, – говорил Пимпорн восьмилетнему Читтапону. – Живи не только сердцем, но и разумом»*. Мальчик впитывал каждое слово, сказанное отцом, и размышлял, какая жизнь его ждёт.

Однажды учитель музыки пришёл к Пимпорну и сказал, что у Читтапона хороший слух и голос, такое дарование не должно пропадать. Он посоветовал растерянному отцу отдать мальчика в музыкальную школу, пообещав, что в буду-

щем из парня выйдет выдающийся пианист или даже оперный певец. Пимпорн долго сомневался, он не верил, что музыка может повлиять на жизнь Читтапона положительно. Он представлял себе успешного доктора или влиятельного политика в лице сына, но никак не музыканта. Мужчина колебался до того дня, пока сам не услышал на школьном выступлении, как поёт его сын. *«Это мой парень! – кричал сквозь смех и гордость Пимпорн. – Он лучший из лучших!»*

С тех пор Читтапон усердно занимался музыкой, развивал вокальные данные, выступал на концертах. А Пимпорн со своей женой поддерживали сына, стараясь сделать невозможное ради будущего счастья их ребёнка.

Но пришло время, когда в возрасте восемнадцати лет Читтапона пригласили работать в Китай. Расставание с любимым сыном далось родителям непросто. Читтапон относился к отцу и матери с почтением и уважением. Видя их слёзы, он был готов расстаться с мечтой и остаться в Чиангмай. Однако Пимпорн дал себе слово, что не станет препятствовать успеху сына. Он отправил его с Богом.

Так начался жизненный путь Читтапона Ли.

~~~

В детстве я была очень тихим и сговорчивым ребёнком. Мама любит рассказывать историю моего рождения, ведь в отличие от моих братьев Корбина и Дэниела, я появилась на свет не в роддоме, а практически на сцене.

Начнём с того, что мой отец – известный продюсер Джере-

ми Бессон. Он выходец из неблагополучной семьи и приехал во Флориду из Техаса, не имея за душой ни гроша. Но перед собой отец поставил цель, что он хочет стать успешным и добьётся этого любыми способами. Где он только не работал, чего только не перепробовал – раздавал листовки перед магазином электротехники, разносил газеты желтой прессы по домам. Однажды устроился садовником к одному известному актеру, но когда тот узнал, что Джереми подбивает клинья к его жене, выставил вон. А ещё он мыл посуду в захудалом баре за десять баксов в час.

И мне не нужно было долго выпрашивать отца рассказать о его жизни. Сейчас, если заглянуть в интернет, то о его любовных похождениях и о том, как он пробивал себе путь к вершине, пишут много. Папа успокоился лишь тогда, когда добился любви моей матери Нолы.

Почти шесть лет папа пробовал себя то тут, то там, пока не нашёл друзей, которые пригласили его в свою группу играть на гитаре. Вот, что он поистине делал хорошо. Отличная игра, невероятные гитарные партии вытащили его из бара на настоящую сцену. Год за годом он зарабатывал признание. А потом добивался любви начинающей певицы – целых восемь лет! Мама до сих пор говорит: *«Джереми был страшным, тощим и меня раздражала его ямочка на подбородке. Только у Джона Траволты эта ямочка смотрится очаровательно. Твоему отцу до него, как до луны»*. Папа на эти слова лишь смеётся, говоря, что она спит в его постели, а не

в постели Джона Траволты.

Дэниел появился сразу после их свадьбы, так как мама забеременела во время конфетно-букетного периода. Папа сделал официальное предложение прямо в эфире телешоу Джерри Спрингера* (Шоу Джерри Спрингера – американская телевизионная передача в формате ток-шоу производства телекомпании NBC). Возможно, мама не вышла бы замуж за папу, не пояись Дэниел. Через два года у них родился ещё один мальчик – мой брат Корбин. В этот период папа уже начал карьеру продюсера.

Я оказалась вне планов. «Сюрприз», – сказала мама. Но к счастью, приятный. Папа очень хотел дочь и... вот она я!

Однако, забеременев, в третий раз, мама отказалась сидеть дома. На носу был новый альбом, она не могла просто взять и отложить запись. Мама пела до самых родов. А меня родила на Ибице во время своего дебютного выступления. Кто бы мог подумать! Она исполняла свой сингл, играя на пианино, а когда встала, чтобы поклониться публике, у неё отошли воды. Я попросилась наружу. Мама дала мне имя Элора, которое означает «свежая». Уж не знаю, что послужило такому решению, но я довольна своим именем.

Вопреки этому, я не прониклась любовью к музыке. Я училась в лучших музыкальных училищах, пела в церковном хоре и даже участвовала в шоу «Клуб Микки Мауса», который возобновили после закрытия в девяносто четвёртом году, на канале «Дисней». Мама хотела, чтобы я пошла по ее

стопам, но я полюбила автомобили. Между мной и братьями не большая разница в возрасте. Они играли в машинки, и я вместе с ними. Никто из нас троих не рвался в шоу-бизнес.

Дэниел снялся в сериале, но популярностью не блещет. Всё, чего он добился – актриса с одной съемочной площадки залетела от него. Это был ужасный скандал. Отец был в бешенстве. Дэниел отказался жениться на девочке, но она всё равно родила. Так что у моего старшего брата есть внебрачная дочь, которую он даже навещать не хочет. Мой отец открыл несчастной и обманутой девочке счёт в банке, чтобы та могла вырастить дочку. А Дэниел отправился в армию, откуда вернулся пару месяцев назад. Изменился ли мой брат? Я лично не заметила.

С Корбином мы очень дружны. Он увлекается скейтом и немного бабник. Папа с опаской поглядывает на брата, потому что боится, что история с Дэниелом повторится. А я счастлива, что мои братья не геи, а нормальные мужчины с естественными потребностями. В нашем мире сейчас столько неправильного и мерзкого. Так что я рада, что нашу семью обошли эти казусы, а пресса о нас практически не судачит. Единственный скандал с Дэниелом давно забыт.

~~~

В Китае Читтапон взял сценическую фамилию Ли. Он работал с лучшими музыкальными лейблами, выпустил сольный альбом на китайском языке, однако не имел громкую популярность.

Всё началось с того дня, когда его пригласили в Южную Корею участником группы. В этом юните было шесть человек, но Читтапону удалось выбиться в лидеры и стать любимчиком не только корейнок, его любили в Европе, в Азии и даже в США. На самом пике популярности он ухватился за предложение продюсера стать сольным артистом. И хотя в Корее больше любят «бойзбенды» и «гёлзбенды», Читтапон рискнул.

Спустя год у Читтапона Ли была слава, деньги, две виллы, квартира в городе Бангкок, да и всё, чего только можно было пожелать. Он стал айдолом. Женщины ложились к нему в постель без особых усилий. Достаточно скромной улыбки и вечер пройдёт жарко.

Его отец Пимпорн часто говорит о том, что пора бы задуматься и о женитьбе.

– Пап, для этого я должен встретить ту, которая займёт мое сердце и разум. Я хочу любить свою жену, а не терпеть ее после двух лет совместной жизни, – отвечал на это Читтапон.

Сейчас парню двадцать четыре года. Он обладал внешнестью, которая сводит с ума женщин. Вытянутое белое лицо с четким контуром губ, слегка раскосые азиатские глаза, прямой нос и всегда обезоруживающая улыбка. Читтапон часто менял цвет волос, но прическа оставалась всегда неизменной, ведь ему очень шла чёлка, которая редкими прядями падала на лоб, то и дело завешивая карие глаза, чаще подведённые чёрным айлайнером. Впрочем, собственная внеш-

ность его не интересовала. Для него было важно то, кем он был. Точнее, кем он стал.

Первое представление самого первого в жизни Читтапона мирового турне состоялось в Китае, затем он поехал в Японию, Канаду, США. После Соединённых штатов он должен был продолжить концерты в Мексике, Бразилии, Австралии, а завершала длительное турне Европа. Но по воле судьбы Читтапону суждено было задержаться в США.

Флорида – последний штат, где Читтапон Ли должен был дать один единственный концерт в «Плаза Лив», после чего, без сна и отдыха лететь в Мексику. С ним в турне отправился его близкий друг в качестве рэпера, они совсем недавно записали с Читтапоном дуэт, где у Вона хорошая речитативная партия. Он часто выступал в больших шоу Читтапона Ли.

В тот злосчастный день у них состоялся шуточный разговор, когда Читтапон собирался на пресс-конференцию.

– Смотри, не потеряйся там! – крикнул Вон, пока его друг переодевался в другой комнате. Сам он расслабленно лежал на диване и грыз яблоко. – А то мне придётся отдуваться на сцене вместо тебя!

– Ду Хён обещал, что это займёт всего полчаса, – ответил Читтапон. Он уже стоял перед зеркалом и застёгивал рубашку. Осталось надеть куртку, а визажист доделает работу. – Я успею ещё отдохнуть перед концертом. Не волнуйся, друг.

Но ни через полчаса, ни через два часа Читтапон не появился.

~~~

Филиппинская актриса Мита и её муж джазовый музыкант Джош Хартон жили по соседству с семьёй Бессон. Особняк Хартонов находился западнее, ближе к озёрам. Джош и Джереми близко дружили. Мита с Нолой сделали всё, чтобы их семьи стали почти неразлучными. Все самые громкие праздники они справляли вместе.

У Хартонов был сын – обласканный, залюбленный, потому что единственный. Зак с малых лет имел всё, чего желала его детская душа. Сначала это были игрушки, потом велосипед, затем самокат, приставка, компьютер последней марки, самый новый айфон. Последнее желание коснулась автомобиля, и Зак его получил на своё девятнадцатилетие – Шевроле «Круз», на которой первая прокатилась Элора. Их дни рождения всегда отмечались в один день. И хотя у Элоры событие на неделю позже, это никому не мешало. В ее глазах Зак словно третий брат. *«Мой брат-близнец»*, – часто дразнила она парня.

У них было много общего. Оба увлекались автомобилями, могли копаться в запчастях днями и ночами. Зак часто мечтал о том, что будет водить самолёт. И он уже берет лётные уроки! Этот парень на месте не сидит, не перестаёт удивлять родителей своими безумными идеями.

Однако говоря о «братстве», Элора не подозревала, что у Зака другие мысли по этому поводу. Он приходил к своему другу Корбину под предлогом увидеть её. Он всегда хотел,

чтобы Элора смотрела на него не как на «брата», а разглядела его душу, почувствовала вибрацию, которая, как казалось самому Заку, не раз проявлялась в интимные моменты. Например, соприкосновение рук, когда девушка передавала ему ту или иную запчасть. Замечала ли она все эти намёки?

В последнее время он решил действовать решительно. Корбин давно заметил это поглядывание, когда Элора, махнув рукой, проходила мимо них; как у Зака набирался полный рот слюней при виде её манящих виляний. Тогда-то он и посоветовал другу брать быка за рога.

С тех пор Зак пытался сделать все возможное и невозможное, чтобы она обратила на него внимание, хотя бы самую малость. Зак – очень романтичная натура. Он выдумывал такие вещи, что любая девушка могла бы позавидовать Элоре и назвать её «дурой», потому что не ценит такого парня. А она вела себя так, словно это всё в порядке вещей.

– Почему твоя сестра не желает смотреть в мою сторону, Корб? – спросил Зак после очередного игнора Элоры. – Сегодня я предложил сходить в кино, а она сказала, что надо бы взять тебя и Фаррен. Вот за что?

Корбин усмехнулся.

– В этом вся Элора!

Зак ничего больше не сказал, но домыслил, что не остановится. Элора Бессон будет его.

~~~

Скандалная певица Юфемия недавно заявила о своём

уходе со сцены. Американский шоу-бизнес будет скучать по безумствам этой женщины. Но Юфемия решила, что с неё достаточно славы и нелепых слухов. Её дочери Фаррен, которую она растила одна, уже двадцать лет, она может жить самостоятельно. Для этого Юфемия купила дочери пентхаус в центре Орlando, а сама нашла себе гавайского мачо на десять лет младше самой певицы, и укатила с ним в кругосветное путешествие.

Фаррен была предоставлена самой себе. С деньгами матери она могла делать всё, что только пожелает. У неё не было определенной цели. Да, она отучилась в музыкальной школе, но рваться на сцену не торопилась. Мать не раз говорила ей, что начинать карьеру певицы в двадцать лет – кощунственно. Она растрчивает свою молодость на клубы, мальчиков и глупые увлечения. Но Фаррен не желала слушать мать. *«Придёт время, и я возьмусь за ум, мама. А пока позволь мне наслаждаться жизнью»*. Юфемия перестала бороться с несговорчивой дочкой, она стала посвящать время себе любимой, позволив Фаррен жить по своим правилам.

Дружба с Элорой Бессон вселяла надежду, что Фаррен переменит свою позицию и возьмётся за ум.

У Фаррен была ангельская внешность – длинные шелковистые серебристые волосы и огромные зеленые глаза. Правда, всю эту нежную красоту, дополнял вредный характер. Фаррен любила всякие шуточки. Ещё в школе она подбрасывала подружкам записки с признанием в любви от какого-то

мальчика. Сейчас она могла заказать стриптизера на день рождения подруги и не постесняться строгих родителей.

А ещё она всегда твердила, что выйдет замуж за корейца. Она с ума сходила от азиатских мордашек и в особенности от восходящей звезды Читтапона Ли. Поэтому, когда Корбин предпринял попытки поухаживать за ней, она сказала прямо: *«Ты не кореец. Не рассчитывай на серьёзные отношения»*. Элора расстроилась, когда узнала, что они с Фаррен не породнятся.

– Ты жестокая! Возможно, у вас с Корбином получилась бы прекрасная семья. Он – лучший мужчина на свете! И если бы не был моим братом, то я загребла бы его в охапку и никому не отдала. А ты бездушная, Фаррен.

– Лучше бы ты Зака загребла, – пробурчала в ответ подруга.

Элора расхохоталась.

– Издеваешься? Зак – друг. И он не в моем вкусе.

– Тогда давай вместе рванем в Корею и найдём себе красавчиков. – Она раскрыла журнал и сунула Элоре в нос. – Смотри, какой лапочка. Это Читтапон Ли. Ах, моя мечта!

Но Элора даже не взглянула на фотографию и имени не запомнила.

– Для меня они все на одно лицо.

– Он просто душка.

– Корбин – душка, Фаррен. А этот – просто один из многих похожих азиатов.

– Ничего ты не понимаешь!

После того разговора прошло почти два месяца. А потом Фаррен случайно услышала новость о том, что корейская звезда прилетит в США, и ни куда-нибудь, а будет давать концерт в их городе! Возбужденный мозг девушки судорожно работал. Купить билет на концерт и быть одной из большинства сумасшедших фанаток – унижительно. Ей нужно было добиться встречи с ним, но как назло никакие связи не помогли.

За неделю до приезда Читтапона Ли Фаррен сидела в баре с подругами, среди которых отсутствовала лишь Элора, и обсуждала эту нерешенную проблему. Тогда девушка по имени Мэри рассказала о том, что у неё есть загородный домик. Дальше план сложился сам собой. Оставалось исполнить.

2.

– Сдалась тебе эта отцовская заправка! Лучше бы сидел в своём Пуэрто-Рико и не совался сюда. У меня своих проблем полно, – распалялся Забдиель, пытаясь справиться с управлением автомобиля на избитой дороге. Это совсем новый внедорожник, и ему не хотелось испытывать его на таких колдобинах.

– Не отделаешься от меня, братец! Ты обещал помочь, так давай крути руль. Я хочу наконец стать человеком, и раз отец, отдавая душу Богу, оставил мне в наследство заправочную станцию, так я хочу на неё посмотреть.

– Нашёл время, – недовольно буркнул Забдиель, затем свернул на трассу, которую «трассой» назвать страшно. На больших отрезках асфальт вспучился и потрескался, из-за чего ехать приходилось на маленькой скорости. Не удивительно, что машин здесь нет. Только псих может заехать в эти места.

Эрик закурил и высунул руку в окно. Он не потрудился побеспокоиться об удобстве Забдиеля. На правах старшего брата тот всегда ворчал на Эрика. Парень не помнит и дня, когда они не дрались в детстве. Забдиель пытался его воспитывать, а Эрик игнорировал любые приказы. Он слушался только мать, но она не часто могла уделить время сыновьям, потому что работала не покладая рук. Отец Забдиеля

оказался пьяницей и ушёл от неё, когда мальчику был год. Потом появился в ее жизни отец Эрика – американец. Три года обернулись неиссякаемым потоком слёз. Стивен Колон уехал во Флориду на заработки, но так и не вернулся. Забдиель решил последовать примеру отчима и уехал в тот же город Орландо, едва ему стукнуло шестнадцать. А Эрик так и продолжал жить с матерью до тех пор, пока не получил известие о кончине отца и маленьком наследстве.

– Там впереди кочка, – диктовал Эрик с важным видом.

– Вижу.

– Эй, Заб, в чем проблема? Я тебя обременяю? Если так, то скажи!

– Я ничего подобного не говорил.

– Ты сидишь и кудахчешь, как старая курица-наседка. Кут-кут-кут! Кут-кут-кут! – при этом Эрик изобразил взмахи локтями, что выглядело комично, но вместе с тем обидно. – Ты большой человек, братец. Так не теряй лицо! Не будь занудой, тебе это не идёт!

Забдиель побагровел и буквально раздулся от злости. Сначала этот мальчишка приезжает в Орландо без предупреждения, вклинивается в его жизнь, занимает лучшую комнату в доме, выкинув брата в гостиную на диван, затем портит все планы ради какой-то занюханной заправки. А теперь пытается выставить его неблагодарным братом.

– Ты бы помалкивал, ибо мне понадобится всего минута, чтобы развернуть автомобиль, – закричал он, одной ру-

кой придерживая руль, а другой – Эрика за майку. – А через несколько часов красивый самолётик увезёт тебя обратно в Пуэрто-Рико, и больше я тебя не увижу...

– Тормози!

Тревожный крик Эрика заставил Забдиеля вернуть взгляд на дорогу, куда выбежала девушка, размахивая руками над головой. Парень крутанул руль вправо, машина резко, с визгом тормозов остановилась, оставив под собой облако пыли. После чего последовала громкая ругань.

~~~

Корбин остановился в дверях. В синих глазах застыла серьёзность. Что ещё, кроме ключей от машины он хотел взять? Вроде ничего не забыл. С этой уверенностью он направился к лестнице, а минуя комнату сестры, на минуту задержался. На стук никто не ответил, и тогда он осмелился заглянуть в комнату, но Элоры внутри не оказалось. В голову Корбина закрались нехорошие опасения, что сестра не ночевала дома.

– Мам, привет! – крикнул он через всю гостиную.

Нола листала журнал, сидя за столиком, но услышав голос сына, тут же оторвалась от него.

– Доброе утро, милый! Куда-то собираешься?

– Есть дела. Мам, ты Элору не видела?

Женщина откинула рыжие локоны и пожала плечами. Её уже немолодое лицо освещали утренние лучи солнца, выставляя напоказ веснушки и пигментные пятна. Дома Нола

ходила без косметики, чтобы кожа отдыхала, поэтому только домочадцам позволялось видеть ее истинный возраст.

– Мне казалось, она спит в своей комнате, – ответила Нола, возвращаясь к журналу.

– Я только что оттуда, – задумчиво сказал Корбин. – Просто, я виделся с ней вчера утром. Такое ощущение, что она не ночевала дома.

– Прошу тебя, Корбин! – всплеснула руками мать. – Элора вполне взрослая девушка. Возможно, они с Фаррен пошли в клуб, выпили лишнего, и Элора предпочла остаться у неё. Не стоит переживать за неё. Появится!

Почувствовав раздражение, Корбин кивнул и вышел из дома. Иногда казалось, что только ему не безразлично, что происходит в судьбе сестры. На пороге он столкнулся с Дэниелом, от него несло спиртным.

– Ты, конечно же, тоже дома не был со вчерашнего дня, – сделал вывод Корбин. Дэниел икнул, Корбин поморщился и пошёл к своей машине.

Какое-то странное предчувствие поселилось в душе, когда, позвонив Элоре, телефон оказался вне зоны доступа. Что-то случилось, испугался он, и набрал номер Фаррен.

Когда девушка ответила, её голос был сонным, но речь связной.

– Корбин, какого черта ты звонишь в такую рань?

– Вообще-то, сейчас уже одиннадцать.

– Да? – в замешательстве прохрипела Фаррен. Послыша-

лось шуршание. Корбин предположил, что она решила проверить свои часы. – Точно, – проскрежетала она в трубку. – Чего тебе?

– Элора у тебя?

– Элора? – повторила девушка таким тоном, будто такого никогда не могло произойти. – Что ей у меня делать? Нет, я ее вчера вообще не видела. Что-то случилось?

– Пока ничего. – Корбин вдруг подумал, что нет смысла беспокоить человека понапрасну. Он сказал: – Если вдруг увидишь ее, попроси, чтобы мне позвонила.

– Хм... Говоришь загадками. Хорошо.

После разговора с Фаррен Корбин сидел неподвижно минут пять. Он попытался убедить себя, что с Элорой всё в порядке и скоро она даст о себе знать. Но тревога никуда не делась.

~~~

Автомобиль занесло, но к счастью, с ним ничего не случилось. Когда машина остановилась, я замерла в ожидании. Сердце колотилось как бешеное. Затем со стороны водителя открылась дверца и оттуда вышел высокий парень с обесцвеченными волосами, гримаса полного непонимания читалась на смуглом лице. Пока он шёл ко мне, я заметила татуировку змеи на его правой руке, что заставило меня пожалеть о своём поступке. А если он набросится?

Он ещё и не один! Следом за белобрысым из внедорожника выбрался парень помоложе, с чёрной копной волос на

голове и серьгой в ухе. Он шёл лёгкой небрежной походкой уверенного в себе человека. Вот с ним я и буду разговаривать, тут же решила я, и дернулась в сторону от белобрысого.

– Помогите! – закричала, как можно жалобнее. – Я попала в аварию. Мой фургон перевернулся.

– С вами всё в порядке? – обеспокоенно спросил белобрысый к моему великому удивлению.

– Да! Да, я в порядке. Но там ещё человек и он, кажется, очень плох.

Тот, что с серьгой немедленно пошёл в сторону моего фургона. Я крикнула вдогонку:

– Он живой! Иногда приходит в себя, но через время снова теряет сознание!

Оба парня отнеслись к моей ситуации с пониманием. Они попросили не волноваться и отправились за корейцем.

– Его надо бы в больницу, – сказал белобрысый.

– Нет! – крикнула.

Оба уставились на меня в недоумении.

– Нет?

– Нет. Понимаете, тут очень необычная ситуация. Я только хочу, чтобы вы меня поняли. – Я говорила очень быстро, заикаясь и запинаясь. Всё мое тело трясло от страха. – Мой отец – известный продюсер, и это происшествие повлияет на его репутацию. Но я здесь не виновата. Пожалуйста, мне нужно, чтобы парень очнулся, а потом мы с ним вместе решим, как быть. Помогите, – почти завывала я.

Мои руки опустились вниз, я склонила голову с выражением неприкаянности и отчаяния на лице. По щекам побежали слёзы. Хотя в жизни я редко плачу, но тут я просто была напугана.

Парни посмотрели друг на друга, затем на корейца, лежащего на траве.

– У меня есть знакомый доктор, – произнёс белобрысый.

Услышав эти слова, я подпрыгнула и положила ладони на его руки, напрочь позабыв о своих опасениях.

– Вы правда мне поможете? Спасибо! Обещаю, что в долгу не останусь!

Темноволосый ухмыльнулся, но белобрысый тут же смеялся ему взглядом, затем обратился ко мне:

– Но с условием, что по дороге вы всё нам расскажете.

В ту минуту я была согласна на всё на свете. Какое счастье, что мне повстречались эти добрые люди. Позже они представились. Белобрысого звали Забдиель, а с серьгой в ухе – Эрик. Парни подкатали внедорожник к нашей дороге, мы положили корейца на заднее сиденье, я села рядом с ним, чтобы придерживать. Забдиель вёл машину очень тихо. А я всю дорогу рассказывала о том, как поступила со мной моя лучшая подруга.

Я ещё не думала, что скажу ей при встрече, но нашей дружбе пришёл конец.

~~~

Хотя стоял разгар дня, в комнате было сумрачно, и каза-

лось, что наступил вечер. Возможно, в этом виноваты тёмные стены, нагромождение мебели, ящиков с книгами и журналами, коробок с обувью, спортивным инвентарём, вроде гантель, гирь и мячей. Кроме всего этого баракла тут стоял вполне мягкий диван и два кресла. На стене висел выключенный телевизор, а под ним на полочке стояли какие-то спортивные награды.

Я сидела, забившись в угол кресла, покорно ожидая, пока доктор осмотрит корейца. Мне пришлось унять бешено колотящееся сердце и заставить себя думать только о хорошем. Забдиель находился в спальне вместе с доктором и корейцем. А Эрик шумел на кухне.

Не знаю, сколько прошло времени. От всего произошедшего я просто выпала из реальности и потеряла счёт времени. Я паниковала при мысли о том, что меня ищут, – не только родители, но и полиция, – однако тишина в квартире загоняла этот бунт глубоко в подсознание. Не сейчас. Подумаю об этом позже.

– Вот, – Эрик поставил передо мной кружку, – я не очень хорошо умею готовить кофе, но тебе должно помочь. Я старался. – И улыбнулся одними губами.

– Спасибо, – сказала я. Затем сделала глоток. Очень крепкий. Я посмотрела на Эрика и улыбнулась: – Приводит в чувства.

– Я на это надеялся, – довольно ответил парень.

– Как же долго, – нервно вздохнула, убирая ноги под себя.

Мне безумно хотелось спрятаться и стать невидимой. «*За что ты так со мной, Фаррен?*»

Когда в коридоре послышались шаги, я быстро вскочила, едва не перевернув кофе на себя. Первым вошёл Забдиель, а за ним доктор, согласившийся осмотреть «звезду» на дому. К моему удивлению у мужчины были узкие глаза. Он тоже кореец? Ответа мне так и не узнать, но теперь я была уверена, что корейскую «звезду» в беде не бросят.

– У парня нет ничего серьёзного на первый взгляд, – сообщил врач. – Небольшое сотрясение мозга. Конечно, я бы посоветовал при возможности поехать в больницу и на всякий случай сделать томографию. Нужно избежать серьёзных последствий, ведь иногда самые плохие травмы прячутся от наших глаз.

– Хорошо, доктор, – возбужденно ответила я. – Он очнулся?

– Я ввел ему лекарство. Он проспит всю ночь. – Врач повернулся к Забдиелю. – А что произошло?

– Ударился головой о гирию, – быстро нашёлся парень, за что я ему была весьма благодарна.

Мы все с минуту смотрели на десятифунтовую гирию. Затем доктор вздохнул и попрощался, Забдиель проводил его.
Очнётся завтра.

Теперь мне предстояло решить, как быть дальше. Всё складывалось не в мою пользу и позвонить кому-то я боялась. Пока не разберусь со «звездой», не сдвинусь с места,

решила я.

Забдиель вернулся в комнату, и мы долго молчали, прежде чем Эрик заговорил.

– Значит, парень останется здесь до утра?

– И замечательно. Может, ты наконец уберешься восвояси, – огрызнулся Забдиель.

– Мне некуда идти.

– На самолёт к маме! Я готов купить тебе билет.

Я крутила головой, не понимая, о чем они говорят.

– Какой ты бездушный сукин сын! – воскликнул Эрик.

В голосе звучало огорчение. – Чужого человека впустил в свой дом, на свою... кхм... пока ещё мою кровать. А меня, родного брата, готов выкинуть на улицу?

– Так вы братья? – широко распахнув глаза, вскрикнула от удивления. – Вы совсем не похожи друг на друга.

– У нас отцы разные, – ответил Забдиель. – Мой – пуэрториканец, а у Эрика отец был американцем.

– Вот именно! Так что у меня больше прав находиться в этом городе, чем у тебя!

– Да пожалуйста! Только не в моем доме!

Эрик страшно разозлился, ведь все эти слова были сказаны при незнакомке в моем лице. Я хорошо понимаю, почему он ушёл, хлопнув дверью.

– По-моему, это жестоко, – осмелилась сделать замечание Забдиелю. Он развалился в кресле и закрыл глаза. Почувствовав стыд и вину, я решила извиниться. Какое право я

имею говорить это? Кто я такая? – Прости, я не хотела, чтобы всё так получилось.

– Как? – Он резко посмотрел на меня. – Если ты об Эрике, то не волнуйся, он перебесится и вернётся. Мы с ним каждые полчаса ворчим друг на друга. Я зол на него ещё с шестнадцати лет. Но это долгая история. Просто не обращай внимания.

– Э... – Я кашлянула и отвернулась в сторону, убирая прядь за ухо. – Мне дико неловко, что я вот так ворвалась в твой дом, да ещё и с пострадавшим в аварии человеком, но... Могу ли я остаться здесь до утра? Обещаю, что уйду, как только...

– Как ты сказала тебя зовут?

– Элора.

– Так вот, Элора, я не имею ничего против. Оставайся столько, сколько потребуется. Полиция ничего не узнает. Я могу постелить тебе здесь на диване, а мы с Эриком ляжем на полу.

– О нет! Я должна быть рядом с корейцем на случай, если он проснётся. Я видела в спальне большое кресло.

– Ты его имени не знаешь? – усмехнулся Забдиель, ведь я его всё время называю «корейцем».

– Оно сложное. Я не помню его.

Мы улыбнулись друг другу, безмолвно делясь эмоциями. Я могла представить, как выглядела в глазах этих людей. Мне повезло, что они оказались добропорядочными и согласи-

лись помочь.

Благодаря Забдиелю остаток дня прошёл быстро. Он заказал пиццу, немного рассказал о себе. Я узнала, что он бизнесмен – владелец спортивного комплекса и сегодня отложил все дела ради того, чтобы отвезти брата на заправочную станцию, некогда принадлежавшую отцу Эрика. К этому он добавил, что рад резкому повороту событий и нашему знакомству. А вечером вернулся Эрик, но я недолго посидела с ними, потому что усталость брала своё, я хотела спать. Пожелав ребятам спокойной ночи, я пошла в спальню, тихо села в кресло, сгруппировалась поудобнее. Затем долго смотрела на спящего корейца, пока веки не потяжелели, а глаза не потеряли фокус и стали слипаться.

~~~

Сеул, Республика Корея

В громадном холле царила прохлада и тишина, так что стук каблуков отдавался звонким эхом в высоких потолках, мраморных каминах, невероятных размеров зеркалах и люстрах.

Ким Руби – знойная красавица, шла грациозно и изящно, ничего не задевая, в своём узком блестящем платье. Ярко накрашенные глаза смотрели прямо исподлобья, она словно прицелилась к мишени и собирается выстрелить. Чёрные волосы были разбросаны по загорелым красивым плечам. Парень, ожидавший ее, тихо млеет от ощущения небывалой нежности, разлившейся внутри от вида ее белоснеж-

ной улыбки.

– Целовать тебя не буду, Тхэ Мин, – положив ему руки на плечи, сказала Ким. – У меня перерыв всего пять минут и надо снова вернуться на съёмочную площадку. Что-то случилось?

Тхэ Мин вздохнул, взгляд голубых глаз сделался грустным, а лицо потускнело.

– Сегодня звонил Вон, – сказал он бесцветным голосом. – Турне Читтапона прервалось. Сегодня Вон и вся команда возвращается в Корею. Только Ду Хён останется во Флориде до выяснения обстоятельств.

– А что случилось? Каких обстоятельств?

– Читтапон, – тяжело произнёс Тхэ Мин, машинально беря руки девушки в свои. Он волновался, ведь Читтапон Ли был его очень близким другом, даже ближе, чем Вон. А тут такое. – Его похитили.

– Что?! Ты шутишь?

– Как бы я хотел, чтобы это было шуткой. Но, увы, его похитили сразу после пресс-конференции.

Раздосадованная услышанным Ким вырвала свои руки из тёплых ладоней Тхэ Мина и отошла от него на несколько шагов. Новость оказалась для неё полной неожиданностью, она не могла показать своему парню всех эмоций, но Читтапон значил для неё больше, чем просто друг ее парня. Она с Тхэ Мином стала встречаться только потому, что это самый короткий путь к сердцу Читтапона. Пока что они просто дру-

зья, но девушка верила, что наступит день, когда Чит Ли посмотрит в ее сторону, тогда-то она и сможет помахать ручкой Тхэ Мину.

– Вчера нашли фургон, в котором его увезли, – продолжал Тхэ Мин. Он сидел, свесив руки меж широко расставленных колен и понутив плечи. – Но к сожалению, в нем никого не было. Стёрли все отпечатки. Автомобиль арендовали по телефону на имя человека, которого в городе нет и не было на тот момент. Поэтому нет никаких зацепок и предположений о том, где могут держать Читтапона.

– Но... С какой целью его похитили, не понимаю?

– Телохранители видели молодых девчонок. Видимо, чокнутые фанатки. Других объяснений у меня нет. Хорошо сработанный план.

Ким покачала головой.

– Бред какой-то.

– Эй, Ким! – крикнул сверху мужчина, размахивая при этом папкой. – Тебя долго ещё ждать? Съёмка в разгаре! Певицы только не хватает!

Тхэ Мин поцеловал ее в щеку и пообещал вечером заехать за ней, чтобы всё обсудить. А она молилась, чтобы с её Читтапоном ничего плохого не случилось. Мысли об этом испортили ей день, беззаботное настроение улетучилось, и на работе она так и не смогла сосредоточиться. Сбежала прямо со съёмочной площадки.

~~~

Орlando, штат Флорида, США

Забдиель выключил бесполезно работающий телевизор и застыл на некоторое время. На диване уснул Эрик. Пришлось достать надувной матрас, который всегда держал на такой случай. Утром ему необходимо быть на работе, поэтому сон не помешает. Тем более, после такого тяжелого дня матрас лучше, чем твердый пол.

Перед тем, как улечься, он взял тёплый плед и пошёл в спальню, где на кресле спала его новая знакомая Элора. Он даже не взглянул на кровать, где спал кореец, а сразу подошёл к креслу и укрыл скрутившуюся в калачик девушку.

Почувствовав одеяло, девушка зашевелилась, но не проснулась. Забдиель так и стоял, склонившись, рассматривая ее.

«Красивая девушка», – подумал он.

Волосы у Элоры густые пшеничного цвета, пусть растрепанные – её это ничуть не портило. Совсем молодая, круглолицая. От движения несколько прядей скользнули с нежной кожи лица, открыв гладкие щёки. Он вспомнил взгляд ее янтарных глаз, особенно там, на месте аварии, они блестели на солнце. А пухлые чувственные губы чего стоили! Забдиель с большим трудом удержал себя от искушения прикоснуться к этому прекрасному созданию.

«Интересно, а она свободна? Непохоже, чтобы у неё был любимый человек».

Он быстро выпрямился. Не время сейчас думать о таких

вещах. С ней приключилась весьма неприятная история и, судя по её рассказу, утро у бедной девушки выдастся очень трудным. А его рядом не будет. Но Забдиель пообещал себе, что освободится и приедет как можно раньше. Только бы она не ушла до его прихода.

Тихо прикрыв дверь, он вернулся в гостиную, где его ждал холодный надувной матрас.

3.

Мне снился сон. Я снова видела себя за рулем того злощастного фургона. Рядом со мной сидела Фаррен, её узкое лицо было пунцовым от возбуждения. Мы хихикали, как две девчонки, и я чувствовала, что снова доверяю ей. Я стала единственным союзником Фаррен, я не должна ее подвести. Крепче сжимая руль вспотевшими ладошками, я ехала по ровной дороге, освещая путь фарами. Да, моя подруга безумная, но она не виновата в этом. Я всегда думала, что поведение ее матери Юфемии повлияло на воспитание и характер Фаррен, но я не переставала её оправдывать, говоря, что она хорошая девушка.

Она не желала мне зла. Я вдруг захотела спросить, так ли это. Повернулась к ней лицом и серьёзно сказала:

– Фаррен, ты ведь не бросишь меня одну в беде?

Но вместо ответа подруга рассмеялась. Звук её зловещего смеха ещё долго носился отголосками по комнате, когда я проснулась.

В первые секунды я не понимала, что случилось и где нахожусь. Но уже спустя мгновение заметила шевеление на кровати. Кореец, точно. Я в доме бизнесмена Забдиеля, который вытащил меня и «звезду» из пустыря, позволил мне решить дело, не привлекая полицию. Вспомнив это, моё сердце дрогнуло и зачастило от радости. Это он укрыл меня

ночью. Откидывая приятный тёплый плед, я улыбнулась.

Кореец застонал и я поспешила к кровати. Он просыпается? Или в бреду? Чтобы убедиться, что у парня нет жара, нагнулась и приложила ладонь к его лбу. Именно в этот момент кореец открыл глаза. Я замерла и почти не дышала. А он смотрел на меня пристально, с удивлением.

– Нимфа? – произнёс он.

Я подумала, что не разобрала этого слова, поэтому изумленно уставилась на него.

– Что ты сказал?

– Какая красивая, – проговорил он. – Ты ангел? Я в раю?

Ничего не понимая, слегка отпрянула назад. Тут один из нас явно сумасшедший. Он говорил по-английски, значит, соображал прекрасно. Но к чему ему придуряться? Разозлившись, я вывалила на него всё и сразу:

– Вообще-то, тебя вчера похитили! Фургон, в котором тебя везли, перевернулся, и ты потерял сознание.

– Я не в больнице, – заметил парень, разглядывая узорчатые стены в спальне, его узкие глаза остановились на плакате рок-группы «Led zepplin». Он долго смотрел на чёрно-белый постер, прежде чем спросил: – Где я?

А вот с этого момента начинается самое сложное. Я вздохнула и села прямо рядом с ним на кровати. Кореец не пытался подняться, и я знала, что после лекарства он будет чувствовать слабость и лёгкое головокружение. Доктор вчера успел предупредить.

– Ты меня похитила? – осведомился он. Его голос звучал мягко, что успокаивало меня.

– Нет. Но я вела фургон. Авария случилась из-за меня. Послушай, я тебе всё объясню, ты только выслушай и не перебивай.

Я сложила ладошки вместе, как бы умоляя его. А парень изучающе разглядывал меня, наверно, пытаюсь составить обо мне представление.

– Это устроила моя подруга Фаррен.

– Фаррен, – повторил парень.

– Да, она и её знакомые. Я не знала, куда мы едем и зачем. Она всего лишь сказала, что у неё есть дело, а так как я хорошо вожу, то могу её выручить. Поверь, я узнала обо всём, когда ты был уже в фургоне. – Я видела, как парень приподнял брови, будто не верил в этот бред, но я всё же продолжила, не обращая на этот жест внимания: – Они всего лишь хотели развлечься, а меня использовали. Узнав такое, я, конечно же, начала протестовать, и мы с Фаррен поссорились. А потом... фургон перевернулся. Я потеряла сознание, а утром, когда очнулась, никого не было, кроме меня и... тебя... как выяснилось.

– И... куда же делась Фаррен?

– Не знаю. Видимо, бросила меня... – Я замолчала, не желая произносить слово «умирать». – Возможно, увидев нас без сознания, они испугались. Подумали, что мы... это... ну, ты понял.

Кореец ничего не сказал. Долю секунды он не сводил с меня глаз, а потом резко выдал:

– Мне надо позвонить своему агенту.

– Нет, пожалуйста.

– В смысле? У меня прервалось мировое турне... По вашей вине, между прочим! Ду Хён места себе не находит, а я торчу непонятно где, и неизвестно с какой целью ты меня здесь держишь. Я могу, хотя бы сказать, что со мной всё в порядке?

– Нет, – отрезала я.

– Нет? – возмутился кореец. – И после этого ты говоришь, что не похищала меня?

Как же мне было трудно говорить. Я не могла подобрать правильных слов, не могла донести свои мысли. Всё шло не так! Я встала и начала мерить шагами комнату.

– Послушай, я тоже сутки не появлялась дома, и мои родители места себе не находят, уверена. Но я здесь, чтобы сначала разрешить нашу с тобой проблему.

– А у нас есть проблема? – Корейца, казалось, забавляла моя неуверенность. Он издевался надо мной!

– Да, чёрт возьми! – вспыхнула и всплеснула руками. – У нас есть проблема! Большая такая! И толстая! Я попала в эту задницу не по своей воле, ясно? Мой отец – известный человек, и я не хочу огласки.

Парень уже совсем ничего не понимал. Уронив голову на подушку, он устало произнёс:

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу отпустить тебя к твоему агенту. Ты же отпустишь меня, но давай так договоримся, чтобы полиция ни о чем не узнала. И тем более – журналисты!

– Как же я объясню своё отсутствие и то, что произошло?

«*Какой же он тугодум!*» – я готова была выйти из себя.

– Придумай что-нибудь. Скажи, что очнулся после аварии один, а добрые люди помогли. Это же так просто! Попроси замять это дело и не давай ему ход.

Кореец некоторое время лежал задумавшись. Я не сводила с него глаз, но так и не смогла по выражению прочесть, что было у него в голове. Боясь, что он упрется, опустилась возле его кровати на колени, тут же ощутив в них боль, но это было неважно, меня волновал результат.

– Пожалуйста, зв... э-э-э... Как тебя зовут, напомни.

Тут он улыбнулся. Улыбка переросла в смех, который заразительно действовал на меня, но я упорно сдерживалась, хотя уголки губ всё равно дрогнули.

– Ты не знаешь моего имени? – смеялся он. – Ты действительно странная! – Он откашлялся, затем добавил: – Читтапон. Меня зовут Читтапон.

– Читтапон, – повторила я.

– Да! Приятно познакомиться, эм... – Парень вопросительно уставился на меня.

– Элора, – как последняя дура сказала я. Вообще, если бы хоть немного умела врать, умела бы обводить людей вокруг

пальца, лукавить или даже лицемерить, всё могло бы быть совсем иначе. Я сама своей собственной наивностью толкнула себя в лапы этого корейца, не задумываясь о последствиях. А он не глуп и вскоре даст мне это понять.

– Значит, передо мной красивая девушка Элора – соучастница похищения и одновременно спасительница, – заключил он.

– Не соучастница! – воскликнула с отчаянием. – Не соучастница! Ты мне нафиг не нужен, понял? – Почувствовав, что перегибаю палку, смягчилась. – Пожалуйста, Чи... Чи... Читта... я снова забыла твоё имя. С вашими корейскими именами попробуй не сломать язык!

– У меня тайское имя. Зови меня просто Читт. – Он коснулся моей пылающей щеки. – Воды дашь?

Я вышла из спальни, чтобы принести парню воды. Мои руки дрожали, я так тяжело дышала, как будто вот-вот станет плохо с сердцем. В коридоре на стене висело зеркало. Пришлось закрыть глаза, чтобы не видеть существо в отражении, которое кореец назвал «ангелом». Нерасчесанные волосы свисали по бокам бледного, чуть опухшего после сна лица; тушь размазалась, оставив тёмные круги под глазами. Одежда грязная; руки, ноги в ссадинах, и даже на лице заметила пару царапин.

– Какой, к черту, ангел? – пробурчала под нос, идя в ванную умыться.

Прохладная вода привела меня в чувства. В шкафчике над

раковинной нашла крошечную расческу. Не для моих густых волос, конечно. Но это лучше, чем совсем ничего. Как смогла, расчесала пряди волос. Стёрла косметику мылом, которое в последствии попало в глаз и страшно щипало. Выдавила зубную пасту на палец и освежила рот, протерла зубы. Затем отправилась на кухню.

Забдиеля дома не было. Зато Эрик никуда не ушёл, смотрел телевизор, лёжа на диване.

– С добрым утром! – крикнул он, заметив меня.

Тоже мне – доброе! Кивнула, криво улыбнулась, после чего скрылась за поворотом. На кухонном столе нашла графин с водой, взяла его и стакан. В спальне уже наполнила его водой и вручила «звезде».

– Долго ты.

Нахмурилась. Он ещё и возникает.

– Приводила себя в порядок, – промямлила в ответ.

Парень вернул стакан. Его глаза то закрывались, то открывались. У него не было сил, из-за слабости клонило в сон. А если он сейчас заснёт и проспит до завтрашнего утра? Я не могла торчать тут целую вечность! Да и у парня сотрясение, его бы в больницу.

– Читтапон? – негромко позвала его, надеясь, что правильно произнесла имя. – Что будем делать?

– Думаю.

У меня изнутри рвалось какое-то бешенство, незнакомая мне свирепая ярость. Я могла бы закричать, послать его к

черту, но понимала, что многое поставленно на карту.

– И... долго ты будешь думать?

– Кто твой отец?

– Джереми Бессон. – И снова я сглупила, но поняла это слишком поздно.

– Хм... Я слышал о нём. Продюсер, – сказал кореец, разглядывая мою фигуру. Я села.

– Он не простит мне такого позора. И... я не хочу в тюрьму. Я ещё слишком молода, чтобы потратить несколько лет своей драгоценной молодости в неволе. Я ведь совсем не хотела никого похищать. Я даже не знаю тебя толком!

– Зато Фаррен знает, так? И ее подружки тоже, – сардонически усмехнулся парень. – На их лицах были маски животных. Если полиция попросит меня опознать похитительниц, я не смогу этого сделать. Но...

Наступила напряженная пауза. Страх, словно ледяной кинжал, пронзил мое сердце. Кореец к чему-то клонит, но я никак не могла разгадать его странной улыбки, его молчания, его задумчивых глаз. Я ловила его изучающий взгляд, но не понимала сути. И вот, Читтапон наконец заставил себя отвернуться к окну. Молчание затянулось слишком надолго. Мои нервы этого не вынесут.

– Но? – в конце концов повторила я.

Кореец снова пронзил меня насквозь загадочным взглядом, а потом сказал:

– Но зато я знаю тебя, Элора Бессон. Знаю твою подру-

гу Фаррен. Вы обе причастны к моему похищению. Значит, найти остальных – дело времени. Фаррен здесь нет, но ты готова пойти на всё, чтобы не дать этому делу ход. Не так ли?

Я ответила, не подумав:

– Если это спасёт репутацию моего отца, то да.

– Тогда сдай своих подруг и иди с миром.

~~~

Корбин с шумом захлопнул дверцу своего спортивного автомобиля, с головы слетел капюшон нижней кофты, открыв его светлые торчащие в разные стороны волосы; к уху был приложен телефон.

– Не знаю. Я только приехал, – говорил он кому-то на том конце провода. – Да так... дела были... Какие-какие! Ты мне не мамочка, Зак, чтобы тебе отчитывался. Я собственной матери не рассказываю, где провожу ночи, и тебе не собираюсь. – Он ещё немного постоял около крыльца, слушая собеседника, затем заключил: – Всё. Я хорошо помню, что обещал. Ладно, я дома. Сейчас узнаю, приехала она или нет.

Гостиная была залита солнечным светом, а чудовище по имени Дэниел мирно просиживало зад в плетённом кресле-качалке у окна с газетой на коленях, которую не читал. Вместо утреннего кофе он держал банку пива. Удивляться было не чему. Если отец в разъездах, то домочадцы творят, что душе угодно. Вот и их святая сестричка, похоже, последовала туда же.

– Элора дома? – спросил Корбин, не надеясь на ответ

Дэниела.

– Я ее не видел, – глухо бросил тот.

– Ясно, – тихо сказал Корбин и собирался подниматься наверх в свою комнату, как вдруг в гостиной появилась Нола, заполняя своим звонким голосом всё пространство тихого дома.

– Корбин! Сынок, я ждала тебя всё утро, чтобы сообщить прекрасную новость, – прозвенела она, затем чмокнула его в щечку. В этот момент Дэниел фыркнул и отвернулся.

– Что за новость, мама? Я так устал и хочу спать.

– Отец выбил тебе место помощника режиссёра! – Она широко улыбалась. – Ну? Ты не рад? Ты же сам говорил, что хочешь работать в сфере кинематографа, уехать в Голливуд и стать известным кинопродюсером. Отец подумал, что пока ты учишься, можешь подработать. Тем более эта киностудия находится прямо здесь, в Орландо. Не надо никуда ехать. Наберешься опыта и сможешь строить карьеру...

– Мам... – одним движением руки он заставил ее замолчать. – Элора дома?

Нола удивлённо хлопала ресницами. Она распинается тут перед ним, а Корбина волнует Элора?

– Я не видела её со вчерашнего дня, – всё же ответила мать, махнув рукой. – Может, спит ещё.

– Так она вчера приезжала?

– Вчера? – Нола нахмурилась, вспоминая, что она вообще вчера делала. Затем пожала плечами. – Наверное, не вчера.

А может, и вчера.

Корбин молча развернулся и ушёл.

В комнате Элоры не было. Все её вещи лежали на месте, так же, как он запомнил их вчера утром. Он зашёл к себе, сел и начал постукивать костяшкой пальца по столу, задумчиво поглядывая на свой телефон. Сколько раз он звонил ей? Корбин сбился со счёту. Внезапно его охватила злость. Его сестры нет уже вторые сутки, а всем наплевать. Он снова набрал её номер. Ничего. Зак сказал, что давно не видел её. Фаррен тоже ничего не знает.

Но хуже всего в этой ситуации то, что Корбин не знал, как поступить. Вариантов много, но есть ли смысл бить тревогу? Он потёр лицо ладонями. Подождать до вечера? Если не объявится, значит, он позвонит отцу, чтобы организовать поиски. Другого выхода нет.

~~~

Предать Фаррен? Меня вдруг охватило очень странное чувство. Вся ситуация повернулась в другую сторону и больше не казалась мне такой уж страшной. Да и обида начинала забываться – сначала стало трудно поверить, что Фаррен способна на злой поступок, а потом возникли сомнения в том, что она вообще ушла оттуда сама... Тем более, что надо быть совсем уж тронутой умом, чтобы оставить двоих живых людей на произвол судьбы. Я не разговаривала с Фаррен, я вообще не знаю, что с ней случилось. Как я могу сейчас взять и сдать её? Вряд ли после этого я буду способна спокойно

спать по ночам. И потом... я же не глупа и прекрасно понимаю, что полиция в любом случае выйдет на меня и мою семью.

– Это не серьёзно, Читтапон, – горячо выкрикнула я. – Разве так трудно понять? Ты вроде хорошо говоришь по-английски, так почему же ты не можешь уяснить простую вещь – Я НЕ ХОЧУ ПОЛИЦИЮ!

Чувствуя, что нервы сдают, я начала мерить шагами комнату.

– У меня нет намерения навредить тебе! И за руль фургона я села неумышленно! Зато у меня есть навязанное чувство вины, несправедливые обвинения и страх совершить ошибку. Отец пострадает больше всех и тогда будет сложно изменить отношение всего мира к нему, а я не в силах буду ничего сделать, потому что окажусь в тюрьме... – Я обессилено замолчала, вдруг осознав, что дала волю эмоциям, что по щекам бегут слёзы и я выгляжу беспомощно и жалко. Какое ему дело до моей жизни?

– Я предложил тебе вариант. Что ещё я могу сделать? – спокойно говорил кореец. – Ты просишь слишком много. – Он помолчал. – Когда найдут тот фургон, они снимут отпечатки.

– Ни черта они не снимут. Мы с Эриком избавились от улики. Стёрли отпечатки, забрали все твои и мои вещи, какие нашли.

– Тогда тебе и вовсе не о чем беспокоиться.

– Нет, есть о чём, – выразительно произнесла. – Я не хочу вообще вмешивать полицию. Не хочу засадить подружку в тюрьму. Боже мой! – вознесла руки к потолку. – Подумать только, какое несчастье! Девушке захотелось развлечься. Поверь, тебе бы самому понравилось, не перевернись этот идиотский фургон.

– Сомневаюсь.

Читтапон отвернулся от меня, сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Помирать собрался?

– У меня раскалывается голова, – пожаловался кореец.

– Ладно. Ты поспи. У тебя сотрясение.

– Мне холодно.

Я посмотрела на плед, который принес Забдиель и, не долго думая, укрыла им корейца.

– Я приглашу вчерашнего доктора. Может, он сделает укол обезболивающего.

Читтапон не сопротивлялся.

– Было бы хорошо, – произнёс он, а через минуту уснул.

– Эпичный день! – воскликнула я, выходя из спальни.

А потом встретила любопытный и немного насмешливый взгляд Эрика.

– Ты так кричала, что я уже хотел прийти на помощь.

– Спасибо, но я бы справилась.

Мы с Эриком прошли в комнату, где для меня была приготовлена еда. Очень кстати. Я так разнервничалась, что съе-

ла бы Орландо целиком и не переварила.

Около часа я молча сверлила взглядом экран телевизора. Эрик издевательски переключал каналы каждые пять минут. Сосредоточиться и отвлечься было невозможно. На вопрос, когда вернется Забдиель, Эрик не ответил однозначно. А доктора мог позвать только он. У меня снова были связаны руки. Эрик предложил позвонить родным, и я почти это сделала, но потом начала думать, что я им скажу. Врать я не в состоянии, а говорить правду категорически нельзя. Мне просто нужно появиться дома, тогда никому ничего не придется объяснять.

Время, казалось, стояло на месте. Я бесцельно слонялась по дому, даже перемыла все грязные кружки мальчишкам. Несколько раз заходила проверить корейца и каждый раз, когда я заглядывала, он спал. Последний раз идя в спальню, я слышала как Эрик разговаривал по телефону с Забдиелем. Несложно было догадаться по колким фразочкам, которыми они друг друга посыпают, но суть не в этом. Я слышала, как Эрик поторапливал брата и мысленно была ему благодарна.

Поправив плед у ног парня, я присела в кресло и не заметила, как меня сморил сон. Через несколько часов я проснулась от громких голосов в глубине дома. Солнце садилось, в окно заглядывали последние лучи, освещая часть кровати, на которой лежал Читтапон. Он уже не спал, а молча наблюдал за мной.

– Ты обещала привести доктора, – напомнил он.

– Всё ещё болит голова?

Он устало кивнул головой.

– Я ждала Забдиеля. Он, наверное, пришёл, – я показала на дверь, – а значит, скоро будет доктор. Ты получишь своё обезболивающее и сможешь поспать. – Я уже собиралась выйти, но меня что-то остановило. Улыбнувшись своей нескромной мысли, вернулась к кровати и склонилась над парнем. Наши лица были так близки, что мне стало не по себе. Но я хотела видеть его глаза. – Решай быстрее, что со мной делать, Читтапон. Тогда ты вернёшься к своему агенту, который отвезёт тебя в нормальную больницу.

– Обезболивающее, – лишь сказал кореец.

Я с минуту внимательно смотрела в его глаза, пытаюсь хоть что-нибудь в них прочитать. Но все, чего добилась – заметила, что они у него вовсе не карие, а темно-голубые. Глаза, которые показались мне загадкой, бездной, в которой запросто можно утонуть, волшебным миром, из которого нет дороги назад... Испугавшись этих ощущений, я поспешила прочь из спальни.

Закрыла дверь, выдохнула, развернулась, но, не сделав и шага, врезалась в Забдиеля. Сначала мы долго друг перед другом извинялись, но потом мне это надоело. Я отвела его на кухню и заговорила шепотом.

– Выручи меня ещё разок.

– Что я должен делать? – тем же шепотом заговорчески отвечал он.

– Этот кореец на редкость упрям. Мне надо, чтобы он пробыл здесь ещё одну ночь, но для этого я хочу быть уверенной, что он не выкинет номер.

– Так?

– Позвони своему доктору. Пусть он вколет ему снотворное, заодно обезболивающее даст. А я спокойно сгоняю домой, помоюсь, переоденусь. Своих успокою. Завтра на свежую голову выслушаю его вердикт.

Забдиель оказался очень добрым человеком. Он без лишних вопросов позвонил врачу, а через час Читтапон крепко спал.

4.

Над городом спустился тёплый вечер. Начинало темнеть. Водители включали фары, зажигались фонари, в окнах вспыхивал свет.

Машина не спеша ехала по полупустым дорогам. Я нажала на кнопку, опускающую стекло, чтобы свежий ветер обдувал мне лицо. Моё тело вспомнило, что ему необходим воздух и судорожно ловит его. Хотела ли я домой? Нет. И хотя мама не станет забрасывать меня вопросами, как обычно происходит в семьях, когда хотят воспитать примерную дочь, я всё равно не испытывала огромного желания объясниться. Мама никогда в этом плане не заморачивалась. Она дала своим детям полную свободу. А отец поставил некоторые условия, причём таким образом, что мы и не подумаем воспринимать его правила сурово. Мы должны уважать людей, которые дали нам жизнь, содержат нас и удовлетворяют любую прихоть – это вдалбливали нам с детства. Да! Мы были свободны. Однако существовали нюансы, и как раз с этими *нюансами* я не хотела бы столкнуться.

Забдиель молчал, а я вдруг принялась разглядывать его татуировки на правой руке. Их было так много, некоторые рисунки раскрашены, некоторые остались чёрными; ещё я видела надписи, но, кажись, они на испанском языке.

– Bajo el ala de un... – вслух по слогам читала я, но послед-

нее слово было спрятано от моих глаз, и Забдиель поспешил докончить фразу:

– ...un ángel.

– Угу. И что это означает?

– «Под крылом ангела», – с улыбкой ответил парень.

– Веришь в ангела-хранителя?

– Ну... Вообще-то, я бесцельно сделал эту наколку.

Я осмелилась приподнять край рукава его чёрной футболки, чтобы прочесть ещё одну фразу. Мой испанский был ужасный, но читать я умела.

– Creo en mi estrella. Ух ты! Я знаю перевод! – От радости я подпрыгнула в кресле. – Подожди. Не говори. – Я сопоставила перевод в голове и выдала: – «Верю в свою звезду».

Забдиель криво улыбнулся, будто пытаюсь сдержать ликование, но всё было очевидно.

– Правильно?

Он кивнул.

– И... эту тоже ты сделал спонтанно?

– Хм... – он несколько смущенно потупил взгляд, но быстро вернул его на дорогу. – Нет. Я на самом деле верю в свою звезду. Только читается не «эстрелла», а «эстрейя».

– Вот ты мне сейчас это сказал, а я через пять минут забуду. Лучше не старайся меня чему-то научить. Папа мечтал, чтобы я пела по нотам. Я честно их учила, но не смогу прочесть ноты даже первой октавы. – Я перевела дыхание и резко ткнула на предплечье чуть выше локтя. – А змея по-

чему? Ты знаешь, что она меня напугала, там, на дороге?

– Прости. Знал бы, что встречу тебя, то надел бы куртку, – пошутил Забдиель, рассмешив меня. – Я уже точно не помню, зачем я ее сделал. Мне казалось, что татуировки – это модно, вот и клепал их по всему телу.

– Жалеешь хоть об одной?

Пока он думал над ответом, я заметила, что мы незаметно подобралась к моему району.

– Остановишься за тем поворотом, ладно? Не хочу, чтобы меня видели с... – я замолчала и посмотрела на Забдиеля. От приподнятого настроения не осталось и следа. Теперь он выглядел каким-то унылым. И ко мне вернулось мрачное чувство неизбежности. Я вспомнила корейца, который спит сейчас в его доме, о том, что завтра мне предстоит принять любое его решение. – Ну, ты понял меня. Лучше, если я приду домой пешком.

– За тем поворотом? – проигнорировав мои слова, уточнил Забдиель.

Внедорожник с надписью «Кон Диоз»* (исп.: «С Богом») на капоте подкатил к месту. Забдиель не заглушал мотор, его руки покоились на руле. Я смотрела на него и не могла поверить, что за сутки можно привыкнуть к человеку до такой степени, что не захочется прощаться.

Он ждал. Я сидела. И почему же я не выхожу?

– Спасибо тебе за помощь, – сказала я, и эти слова показались глупыми, необидительными, трусливыми, но что с

этим делать я так и не придумала. – Завтра я избавлю тебя от корейской звезды.

– Будь осторожна, Элора.

И вот он протянул мне руку, я пожала ее. Ладонь у него мягкая и сухая. Я вышла из машины, а потом некоторое время наблюдала, как она отдаляется. Нет, я стояла, пока не исчезли красные задние фары.

~~~

Спросите, есть ли люди на улицах нашего звездного района? Конечно нет! Я шла мимо шикарных особняков и чувствовала себя ужасно. Уж кому, как не мне знать, что есть несколько безбашенных приезжих актеров в наших краях, которые обязательно остановятся и начнут зазывать к себе на бокал вина. В нашем мире женщины легко отдаются любому успешному красавчику с экрана, мужчины этим пользуются. Я же устрою скандал. Но шумихи мне бы не хотелось.

Свернув на следующую улицу, я устало подумала, что ещё не пройдено даже половины пути. Спустя десять минут из-за угла вырулил автомобиль, осветив кусочек темной дороги и меня вместе с ней. Я замедлила шаг. Ну всё, за что боролась, на то и напоролась. Едва я об этом подумала, как услышала продолжительный гудок, а следом три коротких. Я остановилась и вздохнула с облегчением, узнав наш с Заком кодовый сигнал. Шевроле подъехала ближе и дверь распахнулась.

– Прыгай! – крикнул Зак.

Впервые в жизни я была рада нашей с ним встрече. Да, в

последнее время этот парень мне порядком надоел, но я так устала, что готова была расцеловать его за то, что вовремя появился.

– Ты куда пропала? И почему без машины? – задал он ожидаемые вопросы.

– С чего ты взял, что я пропала? Меня кто-то потерял?

– Да все! Корб мне каждый час звонит и спрашивает, видел я тебя или нет. Как раз ехал к нему. Так нельзя, сестричка, ты нам ещё нужна!

– Корбин... – со вздохом произнесла я.

Я совсем забыла про своего любимого брата. Из всей семьи только ему будет не безразлична моя судьба. Вот и повод почувствовать себя эгоисткой. Но Зак пусть и не надеется, что я стану ему что-либо объяснять, а с Корбином я разберусь. Чтобы замять тему разговора, я начала искать у него в салоне воду.

– Выглядишь не очень, – отметил Зак. Хорошо, что он не видел в темноте ссадины по всему лицу, рукам и грязную одежду.

В ответ решила съязвить.

– Не всегда же мне выглядеть хорошо.

– Да нет, детка, я не о том. – Зак нежно ущипнул меня за щеку. – Ты всегда красивая, но ощущение, что ты провела две ночи в логове дикобраза.

– Что? – И я расхохоталась.

– Рассказывай уже, что с тобой приключилось.

– Не о чем рассказывать. Я знаю тебя, малыш Зак. И могу легко раскусить твои намерения, вмешаться в процесс и отразить твой натиск. Кто-кто, но ты никогда не узнаешь, где и с кем я была. Если узнаешь, то не от меня, понял?

Зак никогда не обижался на мои колкости, потому что слепо в меня влюблён. Неделю назад он признался мне в своих чувствах при странных обстоятельствах. Наша семья была приглашена к ним на барбекю. Зак разлил на мое новое платье вино, начал извиняться, затем отвёл на кухню, чтобы зачистить пятно, но вместо этого сказал: «Прости. При виде тебя у меня трясутся руки. Думаю, это очевидно в моем состоянии. Я люблю тебя и...». А дальше я рассмеялась и, не дав ему договорить, ушла домой. Я не восприняла всерьёз его признания, но Зак не оскорбился. Он принялся бегать за мной. Лучше бы мы оставались друзьями. Сейчас в любом его вопросе звучат ревностные нотки. Иногда приходится себя сдерживать, чтобы не послать его крепким словом, ведь его родители близко дружат с моими. Помните, я говорила про уважение? Я старалась проявлять его и не вызывать у родителей гнев. Но ещё больше я боялась их огорчить.

Больше Зак ни о чем не спрашивал. Он довёз меня до дома, проводил до крыльца, где я бесцеремонно развернула его и напомнила, что уже поздно. Зак не стал спорить, пожелал мне «сладких снов» и ретировался. А я сняла обувь, чтобы не стучать по кафелю, и как воришка подкралась к лестнице, около которой меня поймали.

– Стоять!

~~~

Кто бы мог подумать, что я смогу проторчать в душе целый час! Обычно на это дело у меня уходит максимум десять или пятнадцать минут. Но контрастный душ не только снял двухдневный стресс, но повысил уровень энергии. Я почувствовала себя так, словно заново родилась!

Ванная была заполнена горячим паром, и когда я потёрла запотевшее зеркало и увидела отражение своих янтарных глаз, то не могла отделаться от ощущения, что в них, как и в выражении моего лица, было что-то странное. Меня не отпускал страх перед завтрашним днём.

Я отвернулась от зеркала.

Замотала волосы в полотенце, надела короткий, но тёплый халат, ноги сунула в тапочки. Теперь пришло время готовиться ко сну. Или не пришло?

Когда я вышла из ванной, то обнаружила Корбина на моей постели. Он увлечённо играл в телефоне. Сдержал обещание, прекрасно!

«Никуда отсюда не уйду, пока ты не объяснишься», – грозно сказал мой брат.

«Я грязная и хочу в душ», – устало парировала я.

«Я не успокоюсь, пока не узнаю, откуда у тебя царапины на лице»...

Вот такой диалог произошёл у нас перед тем, как я скрылась в ванной комнате.

Корбин ждал Зака, поэтому логично, что он услышал звук приближающейся машины. Он решил, что это его друг и спустился вниз, а потом узнал мой голос. Остановив меня у лестницы, он практически силком затащил меня наверх, толкнул в комнату, запер дверь и наорал. Я Нола – своей матери – так не боюсь, как своего брата. Но надо отдать ему должное, ведь кроме Корбина никому не было дела до меня. Где пропадает Элора? С кем? Что делает? *«Это её жизнь. Пусть делает, что хочет. Сама совершит ошибки, сама их исправит. Зато винить некого будет»*, – говорила Нола, когда отец пытался читать мне нотации. Если бы Корбин не контролировал меня, то, по всей вероятности, я выросла бы очень разбалованной. Как Фаррен, а может и хуже.

– Мы можем отложить разговор до завтра? – лениво проговорила я, откидывая одну сторону одеяла. На другой сидел мой брат. И кажется, он не собирался двигаться с места.

– Завтра ты сбежишь по делам, я же тебя знаю. Ты всё равно ещё будешь волосы сушить.

– Я лягу с мокрыми волосами. Правда, Корби, я очень устала. – На него уставились мои жалобные глазки, от этого взгляда никто не мог устоять.

Мой брат задумался. Он колебался, но всё же телефон он убрал в карман, а это что-то значило. Может быть, он пожалеет меня и отложит разговор? Завтра мы разберёмся с корейцем, и я смогу выдумать хорошую ложь... Ненавижу лгать!

– У тебя парень появился? – Вопрос не в бровь, а в глаз.

– Парень? – Я округлила глаза. – Что? Корбин, какой парень! О чём ты?

Я начала тянуть его за руку, чтобы он встал и вышел.

– Я хочу спать, мой хороший.

– Ну, а что? – не унимался брат. – Какой-нибудь садо-мазо. Это хотя бы объясняет твои царапины на лице.

Да он смеётся надо мной!

– Корбин... – с досадой стиснула зубы, не хотелось ругаться с братом. – Спокойной ночи.

Мне удалось вытолкнуть Корбина из комнаты. Утром бы незаметно сбежать. Пока рано нам с ним откровенничать.

Хотя признаюсь, язык так и чешется.

~~~

Утром я спешила. Решила не выржаться, довольствуясь скромной белой хлопчатобумажной рубашкой и джинсами; на ноги надела удобную обувь. Из косметики использовала только тон и тушь. Губы у меня и без помады яркие. Как попало расчесала волосы.

Я была почти готова и надо же! Именно в тот момент, когда я застегивала последние пуговицы на рубашке, в комнату вошла Нола. Стучать моя мать не умела, она ко всем вривалась неожиданно.

– Милая! – радостно воскликнула она, увидев меня. – А мы тебя потеряли! Два дня дома не ночевала. Скажи, у тебя появился парень? – мама улыбнулась. – Корбин сказал, что

ты вернулась ночью с Заком. М-м-м? Это он, да?

– Да нет у меня никого!

Нола наградила меня ещё более широкой улыбкой, и я поняла, что сделаю что угодно, лишь бы от меня отстали.

– Мам, прости, но у меня срочное дело. Поговорим вечером, ладно?

– Скрытная ты. Но может, своей подруге признаешься. Фаррен здесь.

– Фаррен? – удивлённо повторила я. Сердце так и загромыhalo в груди. Значит, с ней всё в порядке. Меня распирало любопытство, и поэтому я сказала маме, что хочу её видеть. Что же она расскажет мне, интересно?

Я вела с ней себя очень холодно. Как только я спустилась в гостиную, она расцеловала меня в обе щеки, по ходу дела шепнув, что нам бы выйти. Фаррен была права. Ноле ни к чему знать о наших проделках. И хотя мама ушла, я догадывалась, что она наострила свои ушки.

Я предложила Фаррен выпить чай в саду. У меня было мало времени, я дёргалась и постоянно бросала взгляд на телефон. Забдиель обещал позвонить, если случится что-то непредвиденное. И раз он молчал, значит, всё идёт как надо. Проигноировать визит Фаррен я тоже не могла. От её слов зависит моё решение.

– Прости меня, – жалобно сказала подруга, когда Клэрис, наша служанка, расставила на столе чайник с чаем, кружки и свежие лепешки. Уловив запах ароматной выпечки, мой

желудок взбунтовался, поэтому я с жадностью набросилась на них. А Фаррен продолжала: – Я совершила огромную глупость, втянув тебя в это дело.

– Ты бросила меня в перевернутом фургоне! – негромко возмущалась я.

– Не бросала я! – слёзно проговорила подруга. – Послушай, меня увезли с места аварии без сознания. А когда я очнулась, мне сказали, что ты и Читтапон скончались. Представляешь, какой шок я испытала? Когда Корбин позвонил и начал спрашивать о тебе, я дико испугалась и наплела ему, что не видела тебя в тот день. Прости... Если бы я знала...

В груди неприятно ёкнуло сердце от мысли, что я чуть не возненавидела лучшую подругу. А она тоже стала жертвой обстоятельств. Я не оправдываю её поступка по поводу похищения корейского певца, но всё это уже не важно. Этот момент остался позади. Мы обе живы, кореец тоже жив. Сидим и разговариваем как ни в чём ни бывало. Теперь я обязана уберечь нас от скандала и... тюрьмы.

– Ладно-ладно, – я взяла руку Фаррен, – оставим эту тему в прошлом. Но очень тебя прошу, больше так не делай. Это очень опасно! Нас могли за это арестовать!

Произнося последнюю фразу, я скрипнула зубами, так сильно их стиснула. Нас ещё могут арестовать. Для Фаррен, может, всё и закончилась, но меня ещё ожидает тяжёлый разговор с Ли и принятие решения.

– Кстати, а что стало с Читтапоном Ли? – спросила она,

возвращаясь к трапезе. – В новостях твердят о похищении, о том, что нашли фургон. Но ни слова о теле. Ты здесь, а он куда исчез?

Я смотрела на Фаррен. Она медленно мазала лепешку маслом. Ее накладные ресницы вздрогнули, резко распахнулись и застыли; большие зеленые глаза с удивлением уставились на меня. Нет, я ничего не собиралась ей говорить. Если она узнает, что Читтапон у меня, то неизвестно что ещё может прийти ей в голову. Моё молчание поможет избежать ненужных проблем. Кореец отправится восвояси, а мы продолжим своё спокойное существование. Со временем будем вспоминать этот случай с улыбками на лице.

– Понятия не имею. Я очнулась совсем в другом месте. Люди, которые меня спасли ничего не упомянули о том, что в фургоне были ещё раненые. Фаррен, – я снова взглянула на время, – мне очень нужно уехать. Давай позже встретимся и поболтаем? Могу вечером заехать к тебе, выпьем вино в знак примирения. Что скажешь на это?

Она не возражала. Допила чай, затем поцеловала меня в щечку и уехала. Вынуждена признать, что поведение Фаррен меня порадовало, она не стала расспрашивать о том, куда я спешу и что у меня за дела. Возможно, вечером меня ждёт допрос с пристрастием, но к тому времени всё разрешится и я смогу честно рассказать ей, что произошло.

~~~

Я пыталась быть спокойной, хотя внутри всё кипело хуже,

чем вода в чайнике. Внешне я старалась выглядеть уверенной в том, что выход из ситуации всегда найдётся. Ну, не верю я, что Читтапон захочет дать этому проклятому делу ход.

Сзади коротко просигналил автомобиль, выводя меня из состояния задумчивости. Горел зелёный. Я плавно поддала скорости и свернула направо.

Вроде утро, а дороги загружены машинами, тротуары – пешеходами. Солнце светило в глаза так, что мне пришлось надеть солнцезащитные очки. Пока рылась в сумке, бросила взгляд на телефон, но не на навигатор, который показывал, правильно ли я двигаюсь к дому Забдиеля. Я с затаенным страхом ждала звонка, который испортит мою жизнь. Но и теперь телефон молчал, лишь механический голос иногда просил свернуть направо или налево.

Вскоре мои мысли переключились на Забдиеля. Он мне нравился. Я даже подумала, что после того, как закончится вся эта история с корейцем, смогу поближе познакомиться с ним. То есть, если он меня куда-нибудь пригласит, то я с удовольствием соглашусь. Сама я вряд ли решусь. Но смею заметить, что он привлёк именно тем, что смотрит на Элору Бессон, как на обычную девушку, а не как на дочь продюсера. А ещё мне кажется, что он принадлежит тому типу мужчин, о котором я мечтала всю жизнь.

Когда я приехала, дверь мне открыл Эрик.

– Забдиель дома?

– Он уехал минут пять назад. Он ждал тебя, – закрывая

за мной дверь, ответил Эрик.

– Очень жаль. Пришлось задержаться. Хотела вырваться раньше, но не получилось. – Затем я понизила голос до шепота. – Кореец проснулся?

Эрик кивнул головой в сторону гостиной.

– Он там.

Из комнаты послышался громкий звук телевизора. Эрик скрылся на кухне, а я сняла обувь, примостила сумочку на полочке под зеркалом, туда же положила ключи от машины, и медленно пошла в гостиную.

Читтапон сидел на диване ко мне спиной. Я видела в его руке пульт от телевизора. До меня не сразу дошло, что он смотрит новости. А потом я увидела перевернутый фургон, полицейских снующих вокруг него. Кадр сменился на другой. Теперь на экране крупным планом показали Ду Хёна, менеджера Читтапона Ли – это я поняла по надписи в нижней части экрана. Он с хмурым видом говорил о том, что продолжаются поиски известного корейского певца, который стал жертвой похищения группой неизвестных девушек в масках.

Про меня ни слова. Про Фаррен тоже. Мы ведь были без масок.

Как только эта новость сменилась на другую, Читтапон выключил телевизор и, словно почувствовав мое присутствие, повернулся ко мне лицом и улыбнулся.

– Привет, Элора!

5.

Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя. С одной стороны новости по телевизору, с другой – вполне себе живёхонький кореец.

– Как себя чувствуешь? Голова не болит?

Поскольку я стояла и садиться не собиралась, Читтапон тоже решил встать. Теперь я смотрела снизу вверх. Он выше меня на пол головы.

– А ты хитрая, – с лёгкой ухмылкой заметил он.

Да... всё, видимо, ещё хуже, чем я думала. Тут два варианта: либо он смекалистый, либо Эрик проболтался. Но я ведь подготовилась, когда ехала сюда. Да что там! Я этот ответ ещё ночью продумала!

– Я приличная девушка, между прочим. И не намерена ночевать в доме с тремя незнакомыми мужчинами. Хватило с меня одной ночи... в кресле. Я ведь тебя не обманула, не сбежала?

– Ну, у тебя нет выбора. Поэтому я не переживал.

– Тем более! Кстати, – чуть более нервно сказала я, чем требовалось, – я говорила с Фаррен. Выяснилось, что ей сказали, будто я скончалась. Она меня не бросала, а значит, и я её не брошу. Стою вот здесь перед тобой и готова на любой компромисс.

Он долго и пристально смотрел на меня, так долго, что в

какой-то момент мне стало неудобно от его взгляда.

– Хочу сначала услышать, что ты понимаешь под словом «компромисс». Предложишь деньги? Славу? У меня есть всё. Нет особого желания суетиться, чтобы получить компенсацию за нанесённый здоровью ущерб. Ты права, – он криво улыбнулся, – всё это займёт много времени.

– Отпусти с миром, – сказала я, а мои губы растянулись в милой улыбке.

– Не получится, Элора. Нам нужна история, чтобы вам избежать уголовного наказания.

Я расстроилась и не скрывала этого. Какую историю можно придумать, чтобы разойтись по разные стороны и забыть всё, что с нами произошло?

– Ты ведь не видел, кто это сделал. Они были в масках.

– Это похищение, – напомнил он. – Полиция не остановится и на кого-то из вас они обязательно выйдут рано или поздно. Хочешь, чтобы это случилось, тогда я уйду.

– Нет! – Я схватила его за руку и вдруг заметила, как он отреагировал на этот жест. Быстро отдернула руку и отвернулась. Я поняла, что он не собирается уходить с пустыми руками. Сердце забило в груди как заведённое.

Кореец приблизился и, к полной моей неожиданности, уверенно взял меня за подбородок и повернул голову, чтобы видеть мои глаза. Он вздохнул.

– Я думал всё утро. И... я сказал, что у меня всё есть? Я ошибся. Кое-чего в жизни мне не хватает.

– Понятия не имею, о чём ты.

– О любви.

На секунду я потеряла равновесие и, чтобы не упасть, опустилась в кресло.

– Не понимаю.

– Ты красивая, Элора. Из хорошей семьи. Пусть и американка. Но кажется, это любовь с первого взгляда. Я никогда не желал увидеть девушку так сильно, как сегодня тебя.

– Я тебя не понимаю, – очень медленно произнесла я, выделяя каждую букровку.

– Выйдешь за меня замуж, и историю можно забыть. Я скажу, что не было похищения. Я сам всё подстроил, потому что хотел к своей любимой девушке. Каприз звезды. А пока мы были вместе, решили пожениться. Всё. От тюрьмы вы спасены.

Я так громко рассмеялась, что мой смех, наверно, был слышен в каждом углу дома. Читтапон спокойно стоял и ждал. Мой истерический смех его ничуть не смутил. Но представьте моё недоверие, когда он заговорил о женитьбе. А потом я замолчала. Это была сцена полного замешательства. Читтапон и не думал улыбаться.

– Ты шутишь. Это шутка такая, да? – Я встала с кресла и вышла в коридор, чтобы посмотреть, что делает Эрик. Но он неизвестно когда ушёл из дома. Я осталась с корейцем – со своей громадной проблемой – одна на один. Когда я вернулась, Читтапон стоял на прежнем месте, сложив руки на

груди. Я обошла его, осмотрела с ног до головы оценивающим взглядом, затем выдала: – Но я ведь совершенно ничего к тебе не испытываю.

– Нашла проблему! – Парень начал терять терпение. – Просила выход, я преподнес тебе на блюдечке. Хочешь в тюрьму? Скатертью дорога! Я же предлагаю тебе поехать в Корею и поселиться на огромной вилле. У тебя будут золотые горы и любящий мужчина. Мне казалось, женщины только об этом мечтают!

– Видимо, я не женщина, – пробубнила я, затем встрепенулась. – Что?! Ты увезёшь меня в Корею?! О-о-о! Святые угодники! За что? – Я принялась метаться по комнате. – Почему я? Почему я? Хочешь я сведу тебя с Фаррен? Она от тебя без ума! И Корею любит.

Читтапон долго слушал, но в конце концов ему надоел мой бред, он схватил меня за руку и резко притянул к себе. И снова я увязала в омуте голубых глаз, что освещал пробиравшийся в окна свет. *«Не забывай дышать, Элора».*

– Мне не нужна никакая Фаррен, – твёрдо сказал он. – Ты мне понравилась, и я готов жениться, закрыв глаза на проделки твоих подруг. Если даёшь согласие, то немедленно отправимся к моему менеджеру и всё ему объясним. Если говоришь «нет», то мне останется пожелать сладких снов в темной камере тюрьмы. Ах да! Бедный мистер Бессон. Какой скандал!

Мои широкие глаза метали искры. Наконец, я почувство-

вала боль от его хватки и выдержнула руку.

– А женитьба на корейской звезде – не скандал?

Он приподнял левую бровь.

– Не думаю. Я певец, вращаюсь в шоу-бизнесе. Но так и быть, поженимся тихо в Тайланде. Никто не узнает.

– Быстро ты всё придумал. Если я скажу «да», а потом передумаю...

– Твоя подруга отправится в тюрьму, ты следом в качестве соучастницы. Отец твой получит с лихвой от репортёров. Я сам лично отправлю дюжину «стервятников» в ваш дом.

Судя по всему, из двух дорог в ад, мне придётся выбирать золотую.

~~~

Дождавшись Эрика, мы попрощались, я отблагодарила за помощь небольшой суммой. К счастью, Эрик принял деньги. Затем мы ушли.

Читтапон сел в машину, отметив, что у меня отличный вкус.

– Люблю спортивные машины, – сказала я. – А ещё люблю скорость.

– Теперь ясно, почему ты не такая как все.

Я ничего не ответила. И смотреть на него желания не было. От мысли, что он станет моим мужем, у меня пробежал мороз по коже. Внешне вряд ли можно было сказать, что я расстроена, потому что верила, что всё образуется. Как правило, если вмешивается третье лицо, то дела идут другим

ходом. Мы выехали на дорогу, и Читтапон сразу позвонил своему менеджеру с моего нового телефона. Вернее, у меня было четыре телефона. Осталось три. Номера для лёгкости я взяла одинаковые, менялась лишь последняя цифра – 771, 772, 773, 775. Семьдесят два где-то потерялся во время аварии. И сдаётся мне, что его забрали с места происшествия. Зачем? Чтобы я не смогла позвонить и позвать на помощь? Где Фаррен нашла этих псевдоподруг?

Живая, корейская речь звучала в салоне автомобиля. Я не понимала, о чём говорит Читтапон со своим менеджером. Но судя по настроению и тональности, в которой происходила беседа, они ругались.

Мой хихикающий бес уже сидел на плече и радовался. Жениться собрался, звезда? Хрен тебе! Ду Хён не поверит твоей сказке про большую и чистую любовь... Ой. А во что тогда поверит?

Поговорив по телефону, Читтапон велел мне ехать к отелю «Хилтон Орландо». Ду Хён ожидал нас около бассейна. Смуглый азиат в белом костюме, без галстука. От других корейцев его отличали розовые волосы. А так, все как у всех: острые скулы, узкие глаза, чисто выбрит. Похож ли он на кого-то из Симпсонов? Вряд ли.

Читтапон для надёжности взял меня за руку.

– Моя невеста и будущая жена Элора Бессон, – представил меня менеджеру кореец. – А это Ду Хён. Иногда мы зовём его Марк. Моя сценическая фамилия – его заслуга. Марк Ли

– настоящее имя моего менеджера. Он из Канады. Да-да, ты не ослышалась – канадец. А ещё он автор моих песен.

– Постой-постой, – Ду Хён резко прервал речь Читтапона. – Ты сказал – Бессон? Где я слышал эту фамилию?

– Джереми Бессон – отец Элоры, – сказал он, но Марк всё равно рылся в памяти, тогда Чит пояснил: – Известный продюсер, чёрт возьми!

– Так вот, где собака зарыта!

Далее опять я слушала корейскую речь, снова спор. Не знаю, к чему они пришли, но Читтапон в какой-то момент посмотрел на меня и сказал:

– Всё нормально. Мы уходим.

Ду Хён пожелал мне удачи и направился ко входу в отель. Я постоянно оборачивалась, посмотреть на него.

– Успокойся. Он пошёл предупредить инспектора, что я вернулся и похищения не было. – Он снова взял меня за руку. – Но не забывай, что спички всё ещё у меня в руках. Могу чиркнуть и спалить всех.

– У меня хорошая память, – огрызнулась в ответ. – И куда мы теперь?

– К тебе домой. Надо сообщить новость.

Мне стало дурно. Хорошо, что папа в отъезде, а то его удар хватит.

~~~

Я скромно пристроилась на краю кровати и играла в аркаду на телефоне. От скуки. Из душевой доносились звуки

льющейся воды и тихое пение. Я посмотрела на закрытую дверь, тяжело вздохнула и снова устремила взгляд на экран телефона. Надо отдать должное Корбину за то, что загрузил кучу игрушек. Это хороший способ убить время, а также отвлечься от прискорбных мыслей о будущем замужестве. И на ком! Да пусть бы это был Зак!

И что он там так долго возится?

Подумать только, что всё могло бы закончиться ещё час назад! Мы уже сидели в машине, когда он вдруг спохватился, что не может ехать к будущим тестю и тёще в таком виде, ведь он не мылся три дня. Я не чувствовала запаха, но он решил, что от него неприятно пахнет. Поэтому мы пришли в его номер. При этом он запер дверь, а ключ взял с собой в душ. Он, наверное, не понимает, что с тем аргументом, что у него есть, я стала добровольной пленницей. Мне нет смысла бежать.

Вдруг неожиданно наступила тишина. Я больше не слышала шум воды и нескромного пения корейца. А ещё через минуту он вышел из душевой, обмотав большое полотенце вокруг бёдер. Дверь оставил открытой, чтобы выпустить пар.

Он встал у зеркала и тут я поняла, что плююсь на практически голого мужчину. Покраснев, отвернулась всем телом к окну.

– Я тебя смущаю? – насмешливо спросил он.

– Нет, то есть да, – сказала я с запинкой. – Просто мне ещё никогда не приходилось, ну, ты понимаешь.

– Не понимаю. – Он обошёл кровать и встал передо мной. – Тебе никогда не приходилось видеть голого мужчину?

Его рука дёрнулась и мне показалось, что он сейчас стянет с себя полотенце и я увижу то, что мне хотелось бы видеть меньше всего. Я крепко сомкнула веки.

– Умоляю тебя, не смущай меня ещё больше. Одевайся и поехали.

В ответ я услышала приглушённый смех Читтапона.

– Ты не похожа на других. И я счастлив, что это сокровище достанется мне.

Я открыла глаза, поражённая прямо в сердце его словами. Читтапон послал мне улыбку – властную, нетерпящую никакого возражения, затем пошёл переодеваться.

~~~

– Перезвони мне, когда все будут в сборе.

Корбин пообещал сделать всё, как я попросила. Отец был в отъезде, но брат мог собрать маму и Дэниела. Впрочем, их присутствия будет достаточно. С папой было бы сложнее всё объяснить, а так, это ляжет на плечи мамы.

Я припарковала машину на пустой стоянке недалеко от нашего района. Как только Корбин позвонит, мы будем готовы появиться уже через пять минут.

Перед машиной была небольшая освещённая фарами полянка. Я не сводила с неё взгляда, нервничала. Происходящее вызывало ощущение нереальности и одновременно

страха – от неизвестности.

– Ты так напряжена, – тихо сказал Читтапон, касаясь пальцем моей щеки. Он аккуратно убрал прядь моих волос за спину, чтобы открыть лицо. Мои щеки разрумянились – об этом говорило зеркало, свисавшее с потолка.

– А как ещё я должна себя чувствовать? С самого утра я готовлюсь к этой встрече. Уже давно стемнело, а этот кошмар не закончился. Я забыла все слова и боюсь, что не смогу сказать маме, что выхожу замуж.

Кореец послал мне спокойную, как у удава, улыбку.

– Ты сама сказала несколько минут назад, что твоя семья без предрассудков.

– Да и не в них дело! – Я повернулась к нему лицом и тут же пожалела об этом. Как ему удаётся своим пристальным взглядом парализовать меня, не позволяя шевельнуться? Открыла рот, затем закрыла.

– В чем же тогда дело? Мне ты можешь сказать.

– Я совсем тебя не знаю. Не представляю, как приведу совершенно чужого мужчину в дом и представлю семье. Все мои слова будут звучать фальшиво.

– Думаю, нам хватило времени немного привыкнуть другу другу. А близость, – медленно произнёс он и выждал мгновение, – это можно исправить. Ты только не сопротивляйся.

– Что... Что ты собрался со мной сделать? – испуганно спросила я, вообразив себе не бог весть что.

Но Читтапон оставался спокойным. Он слегка придвинул-

ся в кресле, повернулся ко мне всем телом. Я отчётливо слышала, как шуршит одежда, как скрипит кресло под ним. Моё сердце трепетало от предвкушения новых ощущений, и было немного страшно.

Читтапон говорил напевно, интимно, вкрадчиво:

– Я собираюсь поцеловать тебя, чтобы сделать нашу историю чуточку правдоподобнее. Почему ты дрожишь? Этого не надо бояться. Просто знай, что я никогда не причиню тебе боль. А ещё я не сделаю того, чего ты не хочешь. Поэтому спрашиваю: можно я тебя поцелую?

Меня поразили его слова и то, как мягко он задал мне банальный вопрос. Не знаю, как это произошло. Мои губы просто раскрылись, и я почувствовала лёгкое прикосновение. Он выдержал паузу в дразнящем порыве к соединению. Возможно, он ждал, что я оттолкну его, передумаю. Но я не двигалась, томительное наслаждение разлилось по всему телу. Мне казалось невероятным, что от подобной близости стало трудно дышать.

Наши глаза встретились, и я осознала, что его взгляд пленил меня, обездвижил. Теперь я точно понимала, какую опасность он представляет собой для любой женщины. Внутреннее обаяние и убийственная сексуальность способна сломать немало женских крепостей. Насколько прочной будет моя? Я постаралась не придавать большого значения тому, что сердце мое радостно забилося, когда он наклонил голову и наши губы слились, а весь окружающий мир вместе с не

лучшими событиями прошлых дней исчезли в никуда.

Вот уж не думала, что мой первый в жизни поцелуй будет именно таким – робким, нежным, горячим и в то же время твёрдым, так что возникшее ощущение пронзило всё мое тело и вызвало сладостную дрожь.

Голова затуманилась. Должен ли поцелуй быть таким? Эта мысль неясно, как бы отдаленно, промелькнула в моем мозгу. Меня целовали и раньше, но то были скудные попытки, от которых мне удавалось уклониться. Настоящих чувств я никогда не испытывала. Фаррен нагло издевалась надо мной, говоря, что в девятнадцать лет я уже должна знать всё. А мне это было безразлично.

Движения губ и языка Читтапона вызывало головокружение, все моё тело невольно подчинялось ему. Мои руки покорно лежали у него на плечах, я понятия не имела, что с ними делать. Мои глаза были закрыты. Казалось, всё было естественно и просто. Но в душе я терзала себя за то, что впервые целуюсь с нелюбимым, малознакомым корейцем. А ругала себя в особенности за то, что получала удовольствие от этого поцелуя.

Он отстранился всего на какое-то мгновение, прервав поцелуй, чтобы посмотреть в мои полные негомого удивления глаза. Затем нежно-нежно провёл пальцами по моим скулам, погладил ладонью мои волосы, будто хотел запомнить их мягкость.

– Видишь, не так уж и страшно.

– Я не испугалась.

– Да? – Читтапон слабо улыбнулся уголком губ. – Я ощутил нечто совершенно иное.

– Мне лучше знать, – резко сказала я и отвела губы в сторону, опасаясь нового поцелуя.

– Ты сводишь меня с ума, Элора. Никогда не испытывал ничего подобного с девушкой.

Я не ответила. Дыхание участилось, щеки залил румянец. Наши лица снова оказались рядом. Но губы парня были плотно прикрыты и я, заметив это, недоуменно замерла. Читтапон прикоснулся к моей тёплой щеке кончиком своего носа и, выводя на моей коже какие-то невидимые символы, двинулся к моему рту. Я прикрыла глаза. Ощущения были неожиданными, и несмотря на то, что всё происходило почти невесомо и без видимой страсти, мой мозг готов был взорваться от нервного напряжения. Я больше не хотела этой близости, понимая, что нахожусь в опасном состоянии, но не смела сопротивляться.

Он бы поцеловал меня снова, но вовремя позвонил Корбин.

~~~

Мне потребовалось десять минут, чтобы унять дрожь.

Читтапон пытался привести меня в чувства, подбодрить, но я его не слушала. Единственным желанием было замахнуться и отхлестать его по щекам, отплатить за свои страдания. Я лишь уповала на Бога, чтобы однажды мне предоста-

вился такой шанс.

Мы шли по дорожке к дому, когда на крыльце появился Корбин. Он быстро сбежал по каменным ступенькам и направился к нам. Я прошла чуть вперёд и постаралась сохранить невозмутимый вид.

– Элора, я уже не могу их удерживать. Ты сказала «пять минут», а прошло... – Брат метнул взгляд на Читтапона, кивнул в знак приветствия, затем продолжил. – Помимо мамы и Дэниела там ещё Зак и миссис Хартон. Я не знал, как объяснить им...

Я остановила его жестом. Мне и так не сладко, а он мне про Зака и его мамашу. Что ж, может быть, оно к лучшему.

– Давно они здесь?

– Приходили на ужин. Не представишь гостя? – спросил Корбин, покосившись на молчаливого корейца.

– Представлю, – сказала я. – Позже. Пошли в дом. Где они все?

– В каминной. Я попросил Клэрис приготовить всем кофе.

Каминной мы называли зимнюю комнату отдыха. Она была расположена в северной части дома. Просторная комната с высоким потолком, большими окнами, с камином и полукруглыми диванами. Папа любил там читать. Не редко мы принимали гостей в каминной и угощали кофе после сытного ужина.

С каждой секундой внутреннее напряжение нарастало, я была готова взорваться, сорваться на истерику. К горлу под-

ступила тошнота, голова закружилась, и мне всё больше казалось, что в каминной я не произнесу ни слова. Я вдруг остановилась.

– Корбин, ты иди ко всем. Скажи, что я сейчас приду.

Брат не стал спорить, прошёл арку и скрылся за створчатыми дверями. А я повернулась к корейцу и жалобно произнесла:

– Я не могу!

– Нормальное явление, – произнёс он вкрадчиво, взяв моё лицо в руки, – ты волнуешься. Но это не простые слова, Элора. Помни, что один звонок Ду Хёну и расследование продолжится.

– Ты же сказал, что Марк покончил с расследованием.

Я шлёпнула его по рукам, чтобы убрал с моего лица. Моёму негодованию не было предела. Я надеялась, что он скажет «Да, это так», но хитрая улыбка говорила об обратном.

– Приостановил, – сказал Читтапон. – Станешь моей женой, и дело закрыто.

Он одарил меня обезоруживающей улыбкой и широким жестом руки пригласил меня пройти вперёд к арке.

«Я должна это сделать. Должна, должна, должна».

И вот мы в каминной. Я быстрым взглядом оценила обстановку. Мама с миссис Хартон сидели друг против друга, попивая кофе. Миссис Хартон как всегда сдержанная, с неестественно прямой осанкой, скованными движениями; те, кто плохо знал Миту Хартон, могли счесть ее высокомерной. На

самом деле она была общительной и весьма безобидной. Мама выглядела великолепно во всех смыслах этого слова. В своём обтягивающем красном платье она была грациозна, вид немного вызывающий, но в этом вся Нола! А её улыбка обезоруживала любого, кто встретится на пути. Дэниел пристроился у окна, в его руке между пальцами была зажата сигарета. Он стоял с таким видом, будто заранее знал, что я помышляю сделать. Корбин развалился в кресле и болтал о чём-то с Заком, который не то стоял, не то сидел – скорее облокотился на спинку дивана. Я его не стала разглядывать, но успела уловить его взгляд, направленный на Читтапона, холодный и полный предупреждения.

С нашим появлением наступила тишина. Казалось, даже брёвна в камине не потрескивали. Любопытные взгляды устремились на человека за моей спиной. Читтапон не растерялся, он был спокоен как удав. Поприветствовал всех, помахав рукой, и пожелал хорошего вечера.

– Элора, ты могла сказать, что у нас будет гость, – сделала небрежное замечание Нола. – Корбин, распорядись, чтобы Клэрис принесла ещё кофе.

– Нет! Сиди, Корбин. Мы не хотим кофе. – Я так волновалась, что не знала, с чего начать монолог. – Э... – я обернулась на Читтапона, он едва заметно кивнул. – Перед вами Читтапон Ли. Читтапон, это моя мама, – сказала я, показывая на Нолу. – Миссис Хартон – её подруга, а это её сын Зак...

– Близкий друг Элоры, – решил добавить он.

Проигнорировав слова Зака, я показала на Дэниела.

– Мой старший брат Дэниел и Корбин – средний в семье.
Молчание.

– Вот и познакомились, – нервно улыбнулась я. Никто ничего не понимал. Я привела парня, познакомила со всеми, но от этого ясно ничего не стало. Потом я почувствовала его руку на своём плече и до меня дошло, что пришёл момент сказать. *«Просто скажи это, Элора. И всё закончится. Ради Фаррен. Ради папы»*. Настроившись таким образом, я зажмурилась и выпалила: – Я выхожу за него замуж.

Ничего не произошло. Я открыла глаза и, казалось, что никто не дышит. Но потом они начали постепенно оживать. Дэниел усмехнулся и затаился. Кружка, стоящая на блюде в руке мамы, задрожала. Она поспешила поставить ее на стол, затем встала.

– Я же чувствовала, что у тебя кто-то появился, – сказала она несколько твёрдо. – Девушка не станет пропадать несколько ночей без причины. Правда, дорогой? – обратилась она к Читтапону. Обычно она не использует слово «дорогой», скорее она просто не запомнила его имени, не хотела выглядеть в его глазах глупо. – Что ж, не стойте так! Присаживайтесь... – она одарила меня колким взглядом и добавила: – Будущий зять. Нужно обсудить, какую свадьбу вы хотите. Это как-никак расходы.

– Не будет свадьбы! – выкрикнула я, заставив маму обер-

нутья ко мне. – Мы поженимся в Тайланде, тихо и без прессы. Читтапон – известный айдол, его поклонницы не очень будут рады этому браку.

– Мы хотим избежать звонков сумасшедших поклонниц, – вступил в разговор кореец. – Хочу уберечь Элору от стрессов.

– Это правильно! – поддержала мама.

Я следила за реакцией Зака. Всё, что могло вызвать ревность, обиду, разочарование, произошло только что. Он держался молодцом, за что я была благодарна ему. Зак воспитанный парень и не станет закатывать истерику. Да я и не обещала ему отношений.

– Элора.

Я вздрогнула. Это был Корбин, он вёл меня к дверям.

– Выйдем на минуточку.

– Хорошо, – сказала я, оглянулась на корейца. Он прекрасно чувствовал себя в обществе мамы.

Корбин отвёл меня в дальний конец коридора.

– Так ты выходишь замуж?

– Пожалуйста, только не читай мне нотаций. Я уже всё решила.

– И ты любишь его?

– Что?

– Такой сложный вопрос? – злился мой брат. – Ты любишь его?

– А в чём, собственно, дело? – Сложила руки на груди,

вздернула подбородок.

Корбин усмехнулся, не веря своим ушам.

– Да что с тобой? Ты никогда не любила корейцев. «*Все азиаты для меня на одно лицо*», – передразнил меня он. Я часто пересказывала наши с Фаррен фривольные разговорчики. Корбин знал меня слишком хорошо, чтобы поверить в этот бред с замужеством. – А теперь ты приводишь в дом корейскую звезду... *Звезду!* Подчеркиваю это слово, потому что это ещё один твой бзик: не связываться с мужчинами, которые вращаются в шоу-бизнесе.

– Корбин, пожалуйста. Я не могу всего объяснить. Это сложно, – жалобным голоском произнесла я, сложив брови домиком и склонив голову на бок.

– Я думал, ты мне доверяешь, – дулся брат.

– Доверяю.

– Но ты не рассказала мне! И словом не обмолвилась. Ни намёка!

Сейчас он давил на мою совесть и на мои чувства к нему. А что я могла сделать? У меня внутри всё сжалось в один сплошной комок нервов. Корбин так и не смог выбить из меня достойного ответа ни на один вопрос. В итоге он ушёл. Взял ключи от машины, позвал с собой Зака, и они уехали. Миссис Хартон тоже поехала домой. Дэниел поздравил меня и Читтапона, он остался равнодушным к этому событию. Впрочем, он никогда не лез в мою жизнь. Он мой брат только по статусу. Что касалось мамы, то она лишь разглагольство-

вала о том, как жаль, что мы не станем закатывать пышную свадьбу. Ей было фиолетово, за кого я выхожу замуж – за корейца, за папуаса или за принца Брунея. Кстати, последний ещё холост. Для Нолы было важно, что мой жених – часть их жизни, жизни шоу-бизнеса. Она так и сказала: «Отец одобрит».

6.

Синяя «шевроле камаро» вылетела на проезжую часть, чуть ли не скрипя покрывками на повороте. Ни за что и никогда Корбин не смирится с внезапным решением сестры выйти замуж. Стоило ему представить, как она ставит свою подпись, навсегда отдавая себя какому-то корейцу, как ярость с новой силой вгрызалась в его воспаленный мозг, в котором кружился вихрь отчаяния.

Всегда спокойный и уравновешенный Корбин, пролетев перекрёсток на желтый свет, принялся колотить руками руль, будто тот виноват в его проблемах.

– Давай остановимся и ты выпустишь пар? – сказал Зак, который до этого момента предпочитал молчать. А что он скажет? Корбин выплёскивал своё негодование абсолютно правильными словами. Зак был расстроен. Элора стала его несбыточной мечтой. Состояние его можно было понять – горько разочарован, унижен и побеждён. Он даже не смог высказаться, потому что не имел на Элору никаких прав.

Корбин приехал на гоночную трассу, где время от времени проходили городские турниры. И где часто проводила время его сестра, оттачивая мастерство. Она прекрасно водила машину, но в заездах никогда не участвовала. Говорила, что её время ещё не пришло.

Корбин мчался вперёд на высокой скорости, влетал в по-

ворот, тормозил, поднимая облако пыли, затем повторял всё снова. И просьбам Зака остановиться он не внимал. Так продолжалось до тех пор, пока машину не занесло на повороте. Корбин больше не стал разгоняться, он уронил голову на руль и закрыл глаза.

– Я не понимаю, почему ты так зол. Рано или поздно Элора вышла бы замуж.

– Нет, – парень мотал головой. – Нет, Зак. В этой истории что-то не вяжется. Разве ты не знаешь, как мы с ней близки? Она мне всё рассказывает! И я прекрасно осведомлён о её позиции по поводу раннего брака. Да какой к чёрту брак, если она даже о любви не думала!

– Возможно, она давно его любит. А тебе говорила так, чтобы ты меня не навязывал.

Корбин снова завертел головой туда-сюда.

– И снова промах, Зак. Элора могла бы мне на лбу написать, что у неё парень. Вопрос был бы закрыт. Повторяю, это тёмная история. И связана она с исчезновением Элоры на несколько дней.

– Уверен?

– Уверен.

Зак признался Корбину, что подобрал Элору по дороге домой после трёх суток отсутствия. Она шла пешком, что показалось ему странным. Также Зак сказал, что заметил царапины на лице девушки, но чтобы не волновать её, решил сделать вид, будто ничего не увидел.

– Если бы я даже спросил, – добавил ко всему прочему Зак, – то ответ её был бы очевиден. «Я не обязана отчитываться перед тобой, дружок. Меня мама родная ни о чём не спрашивает. Кто ты такой?» – сказала бы она.

– Элора именно так и ответила бы, – улыбнулся Корбин.

– Ты пробовал спрашивать, где она была?

– Да. – На секунду он замер, вспомнив что-то очень важное, затем выпрямился и сказал: – Ну, точно же! В тот же вечер я задал ей вопрос, появился ли у неё парень... Ещё какую-то шутку, связанную с царапинами, выкинул...

– А она? – Зак напрягся.

– Она? Заверила, что я несу бред собачий. «Какой парень?» – удивилась она. А сегодня заявила, что выходит замуж. Не странно?

– Нет. Девушки меняются, когда влюбляются. Скрытничают, а потом бац! И ты видел, что сегодня случилось.

– Не Элора, – упрявился Корбин. – И я выясню, что это за внезапные изменения. Пиво будешь? Угощаю.

Зак не возражал против чего и покрепче, но и пиво согдится. Корбин завёл автомобиль и покатил в любимый бар. Они прогудели всю ночь и вернулись только под утро.

~~~

– Как давно они ушли?

– Около полудня. Я не следил за временем.

– Они ушли по отдельности или вместе?

– Вместе.

– Она не оставила мне сообщения?

Эрик задрал голову, чтобы видеть Забдиеля. Тот стоял в проходе, а Эрик сидел на диване спиной к нему.

– Это допрос?

– Тебе трудно ответить?

– Ничего она не оставляла, – буркнул Эрик, сморщив нос – детская привычка, когда что-то не нравится, он морщит нос. Затем с минуту поколебавшись, признался: – Она заплатила.

– Что?!

– Что слышал! – Пальцы нервно забарабанили по спинке дивана. – Ушла, оставив чек.

– И ты взял?

– Эй, а в чём дело? Взял! Да, я взял! Они спали здесь две ночи подряд, создавая нам дискомфорт. Не обеднеет.

Забдиель взъерошил свою негустую шевелюру, затем обошёл диван, взял брата за грудки так, что тот повис над своим местом.

– Ты сейчас же вернёшь ей эти деньги.

– Нет.

– Вернёшь.

– Не верну.

– Где чек?

Молчание.

– Где этот чёртов чек? – медленно, по слогам повторил Забдиель, теряя терпение. Только Эрику удавалось пробить

крепкую броню его спокойствия.

– Если так сильно хочется вернуть ей чек, сделай это сам.

Забдиель швырнул Эрика на диван, при этом обтерев об себя руки, будто тот был омерзительным и грязным. Затем, схватив телефон, заперся в своей комнате. Но чек – лишь причина, чтобы позвонить ей.

~~~

Мы держались за руки, пока поднимались по лестнице, потому что мама украдкой наблюдала за нами. Она любезно предложила Читтапону остаться в нашем доме на ночь, и он не менее любезно согласился. Нола, конечно же, была в своём репертуаре. Она разместила его в спальне, которая находилась в другом крыле дома – противоположном коридору, что вёл в мою комнату. И тут кореец не спорил. Не знаю, поверила ли мама в весь этот фарс со свадьбой или заподозрила неладное – своих мыслей она ничем не выдала. От радости она не светилась, но и допрашивать нас не стала. Она наградила меня одной единственной фразой, когда мы на минуту остались одни: «Надеюсь, ты не пожалеешь». Она-то считала, что мы действительно любим друг друга. Как я признаюсь, что пожалею, что уже жалею и буду жалеть всю свою жизнь? *«Нет у меня выбора, мам»*, – был мысленный ответ.

Было что-то около одиннадцати, когда я сказала, что у нас с Читтапоном был трудный день, а последующие будут не легче, и лучше нам пойти спать. За весь вечер кореец ни разу не пожаловался на усталость. Я даже прониклась к нему

симпатией, ибо он стойко выдержал мамин звонкий смех и рассказы о её звездной жизни, хотя я видела, как он мучается от головной боли. Можно сказать, я спасла его. Не очень хотелось, чтобы он шлёпнулся в обморок. Откуда мне знать, что там происходит с людьми, когда у них сотрясение. По хорошему, ему надо бы в больницу.

– Возьми меня за руку, – шепнул Читтапон, когда мы поравнялись на лестнице. – Твоя мама очень любопытная.

Я наиграно улыбнулась, взяла его за руку, а сама проворчала:

– За что мне это?

И вот мы остановились, чтобы разойтись по разные стороны. Читтапон великолепно играл свою роль – нежно убрал прядь моих волос за ухо, провёл пальцем по щеке. Со стороны любой мог подумать – влюблён как мальчишка, не иначе.

– Поцелуй «спокойной ночи»? Я заслужил.

– За нами наблюдают.

– Вот именно. – Он подмигнул мне, затем чуть громче сказал: – Я люблю тебя, красавица.

– Ух ты! – иронично воскликнула. Шёпотом, конечно. Затем набралась храбрости, приподнялась на цыпочках и прижалась губами к его щеке, проговорив ему на ухо: – А я тебя ненавижу.

– Это ненадолго, – пообещал самоуверенно кореец и пошёл по коридору к гостевой спальне.

Я ворвалась в свою комнату взвинченная. Зашла в ванную

комнату, включила воду и покидала туда успокаивающей соли. Мне срочно нужно было отвлечься. Но мозг упрямо думал о нём, ведь у парня болит голова, а я не соизволила дать ему обезболивающее. Спустя пять минут я спустилась вниз и попросила нашу служанку Клэрис отнести Читтапону таблетку и стакан воды, объяснив это тем, что у него разболелась голова от перенапряжения.

– Какая же вы заботливая! – восхищённо сказала Клэрис.

– Я человечная, – ответила, а про себя добавила: «*Не то, что некоторые*».

Когда я вернулась к себе, мой телефон отплясывал шаф-фл на кровати. Сердце ухнуло куда-то вниз, когда на экране увидела *его* имя. Я так боялась этого звонка.

Не стану отвечать.

Что за трусость?!

Телефон замолчал в тот момент, когда я взяла его в руки. Если перезвонит, тогда отвечу, решила я и пошла «откисать» в ванной. Он не перезвонил. Я переоделась в пижаму, высушила волосы, потом посмотрела на часы. Они показывали почти полночь. Я не находила себе места, считая, что должна поговорить с ним. Этот парень сделал для меня невозможное, я не могла вот так его проигнорировать. Гипнотизировать его номер больше не было смысла, я нажала на «вызов» и затаила дыхание.

– Я думал, ты не хочешь со мной говорить, – сказал Забдиль сразу после слов приветствия.

– Нет, я... была занята весь день.

– Понятно.

Мы замолчали. О чём говорить-то? У меня сердце в горло отдавало, ещё чуть-чуть и раскашляюсь.

– Эрик сказал, что ты заплатила, – снова заговорил Забдиель. – Хочу вернуть.

– Ни в коем случае! Ты выручил меня и... *этого*, можно сказать, спас. Считай, что это моя благодарность.

– Элора, мне не нужны деньги. Если хочешь, то... можешь поужинать со мной. Я буду рад, а деньги не возьму.

У меня сразу же появилось чувство разочарования, на глаза слёзы навернулись. Он позвал меня на свидание. Ужин вдвоём явно не предвещал добрую крепкую дружбу. Уверена, что он мог бы перерасти в нечто большее. И я бы ни чуточки не была против, но... это невозможно.

– Боюсь, не получится встретиться.

– Почему? Э... прости, да, я понимаю, что...

– Я уезжаю.

После некоторого замешательства, неуверенно Забдиель спросил:

– На сколько?

– На долго. Может быть... Слушай, я буду приезжать в Орландо. Телефон у меня твой есть. Я даже адрес знаю, – произнесла с лёгким кокетством в голосе. – А деньги... если не хочешь брать, то порви чек. Но я...

– Береги себя, Элора. Ты можешь звонить, когда захочешь

– хоть через год.

Кажется, он был расстроен. Свои чувства я и вовсе не могла описать словами. Хотелось плакать, а с другой стороны, всё швырять, разбить телефон, все стаканы в доме, убить корейца... Но тогда всё равно попаду в тюрьму. У меня был только один путь – под венец.

– Ты тоже береги себя, Забдиель, – ответила я, удивляясь, как голос не дрогнул.

После разговора с Забдиелем я села на кровать и долго сидела в одной неподвижной позе, думая о том, что произошло со мной за каких-то четыре несчастных дня. Кто до сих пор не верит в злой рок, то пора бы задуматься о его существовании. Судьба ни с кем и ни с чем не считается, это ни для кого не секрет. Я смотрела на потухший экран телефона, сокрушаясь из-за невозможности плюнуть на весь белый свет и строить отношения с Забдиелем. Но он – не моя судьба.

Выключила ночник и залезла под одеяло.

Вот и всё. Моя жизнь была отныне в золотой клетке.

~~~

Следующие несколько дней прошли как в тумане – я пыталась не думать о предстоящем отъезде в далёкую Корею, пыталась помириться с Корбином, но он упрямо твердил о том, что я его не люблю, раз так легко скрыла правду о своих отношениях с корейцем. Однажды вечером он мне много чего наговорил, уже и не вспомню всех подробностей.

А ещё приехал папа и как-то очень легко «спелся» с бу-

душем зятем. «Зять» – ненавижу это слово! А также меня заочно тошнит от слова «муж».

Перед отъездом мама организовала семейный ужин, ей ведь запретили устраивать приём в нашу честь. Папа меня поддержал в этом вопросе, потому что разговаривал с Марком. Карьера Читтапона Ли должна остаться на первом месте. Поклонницы не будут рады жене певца, и это факт. Я даже Фаррен не позвала на ужин. О, упаси Боже ей узнать о том, что я выхожу за корейца замуж! Боюсь, последствия будут непоправимы, если она хоть как-то выдаст нас. Да, я струсила. Возможно, позови я её, не уехала бы из США. На самом деле я успела успокоиться и подготовить свой мозг к замужеству, посчитала, что лучше смириться с судьбой. Молодым и красивым не место в сырой тюрьме рядом с настоящими преступницами. Мне предстояла не такая страшная участь.

Однако в Корею мы не поехали. Читтапон привёз меня в родной город Чиангмай, чтобы познакомить меня с прекраснейшими людьми – его родителями. Я и не думала, что буду в восторге от них. Отец Читтапона Пимпорн Хонгсаван был отзывчивый и чрезвычайно доброй души человек, готовый сию секунду поделиться опытом и знаниями. Он рассказал мне о тайских традициях, но особенно мне пришёлся по вкусу рассказ о детстве Читтапона. Я и не знала, что у него китайские корни. Оказывается его мама Агун наполовину китаянка. Эта женщина мне тоже понравилась. Очень милая и

улыбчивая. Английского она не знала, но Читтапон был рядом и переводил наш диалог, проявляя терпимость.

За день до отъезда в Бангкок, по просьбе матери Читтапона Агун, прямо в доме, где присутствовали только близкие друзья семьи и соседи, нам провели обряд обручения. Эта буддийская церемония прошла в ночь перед нашим отъездом. Днём мы посетили буддийский храм. Читтапон сказал, что мне не обязательно становиться буддистом, чтобы принять участие в церемонии и, фактически, многие европейские пары, вступающие в брак в Таиланде, выбирают буддийскую церемонию венчания. Проведение сего обряда само по себе не представляет легального брачного статуса. Для этого мы отправились в Бангкок, где нас официально расписали.

Без свидетелей.

Без гостей и празднования.

Без журналистов.

Кроме меня, Читтапона и официального представителя, который вручил нам свидетельство о браке, никого не было.

Кореец – на самом деле таец, но для меня он навсегда останется корейцем – купил мне стильное свадебное платье с юбкой до колен и без рукавов. Волосы я оставила распущенными. Читтапон где-то добыл искусственный тайский цветок и воткнул мне в волосы.

Сам жених облачился в кремовый костюм и, надо отметить, выглядел он очень даже ничего.

После регистрации брака Читтапон повёл меня в ресто-

ран. Мы подъехали ко входу на арендованном «мерседесе» с водителем. Еда была на высшем уровне. Мы пили хорошее шампанское, ели обжигające рот блюда настоящей тайской кухни.

Спустя час напряжение спало, и я даже смеялась над шутками Читтапона. Я была признательна ему за то, что он познакомил меня со своими родителями. В какой-то степени они помогли мне узнать их сына лучше. Прогулки с ним стали также полезными, ведь мы очень много разговаривали. Читтапон рассказал, как пробился в «звёзды» корейской эстрады, поведал немного о своей жизни. Я мало говорила о себе, потому что не была готова откровенничать и раскрывать парню свою душу. За две недели он стал мне не таким чужим. Да, я привыкла к его обществу.

Он больше не целовал меня. Не проявлял по отношению ко мне неуважения, напротив, старался подстроиться под моё настроение. Мой бурный нрав и гордый вид не отталкивали его, напротив, невольно подчиняли себе. Читтапон был невероятно терпелив, но меня пугало такое отношение.

Изменится ли он после свадьбы?

~~~

Читтапон открыл белую железную дверь и я вошла в шикарные апартаменты. И хотя за окном скользили последние лучи солнца, в доме было уже сумрачно. Огромная стеклянная стена отделяла нас от внешнего мира. Я уже была подвыпившей, голова кружилась, поэтому не стала близко под-

ходить к стене и смотреть вниз. С детства боялась высоты, а в данный момент меня начало подташнивать.

– Это твоя квартира? – спросила у Читтапона, наблюдая за тем, как он медленно снимает пиджак.

– Моя. Но журналисты о ней ничего не знают. Так что, не волнуйся, вертолеты с камерами нам не грозят.

– И... много у тебя квартир?

Я пыталась заговорить ему зубы, потому что боялась его дальнейших действий. Мы женаты, а теперь ещё остались наедине в его квартире. Одному Богу известно, что у него на уме.

– Одна вилла находится в Сеуле, другая – в Китае, – ответил он, подавая мне бокал с шампанским. Не знаю, почему я не отказалась. – Ещё была квартира в Нью-Йорке, но я её продал, потому что платил налоги понапрасну.

– Очень жаль. Мне бы понравилось жить в Нью-Йорке больше, чем в Сеуле.

– Как ты можешь судить, понравится ли тебе в Сеуле, если ни разу в жизни там не была?

Резонный вопрос. Но как мне объяснить ему, что я из принципа не желаю жить в Корее?

– Ладно. Похоже, мне остаётся смириться, ведь выбора, как я понимаю, нет. С другой стороны, я выполнила своё условие...

– И что ты думаешь?

– Думаю, что на этом всё.

Его пристальный и насмешливый взгляд породил во мне противоречивые чувства – от тревоги и страха до восхищения. И совсем лишили меня способности соображать. Глядя на пузырьки, весело выпрыгивающие из золотистой жидкости, я думала: пойти у него на поводу или удрать подальше в сомнительную безопасность Бангкока.

– Ты думала, что поставив свою роспись, выполнишь условие и будешь наслаждаться жизнью по своему усмотрению? – спросил кореец и, не дав мне слова вставить, ответил: – Но ведь я говорил о настоящем браке, а не о фиктивном.

Читтапон взял меня за подбородок, заставляя меня посмотреть прямо ему в глаза. Взгляд его проник прямо в сердце. Если бы на его месте был бы кто-нибудь другой, я бы сочла это очаровательным. Но сейчас странная улыбка в уголках его губ вызывала дрожь.

– Ты, кстати, обещал сходить к врачу. У тебя ведь сотрясение, надо...

Он прикрыл мне рот рукой – легко, едва касаясь губ. Но это касание заставило меня заткнуться.

– Элора, со мной всё хорошо. Сегодня я хочу, чтобы наша первая брачная ночь не заканчивалась. Я буду любить тебя как никто и никогда в твоей жизни. Я подарю тебе незабываемые моменты. От тебя требуется самое малое: расслабься и отдай себя в мои руки.

«*Брачная ночь?!*» – пульсировала паническая мысль, а в следующий миг и сама не заметила, как оказалась в объяти-

ях корейца. Он целовал меня, а я не могла поверить в происходящее, это будто сон, который убаюкивал меня, отключая сознание. Постепенно я стала шевелить губами в ответ. Отныне моё тело принадлежало ему. Моё тело. Но не сердце. Своё сердце я ему никогда не отдам.

7.

Ночь окутала обнажённые тела своим бархатным покрывалом, предоставив возможность насладиться прикосновением душ. Так пишут в книжках – во время поцелуев две души находят друг друга в ответном дыхании и сливаются воедино. Правда, красиво? Жаль, не для меня.

Впечатление от происходящего было испорчено, в первую очередь тем, что у меня сильно кружилась голова от выпитого шампанского, (а пила я в этот вечер неприлично много), поэтому плохо соображала. Читтапон целовал меня всё крепче, настойчивее, его руки ласкали мою спину и округлости бёдер, мягко касались груди. Платье осталось на том месте, где я стояла, когда он заявил, что мне не отвертеться от брачной ночи. Я чувствовала жар его горячих мягких ладоней. Я не смела его остановить, хотя всем нутром сопротивлялась тому, что должно было произойти уже через несколько минут.

Он избавился от последней одежды. Я услышала глухое падение его брюк на пол и звон бляшки. Он снова склонился надо мной и поцеловал страстно, настойчиво. Парень ласкал меня руками, губами, языком.

Чтобы не быть абсолютным бревном, я запустила пальцы в густую копну его волос и обняла за шею. В этот момент он проделывал дорожку из поцелуев от ключицы вверх по шее.

Он покусывал мое ухо. Я ощущала жар, напряжение и дрожь одновременно. Это было больше, чем я ожидала. Господи, я не выдержу этого! В уголках моих глаз выступили слезы.

«Элора, ты сильная. Всё будет хорошо. Просто доверься ему», – мысленно приказывала себе, и вдруг из моего горла вышел неожиданный стон.

Читтапон на мгновение застыл, разглядывая моё лицо. В ночном полумраке его глаза казались темными и пьяными.

Меня била мелкая нервная дрожь. Он во мне! Боже, не могу поверить! Он во мне...

– С тобой всё хорошо? – нежно спросил он, горячее дыхание обжигало мои щёки. Он не двигался. Он был во мне, но ничего не делал, а я ничего не понимала. Так и должно быть?

Взяв себя в руки, я посмотрела ему в глаза, надеясь, что он не заметит блестящие капельки слез на моих ресницах. Я старалась маскировать боль, которую испытала в тот самый момент.

– Да, – еле слышно ответила.

– Ты дрожишь.

– От возбуждения, – смело соврала.

Он улыбнулся, затем начал водить пальцем по моим бровям, носу, щекам, губам.

– Тебе страшно.

– Нисколько, – упрямо отрицала неотрицаемое.

И тогда произошла совершеннейшая нелепость, после которой я чувствовала себя очень глупо. Хотела обмануть его,

но ничего не вышло. Читтапон вдруг стал серьёзным, но с прежней мягкостью в голосе спросил:

– Почему ты мне не сказала?

До меня в ту же секунду дошло, что он имеет в виду. Откуда мне было знать, что мужчины понимают, девственница девушка или нет.

– Это имеет значение?

– Конечно, имеет. Тебе больно, разве нет?

– Что эта боль по сравнению с тем, что со мной произошло?

Читтапон снова поцеловал меня, и мой колкий вопрос превратился в осколки. Его губы знали секреты и делали меня беззащитной

– Ты мне нужна, Элора... Я сделаю всё аккуратно, – шептал он лишь слегка отрываясь от моих губ, – ты ни о чём не пожалеешь. Я буду любить тебя, пока мы оба не сойдём с ума от наслаждения.

И он сдержал своё слово. Почти...

~~~

Дэниел едва не подавился коктейлем, когда увидел Фаррен, направляющуюся к бассейну, где он до этого прекрасно отдыхал. Она яростно вбивала свои шпильки в траву. Дэниел отметил про себя, что если понадобится перепахать землю во дворе, то обязательно обратится за помощью к Фаррен. Она часто носила туфли, которые он не постеснялся бы назвать тракторами. Всё сходится! Фаррен наденет «тракто-

ры» на ноги и примчится вбивать их в землю. Гламурный землерой!

Пока он мечтал, девушка добралась до него и уже мурлыкала сладким голоском слова приветствия.

– Хочешь поплавать со мной в бассейне, Фаррен? – спросил он тоном, по которому можно было понять, что он серьёзно шутит. Но Фаррен всегда была глупой и, конечно же, ничего не поняла.

– Нет, спасибо. В другой раз, – отказалась она. Её взгляд с сожалением скользнул по поверхности голубой воды, а потом остановился на широкой без единого волоска груди Дэниела. Его тело было сильным, загорелым и мускулистым.

Фаррен всегда хотела заполучить Дэниела, попробовать его на вкус. С каждым разом её желание росло, становилось нетерпимым. Однако стоило посмотреть на его безмятежное лицо, понимала, что шансов у неё нет. Она со вздохом отвернулась.

– Я ищу Элору. Может, ты скажешь, где её черти носят? Не могла же она просто исчезнуть? – Фаррен нервно переступила с ноги на ногу. В руках она комкала лямки своей кожаной сумочки. – Я звонила ей, но все её номера недоступны.

Дэниел медленно потягивал коктейль и думал, что бы ей ответить. На самом деле у него было дикое желание подразнить девчонку.

– Она уехала.

– Как уехала? Куда?

– В Корею.

– Куда?!

Началось самое интересное. Дэниел не мог упустить такого шанса. Он улыбнулся и добавил:

– Вышла замуж и уехала. Что удивительного? Только шш-шш... – Он поднес палец ко рту. – Это семейная тайна.

– Ты издеваешься надо мной, да?

– Да. Но это не значит, что я лгу.

– Элора не могла взять и уехать.

– Почему? Почему ты так думаешь, Фаррен?

Крепко зажмурив глаза, она пыталась отгородиться от его глумливой улыбки.

– Как мне с ней связаться? – почти гавкнула девушка, потряхнув копной серебристых волос.

Дэниел смотрел на её стройные ноги и языком играл с трубочкой, таким образом выводя её из себя.

– Тебе не у меня нужно спрашивать, а у Корбина, – сказал он.

– Он дома?

– Нет, – немного с хрипотцой протянул парень, после чего откинул голову, подставив лицо солнцу.

Фаррен ничего не оставалось, как вернуться в машину. Внутри у неё всё кипело, она с удовольствием бы разнесла на части собственную машину. Она ноздрями втягивала воздух, набирая чей-то номер в телефоне. Движения стали рез-

кими и нервными.

– Мэри? Ты где?.. Не двигайся с места, ясно? У меня к тебе серьёзный разговор... Нет. Расскажу, как приеду. Случилось нечто невероятное!.. Да! Через пятнадцать минут буду.

Фаррен завела мотор, но вдруг подумала, что надо позвонить Корбину и застать его врасплох. Кое в чём ей хотелось бы быть уверенной. Она позвонила ему и тут же выдала:

– Элора вышла замуж за Читтапона Ли и уехала в Корею? Это правда?

– Да, – ответил он.

В этот день у Фаррен случилась истерика.

~~~

Утром меня разбудил запах чего-то вкусного. Пустой желудок сразу откликнулся жалобным урчанием. Губы растянулись в улыбке, я потянулась, а потом открыла глаза. Реальность больно ужалила в сердце. Я отдалась на милость мало знакомого парня, позволила корейцу прикоснуться к самому дорогому, что у меня есть – к своему телу. Не знаю, кому из нас повезло больше – корейцу, оставшемуся в здравом уме и твёрдой памяти, или всё же мне? По крайней мере, ничего сверхъестественного не произошло. Он обещал сделать всё аккуратно, и сделал. Стоило ли жаловаться? Этот малознакомый кореец отныне мой законный муж. Его требования оправданы.

Сев в кровати, я заметила приготовленное для меня новое бельё и шёлковый халат. Предусмотрительный! Когда только

успел?

Часы ответили на данный вопрос. Я проспала чуть больше, чем требовалось. А ощущение, что совсем не сомкнула глаз. Ноги были ватные, и слабость во всем теле была невыносимой. Абсолютно не хотелось искать сил на движения. И только аппетитные запахи манили на кухню.

Яркие солнечные лучи наполняли просторную гостиную теплом и светом сквозь стеклянную стену. Сама судьба выталкивала меня из чёрного дупла в светлый мир. Завернув за угол, я обнаружила чистую кухню и Читтапона у плиты в одних шелковых пижамных штанах. У него было тело танцора – стройное, гибкое и одновременно сильное. Я замерла, неприлично разглядывая его.

– Проснулась? – спросил он, не оборачиваясь.

Я прошла к столу, размышляя, как мне вести себя с ним и что говорить.

– Я приготовил американский завтрак. Сосиски и омлет, – сказал он. На этот раз он стоял ко мне лицом и улыбался.

Он ухаживал за мной, и это было так трогательно. Я аж расчувствовалась. В моём представлении «звёзды» мирового масштаба не знают, что такое плита и на кухню не ходят. В нашем доме всем занималась прислуга, а тут... молодой парень, известный и богатый человек, делал всё сам.

– И что дальше? – спросила я, накладывая себе в тарелку омлет.

Читтапон взял горячий тост, намазал его толстым слоем

масла, сверху положил ломтик ветчины, затем сыр и лист зелёного салата.

– А чего ты ждёшь? – Он протянул бутерброд мне.

– Спасибо. – Я должна была улыбнуться? Да простит меня Читтапон Ли, но мое лицо осталось бесстрастным. – Ты же управляешь моей жизнью. Я даже представить не могу, что ждёт меня в следующий час, не то, что завтра. Мы поженились, переспали... Дальше?

Кореец откинулся на спинку стула, пронзив меня насквозь своим взглядом, чем вызвал холодную дрожь.

– Наслаждайся жизнью, Элора! Ты не в плену.

– Да? А я почему-то думаю совсем иначе.

Теперь он подался вперёд и долго рассматривал меня, поставив локти на стол. Длинная чёлка упала на глаза, но, похоже, ему это не мешало. Я вонзила ногти в ладони. Я не могла находиться под тяжёлым и пристальным взглядом его холодных как ледник глаз. Я боялась, что корейцу слышно, как взволнованно бьется сердце у меня в груди.

– Хорошо, – изрёк он. – Если тебе так хочется знать... У нас медовый месяц, поэтому сейчас позавтракаем и поедем развлекаться.

Я вопросительно вскинула брови.

– Это как? В лимузине?

– Ну почему же? Нет.

– Пешком? – не удержалась от смешка я. – Ты в своём уме? Тебя же узнают, а через полчаса на первой полосе будет

наше фото, где мы держимся за ручки.

Не поднимая глаз, он лукаво улыбался.

– Мне нравится ход твоих мыслей. Чай или кофе?

Я виновато прикусила губу, потому что всё как-то неправильно. Не он, а я должна делать ему бутерброд и наливать чай. Вообще можно сказать, что я вела себя неприлично, возомнила себя гостьей, но я не знаю, что мне делать, тем более мы знакомы не так давно. Всё это так далеко от моих детских мечтаний. Я, как и любая уважающая себя девочка, конечно же, мечтала о любви, представляла будущего мужа. Но никогда не думала, что он свалится мне как снег на голову, и у него будут узкие глаза. Когда мы смотрели фильмы с подружками, я была одной из тех, кто постоянно бранила героинь за нелепое обращение и неправильное отношение к своему мужу или даже любовнику. А сейчас вела себя ничуть не лучше тех самых героинь.

После «ночи любви», как выразился Читтапон, я черт знает сколько проревела в ванной. Кореец несколько раз стучался и спрашивал, в порядке ли я. Он до сих пор не знает, что я пережила этой ночью. Кричала, что моюсь в душе, а сама захлёбывалась слезами. Когда я вернулась в спальню, он спал.

– Можно я сама налью нам кофе? – спросила я, вложив в голос как можно больше дружелюбия. – По утрам я предпочитаю кофе.

– А я редко пью кофе. Предпочитаю чай.

– Тогда позволь поухаживать за тобой, муж?

Я не хотела, чтобы это прозвучало грубо, но, по всей видимости, вышло именно так. Потому что ответ был короткий и сухой:

– Я сам.

~~~

Сеул, Республика Корея

Ким вошла в бар грациозно, медленно и плавно виляя бёдрами. Вон и Тхэ Мин уже ждали её в вип-кабинке. Отдав плащ и перчатки хостесу, Ким поправила причёску и зашла в кабинку, прервав увлекательный разговор друзей.

Тхэ Мин встал, чтобы отодвинуть для своей девушки стул, а когда она села, поцеловал в щеку.

– Как твоё выступление в Шанхае, Ким? – спросил Вон. Этот парень в любое время суток выглядел эффектно и стильно. Было в нем что-то харизматичное и притягательное. Не зря же поклонницы рвали на себе одежду и кидали ему в ноги. Ким находила внешность Вона чересчур нарочитой, идеальной, приторной. Он являлся предметом восхищения всех женщин. Так и её подруга сходила с ума от него, а если они оказывались в одном месте, то почти кончала от удовольствия.

Взять хотя бы эту стильную причёску – он словно только что вышел из салона красоты. Шея увешана цепями и новомодными подвесками, на руках кольца и браслеты. Вон любил красивую жизнь, любил окружать себя изящной, эстетичной обстановкой: красивые дорогие вещи всегда пре-

льщали его. Стремления к одиночеству у Вона не было; напротив, он любил общество, женщин, среди которых мог бы блистать и красоваться, ухаживать и чувствовать восхищение. Он жить не мог без вечеринок, танцев и был в курсе всех самых лучших тусовок города.

Иногда Ким видела в Воне своего союзника. Она могла сговориться с ним, чтобы устроить веселую вечеринку в честь дня рождения Тхэ Мина или Читтапона, а могла приехать и просто поплакаться в жилетку, жалуясь на мягкотелого Тхэ Мина. Он часто выводил её из себя своим занудством. Читтапон, к сожалению, не любил выслушивать слезливые истории о своём друге. Он вообще мало с кем откровенничал, оттого к Ли было трудно подобраться.

– Обычное выступление. Мы ведь не об этом будем говорить? – Ким подмигнула парням и широко улыбнулась. Вела она себя как обычно, но с её приходом парни немного напряглись. – Это правда, что Читтапон нашёлся и вскоре возвращается в Сеул?

Тхэ Мин спрятал взгляд в своём бокале с белой жидкостью. Вон откинулся на спинку стула. Оба откашлялись, а затем устроили игру в гляделки. Ким занервничала.

– Что происходит?

– Всё хорошо, милая, – сказал Тхэ Мин. – До тебя дошли верные слухи. Читтапон возвращается.

– Вот и прекрасно! Надо будет устроить вечеринку в честь...

– Случилось кое-что другое, – перебил её Вон.

– Что же?

Тхэ Мин хотел оттянуть неприятный момент, поэтому предложил Ким сделать заказ, но девушка отказалась. Она буравила Вона взглядом, сгорая при этом от любопытства.

– Что случилось? Говорите же!

– Только имей в виду, Ким, это не для прессы. Ду Хён признался мне сегодня, что Читтапон тайно женился на американке. Сейчас они в свадебном путешествии, а через неделю прибудут в Сеул. Свадьба нигде не афишировалась, поэтому и ты держи язык за зубами.

Слова Вона доходили до сознания Ким как бы с натугой, пробиваясь сквозь плотный занавес разбитых надежд. Известие о женитьбе человека, в которого она тайно влюблена стало полной неожиданностью, ударом. Ким заказала виски, объяснив это тем, что находится в настоящем шоке.

Выпив бокал, ей немного полегчало. Ким редко выпивала, но сейчас это было необходимо. Теперь у неё было одно желание – взглянуть в глаза своей потенциальной сопернице.

«Я её уничтожу. Раздавлю, как букашку», – пообещала себе Ким. А она любила сдерживать свои обещания.

~~~

Бангкок, Таиланд

Наше путешествие было похоже на сказку. Читтапон умел держать слово, надо признать. Мы везде ходили пешком, смешивались с толпой туристов и нам не угрожали папарац-

ци. Где мы только не бывали! Клубы, шоу, первоклассные рестораны – не самые яркие места. Мы посетили удивительные по своей красоте природоохранные зоны, я близко пообщалась с животными, что принесло мне массу удовольствия; ездили в сафари тур, я попробовала дайвинг.

Только что мы вернулись с острова Самуи. Я немного обгорела, поэтому смазанная маслом кожа побаливала и грозила облезть. Читтапон ушёл в душ, а я достала бутылку кока-колы, включила кондиционер и села напротив стеклянной стены, чтобы полюбоваться на прекрасный оранжевый закат. Только я расслабилась, Читтапон вышел из душа и с удовлетворённым видом устроился рядом.

Утром мы должны улететь в Корею. Читтапон пообещал, что мой новый дом ничуть не меньше особняка моих родителей в Орландо, что мне понравится. Я ничего на это не ответила, была увлечена разглядыванием частной коллекции в доме-музее Джима Томпсона. Кореец же разглядывал меня, но я привыкла. Я знала, что этим всё и ограничится.

В тот первый день, на кухне, я заговорила с ним о наших интимных отношениях.

– Я всё понимаю, – сказала я. – Ты женился на мне по-настоящему и справедливо требуешь исполнения супружеского долга. Этой ночью ты застиг меня врасплох, у меня не было сил сопротивляться... да и права тоже. Брачная ночь, наверно, тоже главное условие свободы моей подруги и спокойствия отца. – Пока я толкала эту длинную речь, Читта-

пон молча слушал с непроницаемым лицом. Я так и не смогла прочитать его мысли ни по глазам, ни по его сдержанной улыбке. Но я продолжала. – Но впрямь я бы хотела, чтобы ты не настаивал на *этом*, если я не хочу.

– Хитришь?

– Я серьёзно. После сегодняшней ночи я не очень хорошо себя чувствую. Это мой первый раз, ты должен пойти мне навстречу.

– Хорошо, – согласился он. – Но у меня есть два условия.

– Валяй, говори.

– Первое – ты больше не будешь называть меня «муж», когда мы с тобой наедине. Мне бы больше понравилось слышать из твоих уст своё имя.

– Хорошо, Чит. Я поняла. Второе?

– А во-вторых, ты позволишь себя целовать и приставать к тебе я тоже буду. Если я тебя не смогу завести, то настаивать не стану.

Это было по-честному. Но на протяжении шести дней он ко мне не притронулся. Мы целовались, но на этом всё. Пока Чит предстаёт передо мной мужчиной без изъянов, с деньгами и безупречными манерами. Он наглый, но не такой уж сложный. Человек при должной настойчивости и соответствующих средствах может получить то, к чему стремиться, а потом успокоиться. Читтапон наслаждался моим присутствием. Его устраивало, что я рядом. Однако он в силу своего эгоизма не понимает, что я ничего к нему не испытываю. Я

привыкла к нему и запросто назвала бы другом. Но для любви этого мало.

Закат догорал где-то на краю земли. Я не сводила взгляда с огненно-рыжих облаков, при этом чувствовала на себе пристальный взгляд голубых омутов. И сердце как-то странно заколотилось. Я повернула голову и наши глаза встретились. Клянусь, у меня бабочки в животе заплясали. Он смотрел долго, спокойно и даже ласково, положив голову на спинку дивана. На нем был чёрный тёплый халат, из-под которого выглядывали тёмные шелковые штаны. Волосы ещё не высохли, мокрые пряди придавали ему шарма.

Я ещё не переделась, вернувшись с поездки. Сидела перед ним в джинсовых шортах и простой майке, под которой не было лифчика.

– Ты будешь приставать, да? – осторожно спросила я, оставив бутылку с колой на столик. В ответ он тихо улыбнулся, провёл пальцами по моему лицу и губам.

– А ты пытаешься вежливо отказаться? – шепнул он, притягивая меня к себе. Уже больше не сдерживая свои эмоции, приблизился и глубоко и нежно поцеловал.

На этот раз я не была пьяной, отчётливо соображала, но не оттолкнула его. Позволила его руке, совсем нехарактерно торопливой для такой чувственной ситуации, неуклюже забраться под майку, а потом нащупать мою грудь. Он творил со мной нечто невообразимое. Он заводил меня, и это правда!

Я чувствовала, что внутреннее сопротивление тела пропало, мне больше не хотелось, чтобы он прекращал свои ласки.

Читтапон стал целовать мою шею, спускаясь к плечу, пальцем лаская сосок. Я выгнула спину дугой. Это вышло интуитивно, мои пальцы погрузились в густые и ещё сырые волосы корейца.

– Сними это, – приказал он.

Я сняла майку, но на этом не остановилась. Потянувшись к нему, я поймала кончик пояса халата и дернула на себя. Чит избавился от него, затем снова поцеловал меня.

– Как это называется? Страсть? – пробравшись к его уху, шепнула я.

– Страсть! Называй как хочешь.

И я просто отдалась этой страсти. Да, я хочу называть это так. С каждым мгновением моё сердцебиение усиливалось. Как у него получается вызвать во мне такие мощные всплески адреналина? Волнение, желание, страх, смущение – всё это смешалось в одну термоядерную смесь, отозвавшись целой бурей эмоций. Надо признать, что он искусно умел мной манипулировать.

Он снова целовал мою шею, легонько покусывая нежную, обгоревшую кожу. Но мне не доставляло это боли. Теперь я хотела только одного – чувствовать его тело, вдыхать его аромат и ни о чём не думать. Он опускался всё ниже и ниже, его губы захватили сосок, и я застонала, крепче прижимаясь к нему.

– Как ты это делаешь, черт бы тебя побрал? У меня всё внутри горит огнём! Так не должно быть.

Подняв голову, он улыбнулся.

– Значит, я смог добиться невозможного?

Читтапон резко взял меня за талию и посадил себе на колени.

– Ты неотразима, Элора! – пробормотал он. – Я хочу ласкать и целовать всё твоё тело. Это ведь не грех, мы принадлежим друг другу.

Его руки, ласкавшие мои груди и живот, дарили мне божественное наслаждение.

– А ты ненасытный, – ответила я.

– Я никогда, слышишь, никогда не смогу насытиться тобой до конца. – И прежде чем снова захватить мои губы в свою власть, добавил: – Я люблю тебя, Элора Бессон.

С этого момента запах любви соединился с запахом страсти. Читтапон любил меня, а я испытывала физическое влечение. Такая тонкая, незримая нить стала удерживать меня рядом с ним.

8.

Брак с Читтапоном Ли постепенно входил в привычку. Мы мало разговаривали. Завтракала я всегда одна, изредка мы вместе обедали, а ужин переходил в словесную бойню, поэтому Читтапон предпочитал молчать. Ночи, если мой драгоценный муж не очень уставал, были полны страсти и наслаждения. Я уже перестала думать о том, что до сих пор расплачиваюсь за свободу Фаррен. Всё стало обычным, будничным. Отсюда можно было бы сделать вывод, что я смирилась. Это не так.

С тех пор, как мы приехали в Сеул, я неустанно думаю о будущем. Читтапон вернулся к работе, а я проводила время в одиночестве. Корбин по-прежнему дулся на меня, мы переписывались, но все наши беседы выжимались, словно сок из несочного лимона. Я не могла поделиться с ним тем, что творится у меня в душе, ведь я по их мнению должна быть на седьмом небе от счастья. Для ответов на их вопросы я выбирала самые впечатляющие моменты из дней нашего с корейцем брака. Так моё враньё звучало правдоподобно, никого не смущая. Нола звонила лишь дважды, чтобы удостовериться в том, что я хорошо устроилась. Что касается Фаррен, я не спешила связываться с ней, хотя она забрасывала меня сообщениями во всех соцсетях, откуда и стало известно, что она знает о моем браке с Читтапоном. Я боялась ее реакции

и не хотела ничего объяснять. Пусть я после этого не самая лучшая подруга для неё. Мне всё равно. Жизнь моя теперь не такая, как прежде. И прежней уже не будет.

И если говорить о смирении, то стоило мне остаться с собой наедине, как мой мозг усиленно начинал работать, обдумывая пути к свободе – к полной свободе. Я не намерена ждать год или два, чтобы развестись с корейцем. Проблему нужно было решать сейчас. Одна из самых лучших мыслей была превратить наш брак для корейца в кошмар. Но мой покладистый характер мешал сделать хотя бы шаг. Стоило Читтапону поцеловать меня или приласкать, как я тут же таяла, откладывая худшие для него дни на потом.

Я выполняла любой его каприз. Он нанял преподавателя по корейскому, и я даже в этом случае подчинилась, хотя с меня ещё тот ученик. Я не смогла выучить ноты в детстве, а тут целый язык, состоящий из странных букв. Вот если бы у меня здесь была машина и гараж, как дома в Орlando, тогда я бы не скучала. Но Читтапон пока боялся выпускать меня одну в город. «Другая страна, другие правила», – этим всё и объяснялось.

В один из таких скучных дней, когда Читтапон был загружен работой, я решилась на безумный поступок. Похожая мысль давно плавала в моём сознании, но страх не давал мне шанса воплотить задуманное. Сегодня, после ухода преподавателя по корейскому, я сказала себе: «Хватит бояться, Элора. Он украл у тебя жизнь, но ты не рабыня».

Я не рабыня и не пленница. У меня есть свои интересы, есть друзья. В конце концов, если я позвоню Забдиелю, мир не распадётся на части.

И я позвонила.

– Элора! Как я рад тебя видеть! – воскликнул Забдиель. На экране я увидела заспанного парня, моргающего и зевающего.

На моём лице непроизвольно рот расплылся в улыбке.

– Прости, я давно должна была это сделать.

– Это твой новый номер?

– Э... временный. Расскажи, как ты поживаешь. Как у Эрика дела? Я вас мало знаю, но уже безумно соскучилась!

– Эрик уехал домой. Я гулял три дня.

– Ну не надо так! – засмеялась я. – Он милый.

– Он милый, если не твой брат. К тому же, он вернётся, потому что вопрос с наследством ещё не решён. Я обещал заняться этим делом, так что заработал себе очередную головную боль. – Он улёгся на подушку, его карие глаза внимательно изучали моё лицо на экране. – В общем, у меня ничего интересного. Как ты там? Уехала и пропала. В Орландо не собираешься?

– Как будет возможность, сразу приеду. Обещаю, что о тебе не забуду.

– А для чего ты уехала? – полюбопытствовал Забдиель, отчего моя улыбка сползла с лица. Вот он и начал подбираться к правде. – А, подожди-подожди, не говори. Ты уехала на

учёбу, так?

«*На учёбу брачной жизни. Почти верно*», – подумала я.

– Ну, в каком-то смысле, да, – вслух ответила я и снова улыбнулась.

Забдиель разглядывал меня столь откровенно, что у меня не возникло сомнений в том, какие желания его одолевали. Засмутившись, я резко отвернулась.

– Ты очень красивая, когда краснеешь, – услышала я и ещё больше смутилась.

Мы могли бы с ним дружить, могли бы начать отношения. Я не была бы против, ведь Забдиель симпатичный парень. Не вижу никаких причин отказывать ему во внимании. Даже сейчас, когда я замужем. Любви к Читтапону всё равно нет. А слова Забдиеля наполняли меня благоговением.

Мне вдруг захотелось рассказать ему о своих мыслях, но сначала спросить, что он думает о нас.

– Скажи, а ты бы хотел...

В этот момент в холле хлопнула дверь. Я быстро отключила звонок, а следом и телефон – на случай, если Забдиель надумает перезвонить. Голос Читтапона звучал далеко, он спрашивал о чём-то служанку на корейском языке. Мне не стоило труда догадаться, что речь идёт обо мне. И вот, его шаги раздались за дверью. Когда он вошёл в комнату, я устала в книгу, хотя щёки мои до сих пор пылали.

– Чем занимаешься? – спросил он, быстро чмокнув меня в щёку. Затем он прошёлся к окну, чтобы открыть форточку

и впустить в комнату свежий воздух. – Читаешь?

– Угу. Пытаюсь диалоги на корейском прочитать. – Я тщательно прятала от него взгляд. Потом с наигранной досадой стукнула по странице. – Ума не приложу, как можно выучить всё это! Набор палок и чёрточек. Как это можно назвать буквами?

– Скажи «спасибо», что я не попросил тебя тайский выучить, – весело усмехнулся мой муж.

Вспомнив длиннющие слова с завитушками и кружочками на вывесках в Тайланде, я прочистила горло, закрыла книгу по корейскому языку и снова откинулась назад в кресле.

– У тебя, должно быть, мозг особого строения, раз ты смог выучить без проблем такие разные по структуре языки. Тайский – твой родной. Ещё ты знаешь в совершенстве английский и корейский.

– Добавь в этот список китайский. Я долгое время работал в Китае и записал альбом с песнями на китайском языке.

– Рядом с тобой я начинаю чувствовать себя неполноценной, – невесело состригла я и тут же поймала нежный взгляд его глаз.

Он подошёл к креслу, где я практически развалилась, вытянув ноги. Я немедленно подобрала их и села прямо, когда он опустился передо мной на корточки и взял мои руки в свои.

– У тебя много достоинств, Элора.

– Назови хотя бы одно.

Но он уклонился от прямого ответа. И вообще решил сменить тему, что ещё раз доказывало отсутствие у меня всяких достоинств. Мне хотелось крикнуть, что единственный мой талант – вляпываться в неприятности. Хотя и он, вполне возможно, имел в виду то же самое.

– Мои друзья хотят познакомиться с тобой, – мягко произнёс он.

– Неожиданно.

– Я не могу вечно скрывать тебя, джагия* (корейский: Jagiya – дорогая), – вкрадчиво сказал Чит. – Мои друзья имеют право познакомиться с тобой.

– Раз для тебя это важно... И сколько же их у тебя? – спросила я, представляя толпу незнакомых мужчин и женщин азиатской внешности, передвигающихся по дому, или саду... или где он там собирается их всех собрать. – Двадцать? Тридцать?

– Холодно, – сказал он спокойным ровным тоном, не сводя с меня пристального взгляда.

– Пятьдесят? – усмехнулась я.

– Очень холодно.

– Значит, меньше?

– Трое.

Я замерла, не в силах дышать. Трое?! Он шутит, наверное! У звезды мирового масштаба не может быть только три друга. Если вспомнить Зака, к примеру, который не особо

был прославлен в США, то друзей у него на пол Орlando. А тут... трое.

– Вон и Тхэ Мин – мои лучшие друзья, – пояснил он. – Мы почти братья. А Ким – девушка Тхэ Мина. С тех пор, как они встречаются, мы близко дружим.

– Не хочешь ли ты сказать, что у меня появится здесь подруга? – заулыбалась я.

– Всё будет зависеть от того, насколько тепло и дружелюбно ты их встретишь.

– Можешь во мне не сомневаться.

Я почти машинально положила руки на его шею, а Чит, воспользовавшись моментом, подтянул меня к себе. Наши лица оказались так близко, что я ощутила на коже его дыхание. Тишина в комнате стала оглушающей, я забыла, что ещё хотела сказать. На короткий миг моё сердце колыхнулось, глубоко внутри шевельнулся вялый протест, но внезапно Читтапон прижал меня к груди и поцеловал в макушку. Я снова задала себе вопрос: как ему удаётся вызвать трепет в моей душе? Твержу, что ничего к нему не чувствую, а сама тянусь к нему как железка к магниту.

Я начинаю привязываться к этому человеку. Но это мне не нужно.

~~~

Мама любит красивые дома. Она любит приглушённые, неяркие цвета, натуральные материалы и предметы обихода, имеющие историю. Наш особняк в Орlando делали под

её чутким руководством. Она сменила не одного дизайнера, прежде чем пришла к определенному решению. Для Нолы было важно, чтобы не нарушалась взаимосвязь дизайна и функции. «Атмосфера дома всегда передаёт характер, увлечения и предпочтения хозяина, – говорила мама. – Их нужно правильно выразить. Чтобы человек, войдя в дом, сразу мог определить, что пришёл в гости к продюсеру или певице».

В доме Читтапона было много вещей, которые выдавали его деятельность. Огромная зеркальная комната для танцев – не единственная подсказка, что в доме живёт артист. В гостиной первым делом в глаза бросался мозаичный узор, охвативший всю стену. Не нужно было напрягать зрение и думать, что там изображено. Всё было предельно ясно. Узор демонстрировал пальцы музыканта, искусно перебиравшие струны гитары. Увидев мозаику впервые, я не могла отвести взгляда. Настоящее произведение искусства! Я уж умолчу о музыкальных инструментах в доме – рояль в отдельном зале, гитары, синтезатор.

Мой муж был против телевизоров. Но это не значило, что он не любил смотреть фильмы или концерты. Просто он считал, что такие вещи нужно смотреть на большом экране и с хорошим звуком. Именно поэтому в его доме можно найти проектор и выдвигающийся экран.

Неизбежно огромное количество коммутации – грусть и безутешная данность для его служанок, которым приходится убираться в доме. Я уже раз предложила Читу обзавестись

специальными контейнерами для проводов с отверстиями. Папа с детства приучал нас прятать провода, чтобы не спотыкаться о них. Но Читтапон пока не прислушивался к моим советам. Отчасти это обижало меня, ведь он привёл меня сюда в качестве своей жены, а расставаться с холостяцкими привычками даже не думал.

Ах, да! Я забыла упомянуть о специальной комнате, где можно найти невероятное количество подарков его поклонниц – портреты, с любовью написанные в разной технике; там поселились даже фигурки из папье-маше, которые превращали комнату в самый настоящий музей. Читтапон выбирал поистине хорошие работы, которые отлично вписывались в интерьер. Всё остальное он хранил в ящиках комода, находящегося в той же комнате. От скуки я пыталась отыскать письма на английском, чтобы узнать, что пишут ему фанатки. Но все они были написаны на корейском. Возможно, любопытство поможет поскорее выучить язык.

Мама заставила снять видео. И вот однажды утром под удивлённые взгляды слуг я целенаправленно двинулась к воротам, которые стали началом моего мини-фильма «Вилла Читтапона Ли» для мамы. Садовник и чистильщики бассейна не смели глазеть на меня, но я видела, как они косились в мою сторону, стоило только отвернуться.

Я показала маме крытый и открытый бассейны, благородные статуи, клумбы и аккуратно постриженные кустарники. Посреди всей этой красоты располагался изысканный фон-

тан. Сад здесь как миниатюрный мир. Я воспринимала его по-особенному, помня о том, что здесь не может быть одной точки обзора. Корейские дизайнеры создают свои шедевры, черпая вдохновение в ландшафтах дикой природы. В молчании и спокойствии духа я постигала истинную гармонию. Все составляющие ландшафта огромного сада, соседствующие друг с другом настолько различны, что помогают каждому вошедшему обнаружить для себя множество образов. Я живу здесь уже пару недель, но каждый раз воспринимаю их по-новому, пропуская через призму эмоционального состояния. В саду Читтапона Ли бал правили не цветы и газоны, а камни и вода, затем – деревья и бамбук, и в последнюю очередь в ход шли строения.

– Чит говорит, что камни символизируют тело Земли, силу рождения и созидания, – говорила я в камеру. – Вода, в свою очередь, – её жизненный дух, безмятежность и разум.

Нола была в восторге от моего рассказа. Ей было так же интересно полюбоваться на неповторимый, загадочный и глубоко символический сад.

Когда мы вечерами прогуливались с Читтапоном по его владениям, он рассказывал очень много интересного. Например, что одним из любимых растений корейцев являлась сосна, символ долголетия. Магнолии – символы достатка. А ещё в его саду росли рододендроны и примулы. Но основной цвет сада все же зелёный.

Завершила я свой показ на верхней террасе, откуда можно

было созерцать всю панораму сада.

После такого яркого видео, мама решила затеять ремонт у себя, чтобы создать нечто похожее. Да, она была восхищена! Даже я, равнодушная к подобным вещам, наслаждалась красотой и величием этого места, легко отключаясь от внешнего мира. Здесь создавалось настоящая бесконечность времени. Я не чувствовала себя стесненной, наоборот, здесь я обрела покойствие и умиротворение.

~~~

Я увидела их в окно. Читтапон вышел к ним на встречу. По идее, я тоже должна была присутствовать там, но я схитрила: сказала, что ещё не готова. Сидела в комнате с пудреницей, горя от волнения, и молилась, чтобы ланч чудесным образом отменился.

Но ничего не отменилось.

Троица приехала на одной машине. Я тут же окинула своим профессиональным взглядом тачку, быстро отметила её плюсы и минусы, коих оказалось совсем мало, затем уже обратила внимание на его друзей.

Впереди шёл брюнет в чёрной кожаной куртке. Они обменялись с Читом приветствием, затем мой муж обнялся с крашенным блондином, которому пришлось выпустить руку темноволосой азиатской красотки. «Корейская Клеопатра» – так я ее прозвала, потому что она носила ровную чёлку и ярко красилась. На девушке было короткое розовое платье с поедками. Я подумала, что такой наряд больше подходит

для клуба, но не на ланч. Однако не придавала этому большого значения, ведь я не знакома с корейской культурой. Тем более, Чит говорил, что она известная под-звезда, а у них своя собственная мода.

Правда, я в своих джинсах-дудочках и коротком белом топе выглядела теперь слишком скромно на её фоне.

– Элора! – позвал меня с лестницы Читтапон.

Я подлетела к зеркалу, провела помадой по бледным губам, затем подмигнула себе и вышла.

Они пристально смотрели на меня. На секунду я даже почувствовала себя неведомой зверюшкой с хвостом и тремя головами. Поймав руку Читтапона, мне стало легче. Я смастерила любезную улыбку на лице и бросила неформальное: «Приветик!». На их лицах не дрогнул и мускул.

– Моя жена Элора, – сказал Чит, пытаюсь разрядить напряжение. – Милая, это мои друзья. Вон, – он показал на темноволосого парня в куртке. Тот протянул мне руку.

– Рад знакомству!

Его рука была тёплая, сухая, а прикосновение до безобразия приятное. Парень показался мне симпатичным, и я подумала так не от того, что ищу приключений на свой зад. Просто я любила разглядывать людей. Тем более, в корне отличных от меня.

– А это, – очередь дошла до блондина, – Тхэ Мин и его девушка Ким.

Они оба кивнули, но меня не покидало чувство, что они

не очень рады меня видеть. Их лица напоминали фарфоровых человечков. Знали бы они, каким образом я попала сюда, то, уверена, изменили бы неправильное мнение и направили своё недовольство на друга.

А ещё эти супер замудренные имена! Ким я запомнила, а с парнями оказалось не так просто. Придётся попотеть, чтобы запомнить их. Во время ланча я то и дело нагибалась к Читу, чтобы он напомнил мне имена, на что он улыбался и просил меня не беспокоиться.

– Раз ты смогла запомнить моё имя, то и эти запомнишь, – сказал он, потрепав меня за щёку.

Пообедав, мы вышли в сад. Парни отсоединились от нас, у них были свои темы для разговоров. Я иногда поглядывала в их сторону. Читтапон выглядел счастливым, улыбка не сходила с его лица. До моего уха долетали корейские фразы, звуки которых сливались в один неразборчивый звук. Возможно, в один прекрасный день я смогу их понять.

Ким молча разглядывала меня, потягивая мартини.

– Как вы познакомились? – резко спросила она.

А ведь мы не обсуждали с Читтапоном этот вопрос. И что теперь отвечать?

– Наше знакомство самое неинтересное, о чём можно рассказать, – отчеканила я, затем перевела стрелки на другую тему. – А вы давно дружите?

– Да, – кивнула она, как-то невесело бросив взгляд в сторону парней. – Иногда мне кажется, что мы все – одна семья.

– Читтапон много рассказывал о вас. – Тут я слушала, он не успел рассказать о них много, но должна же я отличиться.

Ким усмехнулась. У неё был надменный вид. И даже когда она ставила бокал с мартини на столик, её движения были медленными, ленивыми. Потом она откинулась на спинку стула, забросив ногу на ногу.

– Странно.

– Что странного?

– То, как ты его называешь. Близкие друзья зовут его Чит. Никто не называет его полным именем. Ты вроде как жена... вот и странно.

В эту минуту на душе стало скверно – люблю я его или нет, хоть и вышла замуж насильно, хоть и легла в его постель, потому что хотела спасти подругу и отца, всё равно не хочется выслушивать от его друзей подобные замечания.

~~~

– Вот ты где.

Читтапон нашёл меня на террасе. Мне нравилось сидеть здесь и смотреть на сад, особенно в моменты, когда очень грустно.

Он сел рядом со мной в просторное кресло-качалку. Я убрала в сторону подушку, чтобы ему было удобнее. Улыбнувшись, Чит приобнял меня за плечи, и я тут же прильнула к нему. Друзья ушли, а у меня остался осадок.

– Почему ты грустишь? – спросил Чит. – Ким тебе что-то сказала?

– Мне кажется, я ей не понравилась.

– У неё тяжёлый характер. С ней бывает...

– Она спросила, как мы познакомились, – перебила его я, подняв голову так, чтобы видеть его глаза. – Нам нужно придумать историю знакомства.

Он взял меня за подбородок.

– Мы придумаем самую романтическую историю, – сказал он полупшепотом, его губы почти касались моих. – Чтобы все завидовали.

Я бы хотела испортить этот момент, сказав, что считаю наше знакомство самым неинтересным, но уже трепетала от предвкушения поцелуя. Но он не целовал, медлил, синие глаза плавил мою волю, и я растекалась в его объятиях жидким металлом. А потом отвёл губы и начал целовать шею, прекрасно зная, что это мое самое слабое место.

– Чит, – шепнула я, велев себе называть его отныне только так. – Чит, меня не примут в твоей стране. Я другая.

Он отстранился.

– С чего такие мысли? Ты не единственная белокожая девушка, которая вышла замуж за корейца.

– Они так меня разглядывали...

– И они будут. Будут, потому что ты появилась в моей жизни неожиданно. Им интересно, и это нормально. – Мы сидели друг к другу лицом. Локоть его правой руки опирался на спинку кресла, а пальцами он гладил меня по щеке. Ногой он отталкивался, чтобы немного раскачать нас, а я тормози-

ла подошвой. А потом я почувствовала, как его левая рука сжала моё бедро. – Не думай об этом, ладно? – сказал он. – Вскоре они поймут, что ты для меня значишь.

– Интересно посмотреть, как ты будешь им это показывать.

– Я даже пытаться не буду. Они сами всё поймут, – томно ответил Чит, прильнув к моим губам. Рукой он властно провел по внутренней стороне моего бедра, я чувствовала тепло даже через плотную джинсовую ткань.

Он крепче прижал меня к себе и стал покрывать поцелуями мое лицо неторопливо, нежно. И я вдруг поняла, что у меня нет никакого настроения для прелюдии и секса. Когда он снова хотел поцеловать меня в губы, я резко отвернула голову.

– Давай не сейчас, пожалуйста.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты расслабилась.

Но я была непреклонна. Встала и поправила прическу.

– Я не хочу.

И вышла прочь, оставив Читтапона возбужденного и злого на террасе.

~~~

Клуб – это то место, куда Корбин Бессон и Зак Хартон ходили как к себе домой. Их лица мелькали везде, а значит, их знал каждый, кто часто тусовался в этих местах. В последнее время они приходили сюда не ради развлечения, а для того, чтобы погрузить, излить, так сказать, своё раздражение

на окружающих. Вновь и вновь они обсуждали Элору и её необузданность, но легче не становилось. Ведь она по-прежнему была замужем и всё ещё находилась в Южной Корее – на другом материке.

– Как думаешь, она счастлива? – спросил Зак. Он пил уже четвёртую кружку пива и почти лежал на барной стойке.

– Ты спрашиваешь меня об этом каждый раз, когда пьёшь, – напомнил Корбин. В стороне блондинка с аппетитными формами строила ему глазки, но Корбин был к этому равнодушен. – А вообще... не знаю. Она не похожа на несчастную женщину.

– Я всё равно не понимаю её. Она так любила машины, собиралась стать гонщицей, а тут взяла всё бросила и умчалась в чужую страну ради какой-то вшивой «звезды».

– Мама говорит, что любовь – непредсказуемая штука. Сегодня у тебя планы, а завтра ты в корне всё меняешь и мчишься навстречу новым ощущениям. Мама не осуждает Элору. – Корбин махнул бармену, чтобы тот повторил... Уже в пятый раз. – С отцом тоже пробовал обсудить эту тему.

– И что он сказал?

– Сказал, что Элора сама себе хозяйка. Хм... О чём я вообще? Если точнее перевести его слова, то... Его репутация цела, и это главное.

– Ох-о-ох... – Зак выпрямился. – Иногда я жалею, что родился в семье известных людей.

Корбин невесело усмехнулся.

– Кто тебя спрашивал, интересно.

Зак не успел ничего ответить, так как их отвлекли. Чья-то лёгкая ладонь легла на плечо Корбина. Он как раз собирался глотнуть пива и едва не подавился, увидев физиономию Фаррен.

– Ты меня преследуешь! – расвирепел парень, вскакивая с места.

– Спасибо, – улыбнулась Фаррен, присаживаясь на его стул. Она с грациозностью кошки достала длинную сигарету и посмотрела на Зака. – Зажигалка есть?

В это время Корбин пыхтел от переполнявшего его гнева.

– Я даже спрашивать не буду, зачем ты здесь, – буркнул он.

Фаррен улыбалась, и спокойствию её можно было позавидовать.

– Я писала ей во все социальные сети. Она их благополучно просмотрела и закрыла. Как ты думаешь, Корбин, почему Элора избегает свою лучшую подругу, а?

– Вероятно, ты заслужила.

Фаррен не удержалась от смеха.

– Да что ты! А может, у твоей сестры есть какая-то тайна? Парни, – она снова посмотрела на Зака, – не угостите даму выпивкой?

– Я здесь дам не вижу, – огрызнулся Корбин.

– Ну-у... – протянула она с таким тоном, будто перед ней капризный ребёнок. А потом ещё за щёчки его потрепала. –

Не будь таким злым. Ты не такой.

– О какой тайне ты говоришь? – спросил Зак, махнув бармену, чтобы тот принёс девушке то, что она захочет. – Ты что-то знаешь, да?

Фаррен дернула плечиком.

– Может быть, знаю. Это будет зависеть от Корбина.

– Что ты от него хочешь?

– Номер телефона Элоры. Как только он будет записан в моих «контактах», я скажу то, что знаю.

– Я тебе не верю! – выпалил Корбин. Но Зак быстро осадил его.

– Подожди. – Зак повернулся к девушке. – Давай сделаем так, Фаррен, ты прямо здесь и сейчас говоришь нам часть тайны... Или намекни хотя бы, о чём пойдёт речь, а Корбин уже решит, есть в этом смысл или нет.

С минуту Корбин и Фаррен сверлили друг друга взглядами, потом одновременно повернулись к Заку и в один голос сказали «хорошо». Фаррен нечего было терять. Элора поступила с ней не слишком хорошо, утаив новость о браке. Её интересовало, почему Элора решила выйти замуж за парня, которого знает всего несколько часов. Когда они успели полюбить друг друга? В этой истории было что-то такое, чего Фаррен не знала. Для этого ей нужно было поговорить с Элорой и выяснить детали. Но подруга упрямо избегала её. Ещё одна загадка. Они вроде поговорили, и выяснилось, что никто из них не держит зла за случившееся.

И раз такое дело, она пойдёт до конца, чтобы выяснить истинную причину брака Элоры и Читтапона Ли. Фаррен смело заговорила:

– Я знаю, что Элора была знакома с Читтапоном Ли всего три-четыре дня до того, как привести его в дом и объявить о... И она его не любит. Всё это небылицы. Сказки! Чтобы вы поверили ей. Я хочу выяснить у неё подробности. А для этого, – она нагнулась к Корбину, – мне нужен номер её телефона. Поговорив с ней, я расскажу вам.

Корбин задумался. Впрочем, а почему бы не рискнуть?

9.

Было что-то около полуночи. Я не спала. Этот день оставил в моей душе неприятный осадок, я изводила себя мыслями о том, что вся эта жизнь здесь не для меня, но изменить ничего не могла.

Не могла? Или не хотела?

Начнём сначала. Я вышла замуж по-принуждению. Мне поставили ультиматум: либо скандал и тюрьма, либо брак и жизнь в золотой клетке. Подчеркнём слово «клетка». Но Читтапон питает ко мне искренние чувства, я видела, как он старается сделать всё, чтобы мне было хорошо. Он не причинял мне боли, заботился и прислушивался ко многим моим желаниям, к желаниям, которые были допустимы в нашей ситуации.

Но всё же... Может, хватит его жалеть? Пора было начать превращать наш брак в пытку для него. Я решила, что он сам должен отказаться от меня. Для этого много ума не надо. Я вызову у него ревность, буду делать всё то, что не должна делать жена, лишу его...

Открылась дверь, и мои мысли прервались. В спальню вошёл Читтапон. На самом деле меня не волновало, где он пропал всё это время. Если только чуть-чуть. После того, как я ушла с террасы, Чит уехал. И вернулся только сейчас. На языке крутился невольный вопрос – где тебя носило? Но я

молчала.

Он вошёл и остановился посреди комнаты, в упор глядя на меня. Я не претворялась, что сплю или читаю, хотя должна была. Теперь он будет думать, что я его ждала.

– Ты ненавидишь меня, да? – неожиданно спросил он.

В эту минуту он мог сказать всё, что угодно, и я нашла бы ответ. Но этот вопрос вогнал меня в ступор. Все черточки разгладились у меня на лбу, я удивилась.

– Ненавижу тебя? С чего ты взял?

– Хочу знать.

Я откинула уголок одеяла и встала. Подошла к нему, посмотрела в глаза. Пыталась уловить запах алкоголя, но ничего такого. Он просто пах... улицей.

– Чтобы ненавидеть человека, его надо хотя бы сначала полюбить. Если тебе прям очень интересно, что я чувствую, то могу ответить – обиду.

– Я всё ещё верю, что ты полюбишь меня.

– Ты веришь в чудеса, Чит. Но чудес не бывает.

Он мгновение смотрел на меня, потом поднял руку, его пальцы оказались на моей шее сзади, под волосами. Я чувствовала, как он приятно водит подушечками пальцев по затылку. «Нет, пожалуйста, только не возбуждай», – взмолилась я. Но отталкивать и не думала.

– Ты сама даёшь мне надежду, – сказал он.

Он дёрнул меня к себе. Я испугалась, потому что в его глазах горел огонь, он выглядел злым. Я сделала шаг в сторону,

тяжело дыша. Моя грудь поднималась и опускалась. Щёки горели и, наверное, покраснелись, не от возбуждения, которому я никак не желала поддаваться, а от негодования.

– Каким это образом я даю тебе надежду, интересно?

Чит снова подтолкнул меня к себе. Наши губы были очень близки. Я чувствовала его дыхание на своей коже, а ещё его желание, которое невозможно скрыть.

– Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя.

– Ты... ты... – я пыталась найти подходящие слова, чтобы оправдаться, но мозг не выдавал ничего, кроме слов «ты прав».

– Что, Элора?

Ему нравилось дразнить меня и доводить до дрожи.

– Что, Элора? Ну же, говори.

Я посмотрела на его губы, а в следующую секунду он поцеловал меня. Это был возбуждающий поцелуй, исследующий, нескромный, сначала неторопливый, потом страстный, и эта страсть передалась мне. Чит на мгновение оторвался от меня, кинул на меня вожделенный взгляд и сказал:

– Ты не сможешь без меня. Теперь это невозможно. Сегодня ты будешь скучать без моих ласк, а завтра поймёшь, что всё, что между нами происходило в эти сладостные моменты – есть любовь. Во время секса не только твоё тело отзывается, но и разум. Подумай об этом, Элора. – И возобновил поцелуй, который продлился всего пару секунд.

Я разгорелась до предела, но он прервал своё наступле-

ние, отошёл от меня и со слабой улыбкой произнёс:

– Я в душ. А ты ложись спать, не жди меня.

Он оставил меня посреди комнаты разгоряченную и ошеломлённую. Я собиралась лишить его всяких удовольствий, но, кажется, просчиталась.

Отлично, Читтапон Ли, я получила урок!

~~~

Утром не успела я открыть глаза, а внутри уже поднималась волна злости, бурля по венам и жилам. Чит не спал со мной этой ночью, его сторона не тронута. Он всерьёз решил меня проучить? Поганец!

Я встала, надела халат и вышла в холл. Тишина и пустота давили тяжёлым грузом. Не слышно было ни музыки, ни пения. Иногда Чит распевался или играл на синтезаторе, но не в это утро.

В особняке Читтапона прислуживали три женщины. Чиа – самая главная, она знала всё в этом доме. Когда Чит терял какую-нибудь вещь, то непременно звал Чиа. Вторая кореянка – Юн-суа. Она работала на кухне, я редко её видела. Интира, которую Чит привёз из Тайланда, убирала в доме, я видела её чаще всего. Но эти женщины для меня были не более, чем просто прислуга. Наше общение начиналось и заканчивалось улыбками, а всё потому, что они не знали английского, а я не говорила по-корейски. Интира так вообще говорила только по-тайски. Она всегда смешно кланялась мне, сложив перед собой ладошки, и, признаться, раздражая

меня этим. Но я не могла объяснить, что не хочу никаких почестей ни на английском, ни жестами.

Заприметив Чиа около столика, где стояла красивая ваза, в которую женщина бережно расставляла живые цветы, я поспешила к ней.

– Чит, – сказала я. – Где?

Она что-то проговорила на своём языке, и я готова была взорваться.

– Я не понимаю!

Тогда она подошла к окну и ткнула пальцем куда-то в сторону гаражей.

– Он уехал? – Я показала руками, что веду машину.

Чиа кивнула. Бесплезно спрашивать куда. Лучше позво-ню и всё узнаю.

Но пока дошла до комнаты, звонить передумала. Почему я должна переживать, где он и с кем? Он не оставил мне выбора, поэтому я здесь. Ни о какой любви речи нет. Пускай себе мечтает, а я устала убеждать его, что физическое влечение и любовь – разные вещи. Однажды мама мне сказала одну умную вещь: *«Любовь и секс – не одно и то же. Это надо усвоить для того, чтобы воспринимать измены»*. Мне хорошо с ним в постели, но и тут я находила объяснение – у меня кроме него никого не было, так что сравнивать я не могу.

И теперь я думала, что делать дальше.

Вернувшись в комнату, залезла обратно в постель и укры-

лась с головой. Послать всё к чёртовой матери и спать, подумала я. Но даже этому не суждено было сбыться. Я едва не упала, когда ползла за своим телефоном. И с чего я решила, что это Чит? На экране высветился номер Корбина. С тех пор, как я уехала, мы переписывались, но не созванивались. У меня тревожно кольнуло сердце. В голове пронеслись тысячи картинок того, что могло произойти. Как же плохо быть вдали от дома.

Но услышав бодрый голос брата, я успокоилась.

– Привет, сестрёнка! Как жизнь в Корее? Не скучаешь?

– О, у меня всё прекрасно! – постаралась ответить жизнерадостным тоном. – Ты не представляешь, как здесь красиво и как я счастлива!

– Счастлива, говоришь... – Я услышала в трубке вздох, после чего Корбин спросил: – Когда ты с ним познакомилась? Только ответь честно.

– Когда? – слишком возбужденно переспросила я.

– Да, ты не ослышалась. Я спрашиваю, сколько ты встречалась со своим корейцем до того, как привела его к нам знакомиться?

– Ну-у... я не помню.

– Всё ты помнишь! – в его голосе послышались металлические нотки. – Фаррен мне кое-что сказала, и я склонен ей верить.

Вот это поворот! Хорошо, что я сидела на полу, иначе упала бы. Не стоило мне игнорировать Фаррен. Как я могла не

догадаться, что она помчится к Корбину?

Я уже обдумывала ответ, когда услышала:

– Она сказала, что сама лично познакомила вас, и ты провела с ним всего несколько часов. Ты его ни хрена не знала, Элора! Где твои мозги? Я думал, у меня умная сестра, но похоже я ошибался. Девчонка – она и в Африке девчонка. Глупо, необдуманно и... – Корбин подбирал слова, чтобы побольнее меня ужалить, а я стискивала зубы и едва не плакала. Он никогда не говорил мне ничего подобного.

– Хватит, Корбин, – дрожащим голосом перебила его я. – Не надо говорить того, чего не знаешь.

– А чего я не знаю? Может, если бы ты рассказала, мы вместе что-нибудь бы придумали.

Я об этом не подумала. Корбин – единственный человек на свете, который понимал меня. Если бы я поговорила с ним... Что бы он сделал? Из тюрьмы точно бы не вытащил. За окном послышался мотор автомобиля. Чит вернулся. Я забралась обратно в постель и тихо в трубку сказала Корбину:

– Я не смогу тебе всего рассказать по телефону. Только с глазу на глаз. Может быть, ты сможешь найти время приехать в Сеул? Клянусь, я всё расскажу... – Я на секунду замолчала, чтобы сглотнуть комок, потом почти шепотом добавила: – Всё очень серьёзно.

Хлопнула дверь в спальню, я резко обернулась.

~~~

Он присел рядом со мной на кровать, я попыталась выдавить из себя улыбку. Потом одними губами сказала «брат» и снова заговорила с Корбином, но уже на другую тему. Я сделала вид, что рассказывала ему о доме.

– В общем, это прекрасное место! Корейский рай! Ты просто обязан приехать! Правда, Чит? – Я посмотрела на удивленное и ничего не понимающее лицо мужа. – Я предлагаю Корбину приехать сюда на пару недель.

– Прекрасная идея, – холодно, без всяких возражений ответил Читтапон, затем встал и скрылся в ванной комнате.

Я выдохнула с облегчением.

– В общем, созвонимся в другой раз. Подумай над моим предложением.

Корбин обещал подумать. Я вдруг ухватилась за идею рассказать всё брату, он сможет вытащить меня из всего этого дерьма. Но портить жизнь Читтапона я всё равно намерена по мере возможности. Чтобы не расслаблялся. И начну я, пожалуй, с сегодняшнего дня.

Настроившись враждебно, я подошла к двери ванной, подняла руку, чтобы постучаться, но она вдруг открылась, и Читтапон оказался почти вплотную ко мне. На нем не было рубашки, только брюки. Я встала в позу.

– Ну, и где тебя носило?

– У меня есть работа, Элора. Ты должна это знать.

Аргумент прозвучал слишком убедительно, чтобы что-то предьявлять. Я отступила.

– Прекрасно! Просто обычно ты ставишь меня в известность.

– А это требуется? Мне казалось, что тебе всё равно.

В его тоне сквозила неприятная холодность, что-то изменилось в его поведении. Надо признать, что мне не понравилось то, как он со мной говорил. Он не прижал меня к себе, не поцеловал, как делал это по возвращении домой. Он слегка обескуражил меня, моё эго было раздавлено и растоптано.

– Мне... почему мне должно быть всё равно? Что с тобой?

– Со мной? Ничего. Я пытаюсь угодить тебе, вот и всё.

– Ну и черт с тобой! – со злости бросила я и вышла из комнаты, намереваясь сбить спесь, прогулявшись в саду. Там была какая-то особая атмосфера, природа вокруг помогала собраться с мыслями и успокоиться.

Спустя полтора часа я вернулась в дом. Я не знала, чем занимается мой муж. Возможно, он снова куда-то уехал, а может быть, спит или сочиняет песни. Вот теперь мне было действительно всё равно. Я села с журналом в комнате для отдыха. Интира принесла мне зелёный чай и тарелку с фруктами. Положив кусочек яблока в рот, я вдруг расплакалась. Мне было ужасно одиноко в этом огромном доме. В Орландо была мама, с которой я могла поболтать. Папа иногда тоже обитал в нашем особняке, а он у нас очень шумный. Там были братья. В данную минуту я готова была увидеть даже зануду Дэниела, переброситься с ним парой колких фраз и пойти в гараж к своим машинам. У меня там были друзья.

Что же у меня было здесь?

Мне некому было излить душу, всё приходилось держать в себе. Чит назвал свой дом «золотой клеткой». Да, клетка она и есть клетка.

После обеда выяснилось, что Читтапон всё это время был дома. Он спустился, быстро чмокнул меня в губы так, словно никакого разговора утром и в помине не было. Я уставилась на него, готовая испепелить мерзавца взглядом.

– Собирайся, чаги, – с улыбкой сказал он. – Надень клубное платье.

– Мы едем в клуб?

– Нас позвали на закрытую вечеринку. Будет весело. – Он обхватил мою талию одной рукой и прижал к себе, затем на ухо шепнул: – Я хочу, чтобы моя жена была самой красивой. Затми всех женщин.

Он довольно жмурился, разглядывая мое ошарашенное лицо, а потом с какой-то нечеловеческой стремительностью впился в мои губы жадным поцелуем.

Я с ним точно свихнусь.

~~~

Куда деться от нескольких десятков любопытных глаз?

Это была моя первая мысль, когда мы приехали на вечеринку в закрытый клуб. Друзья, коллеги и просто знакомые Читтапона видели меня впервые. Все они без исключения улыбались, девушки махали белыми ручками, а парни сдержанно кивали. Я старалась быть приветливой. Читтапон вёл

меня за руку вперёд сквозь толпу танцующих корейцев, а я только и делала, что показывала свои белые зубки и смотрела под ноги, боясь упасть.

Добравшись до бара, Чит спросил, что я хочу выпить. Я пожелала коктейль. Он заговорил с барменом, а я принялась разглядывать место. В свете клубных розовых и синих софитов сложно было разглядеть лица людей, да и интерьер не особо различался. Я видела столики, столики, столики, парней и девушек с бокалами, бегающие по стенам лазерные блики. В какой-то момент я прищурилась, так как из толпы выплыло знакомое лицо. Парень направлялся к нам.

Это был Вон. Он поприветствовал Чита, затем повернулся ко мне.

– Нравится здесь?

– Привыкаю! – ответила, перекрикивая музыку.

Мой муж подал мне коктейль, и в ту же секунду к нему подлетела Ким. По её поведению стало ясно, что она навеселе. Не исключено, что под кайфом.

– Эй, Элора, не возражаешь, если я уведу твоего мужа танцевать?

Я только успела пожать плечами, как она его уже увела.

– Она иногда бывает сумасшедшей, – заметил Вон, присаживаясь на соседний стул.

– Приму на заметку.

– Ким бывает несносной, но с ней очень даже весело.

Я видела их в толпе. Чит показывал невероятные вещи,

его пластике можно было позавидовать. Он любил своё дело, и у меня даже какая-то гордость появилась за него.

– Давно дружите?

– Завтра будет сто лет, – пошутил парень, вызвав у меня улыбку.

– Это значит, давно?

Мой палец совершил путь по краю бокала. Вон заострил на этом движении взгляд.

– А как давно знакомы *вы*?

– О, лучше я об этом промолчу. Наша с Читом история знакомства настолько невероятна, что ты просто не поверишь.

– Да? А он сказал, что увидел тебя издалека и влюбился.

– А сам ты веришь в любовь с первого взгляда? – Я начала кокетничать, но делала это специально, ведь я собиралась испоганить Читу настроение и пошатнуть его веру в наш счастливый брак.

– Лучше спроси, верю ли я вообще в любовь.

Я откинула голову и громко засмеялась, делая вид, что оценила остроумие Вона. В этот момент я скосила взгляд в толпу. Голова Читтапона была повернута в нашу сторону, челка упала на глаза, он тяжело дышал. И по-моему, злился. Стоило ему сделать шаг, как Ким загребла его в охапку и утащила снова в круг.

Прикусив губу, я посмотрела на Вона. Он улыбался одними губами.

– На самом деле суть вопроса не изменилась. Ты разочаровывался в жизни?

– Ты похожа на журналистку. – Он начал дурачиться, заглянул мне за спину, потом под стул, взял руку и повернул ладоншкой вверх. – Где ты прячешь скрытую камеру?

– Камеру? – Я вновь не удержалась от смеха, но на этот раз моё веселье было искренним. Вон оказался забавным. Я смеялась не от его слов, а от кривляний. – Ты забыл, что я женщина. А женщины хитрые существа. Тебе ни за что не найти камеру.

– Ох... значит...

Вон вынужден был оборвать фразу, поскольку к нам подошёл парень. Он в упор смотрел на меня. А я на него. Но только потому, что на нем была очень яркая рубашка. Сдавалось мне, она белая, но в свете неоновых огней стала ярко-розовой. Высокий, с интересной стрижкой – длинные обесцвеченные волосы сзади, а спереди коротко пострижены, несколько прядей закрывали виски, а длинная чёлка перьями свисала на бок. Стильный, симпатичный. Фаррен бы описалась от счастья познакомиться с ним.

– Привет, – сказал он мне, в упор не замечая Вона.

– Привет.

– Американка на такой вечеринке – редкость. А если эта американка ещё и безумно красива, то – подарок. Могу я пригласить тебя за свой столик?

– Э... – Я перевела взгляд на Вона, но тот с кем-то разго-

варивал.

– Тхэ Ён, – назвался парень.

Интересно, в Корее есть другие имена? Тхэ Мин звали друга Чита, а теперь вот – ещё один Тхэ.

– Элора, – растерянно сказала я.

– Как насчёт познакомиться поближе?

– Она со мной, Тхэ, – пришёл на помощь Вон.

– Твоя подружка?

– Нет, – сказал Вон.

– Да! – одновременно выпалила я.

Мы посмотрели друг а друга. Я вскинула брови, как бы спрашивая – что?

– Да, – тогда сказал Вон. – Она моя подружка.

Парень не стал больше обращаться ко мне, молча отошёл. Но стоило Вону куда-то уйти, как он снова появился рядом со мной.

Я искала глазами Читтапона в толпе. Он вроде только что двигался в кругу танцующих людей, но теперь словно испарился. Не было рядом и Вона. Я почувствовала, как во всём теле рождается дрожь.

– Твой друг бросил тебя, Элора?

– Нет, с чего ты взял?

– Ты уже десять минут сидишь одна. Я за тобой наблюдаю, чаги, – и он мягко ущипнул меня за щеку.

Я, конечно, могла бы подыграть этому парню, тем самым вызвав у Чита ревность, но моего мужа не было поблизости,

а значит, и смысла нет флиртовать с тем, кого вижу впервые в жизни. А ещё он назвал меня «чаги», пусть это у них вполне распространённое обращение, но для меня оно уникальное. Только Читтапон называл меня так. Лишь ему это позволено.

– Руки не распускай, – грубо бросила я.

Тхэ Ён улыбнулся и попытался взять меня за руку.

– Мы можем отлично провести время, Элора. Сбежим отсюда? Вон ничего не поймёт.

– Никуда я с тобой не поеду.

– Мне ещё ни одна двушка не отказала. Смотри не пожалей.

– Я – не все.

Он снова попытал счастье, взял меня за подбородок. Я не успела среагировать. Появился Читтапон. Дальше я плохо помню. Сначала услышала крик, звон стекла, музыка прекратилась, завязалась драка.

Лишь спустя час парней удалось утихомирить.

Я садилась в машину со слезами на глазах. Читтапон до самого дома не проронил ни слова, но я впервые видела его таким злым.

Как-то мы говорили с ним о талантах. Я всё ещё верю, что мой талант – вляпываться в дерьмо по самые уши.

10.

Я плакала навзрыд. Не в силах сдерживать слёзы, я плакала от всей души, не переставая, уже почти целый час. Когда Читтапон принялся толкать Тхэ Ёна и кричать что-то очень громко на корейском, я пожалела, что плохо учу язык. Это напугало меня. И теперь моё тело дрожало в безудержных рыданиях, потому что перед глазами всё ещё стояли все эти неприятные события.

Читтапон ввёл меня в спальню, держа за локоть. Когда он отпустил руку, я потёрла место, на коже остались красные пятна от его хватки. Нет, Чит был не просто зол, он был в ярости. Наш первый выход в люди обернулся неудачей.

Я зажмурилась, когда бахнула дверь. Чит грубо рванул меня к себе, долго смотрел на меня, потом большими пальцами вытер всю влагу с лица и поцеловал. Поцелуй вышел грубым, настойчивым и жарким. У меня горели губы, когда он на минуту оторвался от них, чтобы исследовать шею, подбородок, а потом вновь вернулся к губам. Он настойчиво делал то, что задумал, не давая мне возможности сопротивляться. А я пыталась оттолкнуть его, но сил совсем не осталось. Чит был яростно страстным, ненасытным. Он целовал меня так глубоко, как только мог, не обращая внимания на то, как сопротивляется моё тело и как я стараюсь сжать челюсть, чтобы впиться в его язык зубами.

Завязалась борьба. Читтапона заводило моё сопротивление, он заломил мне руки и принялся ласкать языком шею. Никакого диалога, который мы могли бы вести вслух, никаких вскриков и вздохов, мы вели между собой немой разговор, который выражался в движениях.

«Ты только моя», – словно твердил Читтапон, разрывая платье на груди.

«Чёрта с два! Моё сердце никогда не будет принадлежать тебе!» – мысленно отвечала я, оттягивая его голову за волосы.

Но такой жест ещё больше разозлил его. Он швырнул меня на кровать. Я в испуге попятилась, но Чит успел ловко ухватить меня за талию и одним движением придавил к подушкам. Его руки крепко сжимали мои запястья, его глаза полные желания самозабвенно, бесстыдно блуждали по моему лицу, и телу. Я не успела опомниться, как полностью оказалась в его власти. Чит навалился на моё хрупкое тело всем весом, и мне уже ничего не оставалось, как сдаться.

Он получил своё. Всё случилось быстро, без всякой нежности, без ласк. Он словно кол в меня вбивал. А потом встал как ни в чем ни бывало, взял чистые вещи и скрылся в ванной.

Я чувствовала себя униженной, грязной, осквернённой. Эта ночь была самой отвратительной. Зачем он меня наказал? Сначала чувствовала себя виноватой, но вспомнив, как этот Тхэ Ён нагло пытался увезти меня из клуба, перестала

корить себя. В чём я виновата? Я не давала ему повода клеить меня. Я кокетничала с Воном, но Чит не размазал его по стенке, как Тхэ.

До слуха доносился шум воды. Я долго неподвижно лежала в постели, свернувшись как эмбрион в утробе матери, и думала, что жизнь моя закончилась, что ничего больше не будет. Наверно, в такой ситуации мне достаточно было бы высказаться, рассказать о своей боли хоть кому-нибудь... брату. Корбину.

Мысли о брате всколыхнули в душе целую волну отчаяния. Я чувствовала себя ужасно беспомощной. Снова слёзы. Сначала я плакала тихо, но когда шум воды прекратился, разрыдалась и плакала так громко, насколько возможно. Я хотела, чтобы Чит услышал, хотела, чтобы пожалел, прижал к себе, попросил прощения и пообещал больше не обижать. Но его не тронул этот спектакль.

Он лёг рядом и повернулся ко мне спиной.

Утром следующего дня я не узнавала себя. Даже моему покладистому характеру, как оказалось, может прийти конец. Я кричала на прислугу, психовала и швыряла вещи. Пыталась найти ключ от одной из машин, что стояли в гараже, потом сделала попытку обмануть водителя, но ничего не вышло. Погонять по городу, чтобы выпустить пар мне не посчастливилось. С каждой минутой я злилась всё больше, написала Читтапону кучу гневных сообщений, но они остались непросмотренными. Это было последней каплей моего тер-

пения.

После обеда пришёл мой преподаватель по корейскому языку, я выгнала его – грубо, без всякой тактики. На ужин не появилась. Читтапон приехал ближе вечеру, но не удосужился проявить внимание к своей жене. Чиа наверняка пожаловалась на моё поведение, да и плевать! Хотел жениться? Получил то, что получил.

Сначала я думала, что смириться с такой ситуацией будет самым разумным решением, и почти успокоилась. Сидела у себя в комнате с журналом, но долго не продержалась. Я должна была выговориться, должна была накричать на него, дать понять, что не желаю терпеть подобное унижение.

Он занимался хореографией в зале с зеркалами. Я незаметно вошла внутрь, а когда музыка стихла, толкнула дверь ногой, та с грохотом захлопнулась, аж стекла задрожали. Читтапон остановился, посмотрел на меня, но затем снова вернулся к танцу. Я разозлилась, подошла к его стереосистеме и выключила музыку.

– Мы поговорим. Сейчас же. – Я скрестила руки на груди.

Чит взял полотенце и принялся вытирать пот с лица.

– Ты не имеешь права поступать так со мной!

– А ты имеешь?

– Что? В чём ты пытаешься меня обвинить? – Я готова была убить его на месте. – Это ты бросил меня одну на съедение своим дружкам. Но если с Воном было просто приятно пообщаться, то тот тип меня совсем не впечатлил.

– Я проверял тебя, – вдруг сказал он, и я обомлела.

– Что... – сглотнула. – Что значит «проверял»?

– То и значит. – Он швырнул полотенце в угол и встал передо мной в своих обтягивающих танцевальных лосинах и в чёрной майке, руки упирались в бока. – Я хотел отказаться и не ехать на вечеринку, но потом подумал, что это хороший шанс проверить тебя. Я попросил Вона поболтать с тобой, а Ким – увести меня танцевать. Мне было интересно, будешь ли ты вести себя как... как замужня девушка.

– Ты... – у меня не было слов.

– Тхэ Ён неожиданно нарушил все планы. Но я был зол не из-за него, а из-за того, что ты не удосужилась сказать, что твой муж, что Тхэ Ён может идти лесом.

– А разве мы не скрываем это от всех?

– Брось, чаги! То была закрытая вечеринка, никаких журналистов. Я бы не привёл тебя туда, если бы не был уверен.

Я стискивала зубы от злости, что скулы сводило. Чувство вины, негодование, вынужденное безделье и страх перед будущим вымотали и без того натянутые нервы. Огромным усилием воли я сохранила спокойное выражение на лице – я не желала зря растрачивать свои силы. Они мне ещё пригодятся.

– Не думала, что ты настолько глуп, – выдала я. – Твой поступок безрассудный. Нет смысла проверять меня, потому что я не люблю тебя и не клянусь в верности, ясно? – поневоле голос начал повышаться. – Если хочешь к себе нор-

мального отношения, то и веди себя достойно. Нет смысла бросать меня в компанию друзей. Знаешь почему? Потому что я буду с ними флиртовать. – Я выругалась очень нецензурными словами, чуть не захлебнувшись желанием ударить со всей силы человека, стоящего передо мной. Мне хотелось выплеснуть всю обиду из себя. Сглотнув вязкий ком, я позволила волне раздражения растечься ядовитой рекой. – Ты лишил меня жизни! Может быть, в тюрьме мне было бы не так плохо как здесь?

– Что тебе не хватает?

– Машин. Я устала слоняться по дому без дела. У меня здесь нет друзей, только ты со своими причудами. Говоришь, что любишь? А я вот очень сомневаюсь в твоей любви!

После этих слов с гордым видом я покинула зал, надеясь, что достучалась до чертового корейца. «Звезда» недоделанная! Я ему не игрушка! Если он не наигрался в детском саду, то его проблемы, я не позволю делать из меня идиотку.

До полуночи я не выходила из спальни. Понятия не имея, чем занимается мой муженёк, я грела себя мыслью, что очень больно уколола его, и сейчас он мучается не меньше меня. Сама я старалась отвлечь себя, читая новости об отце. Узнала, что мама записала с кем-то дуэт. Что ж, у родителей всё прекрасно, потому что они даже не догадываются, в какой ад загнала себя их дочь.

К половине первого, когда я начала клевать носом, дверь в спальню раскрылась, и я, находясь где-то между явью и сном,

вздрогнула. Читтапон смотрел на меня пристально и властно. «Сейчас начнётся всё по новой», – мелькнула мысль. Но он ко мне не притронулся.

– Через два часа я улетаю в Китай – на гастроли. Меня не будет пятнадцать дней, – сказал он спокойно, без злости и обиды. – Отдохнёшь и подумаешь.

– Отдохну от тебя? Сомневаюсь, что что-то изменится, – иронично усмехнулась.

Чит показал мне паспорт. Мой паспорт!

– Это будет у меня... на случай, если вздумаешь бежать.

– Боишься?

– Нет.

– Боишься!

Меня начинала забавлять эта ситуация. Я принялась дразниться.

– Конечно, боишься. Ведь если я уеду и скажу отцу, что ты меня обижаешь, он наймёт адвокатов и развод у меня в руках. О похищении ты заикнуться не сможешь, потому что доказательств нет.

В этот момент он посмотрел на меня как-то слишком уверенно, затем подошёл к креслу, где я восседала, нагнулся, и самодовольная улыбка отобразилась на его смазливой тайской мордашке. Я вжалась в мягкую спинку, пытаюсь отстраниться от манящего сандала и мускуса. А на самом дне моих янтарных зрачков металась дикая паника, сродни той, которую, должно быть, испытывает несчастное животное, когда

хищник уже впился ему в горло.

– Тебе ещё предстоит меня узнать, чаги. Не думай, что я глуп и не позаботился о непредвиденных ситуациях, – томно, хрипло и медленно произнёс Читтапон. – Попробуй сбежать от меня и увидишь, что будет.

~~~

Чиа. Только она знала, где лежит мой паспорт. Я её даже отчитать не могла как следует из-за незнания языка. Перед тем, как за Читтапоном приехал лимузин, чтобы отвезти его в аэропорт, я потребовала англоязычную прислугу. К моему удивлению, он пообещал удовлетворить мою просьбу. И тем не менее, поставил условие: «Ты извинишься перед своим преподавателем по корейскому и продолжишь уроки». У меня не было причин упрячиться.

Следующие два дня я провела в... интернете. Сначала забавлялась с корейским разговорником и пыталась произнести элементарное «привет», только факт в том, что у них оно супер не элементарное. А если у них такое распространённое слово произносится так, что на языке появляются трещины, то что говорить о других словах? Я попыталась поздороваться с Чиа на корейском, она вылупила на меня свои узкие глазки, но ничего не ответила. Не поняла? Вполне возможно.

В итоге я бросила это гиблое дело и начала листать новости – корейские новости на английском языке. Мне стало интересно, что пишут о Читтапоне Ли местное СМИ. И к сво-

ему удивлению, я нашла статью не о ком-то, а о самом Тхэ Ёне. Как оказалось, Тхэ Ён – скандальный корейский певец, рэпер и танцор. Он работал сразу в нескольких бойбэндах одновременно. Фаррен как-то рассказывала, что в корейской поп-культуре такое приветствуется. А почему скандальный? Не знаю. Так было написано в одной статье, а потом в другой статье. Да и судя по тому, что произошло на закрытой вечеринке, Ён легко находит приключения на свой зад.

Усмехнулась сама себе – прям как я.

Спустя ещё три дня я заскучала. Никакие переписки с Корбином, мамой и даже с Забдиэлем не доставляли мне удовольствия. Я жуть как хотела открыть капот какой-нибудь старперной машины, покрутить гаечным ключом, заменить масло, долить тормозную жидкость, проверить карбюратор, потом хорошо ее прокачать и похвастаться перед друзьями. Здесь, в гараже, стояли сразу несколько машин, но они были в идеальном состоянии, а прокатиться я на них не могла, ибо ключа не было. Я умела заводить мотор без ключа, но подумала, что это как-то не комильфо.

Когда мне позвонил Чит, чтобы узнать, как дела, я не выдержала.

– Как дела? Да ты хотя бы кота для меня завёл!

Вместо ответа я услышала:

– Я тоже скучаю. Целую, чаги. Пока!

Мне, ей-богу, хотелось что-нибудь разбить. И разбила бы, если бы не внезапно появившийся гость.

Из окна я наблюдала за тем, как паркуется автомобиль на дорожке перед домом. Когда из машины вышел Вон, мои губы невольно расплылись в улыбке. Надо же! Живая душа!

Я не стала ждать, пока он войдёт в дом, выскочила к нему навстречу.

– Не думал, что ты будешь рада меня видеть, – удивился Вон, когда я расцеловала его в обе щеки.

– Я тут помираю от тоски. Мне просто необходимо общение, поэтому да – я очень рада тебя видеть.

Мы вошли в дом и Вон тут же бросился к бару.

– Жарко сегодня. Меня жажда мучает. Не возражаешь?

– Нет, – пожала плечами.

– Чит попросил проведать тебя.

Ах, вот оно в чем дело! Улыбка медленно сползла с моего лица. «*Просила кота – получила*», – мелькнула мысль. Но потом я себя успокоила тем, что Вон намного лучше питомца, с ним можно поболтать.

– Ты можешь пока переодеться, – сказал он и начал снимать футболку.

– Что? За-чем?

– В бассейне искупаемся. День замечательный!

– А-а-а... – как-то неуверенно протянула я и пошла по лестнице вверх.

В шкафу я нашла совсем новенький, ещё не использованный купальник цвета розовой гвоздики. Я никогда не стеснялась своего тела, живот у меня был плоский с пирсингом

на пупке, но я всё равно не любила отдельные купальники, предпочитая им спортивного кроя слитные. Переодевшись, я завязала волосы в высокую гульку, провела пальцами по коже, посетовав на то, что она стала совсем белой. Раньше я практически не бывала дома, часто проводила время на солнце, отчего кожа имела здоровый бронзовый оттенок. Если Нола меня увидит, то подумает, что я заболела. Надеюсь, она так занята своей новой песней, что не додумается приехать в гости к дочери.

Когда я спустилась вниз, Вон уже ушёл. Я застала его в бассейне. Чёрные волосы, чёрные плавки и смуглое крепкое тело скрывала синяя вода, которая отражала яркие лучи солнца. Мелькнула странная мысль, что мы с Читтапоном ни одного дня не провели в бассейне. Он вообще редко меня развлекал, если не считать прогулок по саду и ужины в ресторане. Я присела на край, опустив ноги в воду.

– Представляешь, я ещё не видела город, – сказала я, когда Вон вынырнул и уселся рядом мокрый и даже немного холодный для моего разгоряченного под солнцем тела.

– Чит говорил, что вы не раз выезжали в город.

– Хм... если ты называешь проход до ворот, поездку в машине и выход перед рестораном прогулкой по городу, то мне просто нечего сказать.

– Давай поговорим откровенно. – Как только прозвучали эти слова, я напряглась. Вон, заметив это, сразу улыбнулся. – Мне можно доверять.

– О чём ты хочешь поговорить?

– Когда Чит был на гастролях во Флориде, я был с ним, ведь у нас дуэт. Как раз новую песню записали, но это не важно. В день исчезновения мы разговаривали, и он не показался мне влюблённым идиотом, который собирается про-вернуть трюк с похищением. Он собирался вернуться, а потом мне позвонил Ду Хён и сообщил, что Читтапона похи-тили девушки в масках. И ты была среди них?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я запну-лась.

– А... разве он не рассказывал?

– Хочу услышать твою версию, – в его тоне было что-то повелительное, строгое, смягчаемое видом непритворной искренности. – А потом могу покатать тебя по городу. Конечно же, мы не скажем об этом Читтапону.

– Прислуга скажет, – фыркнула я.

– Прислуга работает здесь не круглые сутки, так? А охра-на ему не станет докладывать о таких пустяках.

– Чит мог предупредить.

– У меня есть затычка в виде банкнот.

Я повернула к нему голову, и в этот момент он дыхнул. Запах спирта ударил в нос, я непроизвольно чихнула. Потом рассмеялась. Не знаю, но мне стало смешно.

Вон тоже улыбался некоторое время, а потом стал серьёз-ным.

– Ну так что? Расскажешь?

~~~

– Не понимаю, зачем тебе это.

Тхэ Мин был взволнован, узнав, что Ким и Вон сговорились выудить правду о свадьбе Читтапона и Элоры. Ким утверждала, что Чит не стал бы жениться так скоро, рискуя своей карьерой. А Вон её поддержал, ведь ему тоже эта история казалась надуманной. Ду Хён, которого они пытались расспросить, не сказал им ничего, что могло бы подтвердить или отрицать их доводы. Он просто заявил, что они страдают херней. Но Ким упряма как ослица, её намерения раскрыть тайну их знакомства потихоньку становилась навязчивой идеей. К счастью, она нашла сообщника.

– Какое тебе дело до личной жизни Чита? – задал очередной вопрос Мин, расхаживая перед массажным столом, пока его девушке разминали шею и плечи. Ее глаза были закрыты, она получала удовольствие, а Тхэ Мин его нагло портил своими подозрениями.

– До личной жизни Чита – никакого дела. А эта Элора вселяет опасность и непонятный негатив. Она не любит Читтапона.

– Ты не можешь этого знать.

Девушка открыла глаза, чтобы испепелить своего парня взглядом.

– Это видно невооружённым взглядом! Был бы ты женщиной, то понял бы, что я имею в виду.

Тхэ Мин только хмыкнул.

Ким вдруг села, обернув себя полотенцем. Массажистка, поняв желание певицы, тут же покинула комнату.

– Читтапон – твой друг. Неужели ты не думаешь о нём? Эта Элора может испортить ему карьеру, а то и всю жизнь! Он о ней ничего не рассказывает. Кто она такая? Откуда взялась?

– Она дочь известного продюсера Джереми Бессона! – выпалил Тхэ Мин. – Удовлетворена?

Ким сидела словно током поражённая. То, что Элора дочь продюсера, многое меняет. Но у Ким было чутьё. Она понимала, что Чит что-то скрывает. И она всё равно выяснит причину внезапной свадьбы.

~~~

Давно я не просыпалась с улыбкой на лице. Я чувствовала себя прекрасно, а солнечное утро обещало хорошее настроение на весь день. Полежав пару минут, глядя в потолок, я сладко потянулась, затем зевнула и снова закрыла глаза. Не для того, чтобы спать, я уже выспалась, а для того, чтобы восстановить в памяти прошедшую просто сумасшедшую ночь.

Вон сдержал слово. Мы сели в его автомобиль чуть позже полуночи и пустились по ночному по-настоящему огромному Сеулу. Я увидела все прелести города другими глазами. Когда мы выезжали с Читтапоном в ресторан, то я чаще погружалась в свои мысли или просто разговаривала с Читом, отвлекаясь от вида за окном. В эту ночь наша цель с Воном была направлена на осмотр и впечатления. Я задышалась от

восторга и впервые за несколько недель почувствовала свободу. Наши окна и люк были открыты, чтобы ловить встречный ветер. Иногда я высовывалась из окна и просто кричала, а Вон смеялся, повторяя, что я ненормальная. Мне ни капельки не было обидно от его слов, потому что сама себя не узнавала.

Центр Сеула заполнен высотками, но не «небоскребами» в азиатском понимании, они не загораживали звездного неба, как в Гонконге, где я не раз была. Я увидела много света и много «Самсунга», ведь это корейская гордость! Иногда среди высоток можно было найти детали прошлого. А площадь – бомба! Статуи и памятники, имена которым я не запомнила, хотя Вон десять раз повторил, меня впечатлили. Город сиял разными красками – подсветка небоскребов, подсветка фонтанов, кофейни и рестораны, трафик, стильные корейцы и движение жизни. Восторг!

Кофейни встречались на каждом углу, и Вон предложил выпить кофе. Несколько фанаток узнали его и попросили автограф, хотя мы замаскировались по-максимуму. Я спрятала волосы под капюшоном, из-под которого торчал козырёк от кепки. Вон надел очки и повязал бандану, но, видимо, его узнали по походке. Мы решили не скрывать от Читтапона, что катались по городу. Вон сам лично позвонил ему, когда ещё находился в особняке и объяснил ситуацию. Чит сопротивлялся недолго. Я не понимала корейских слов Вона, но когда тот положил трубку, то сказал, что «устаканил» дело.

Пока мы пили кофе, я уболтала Вона дать мне руль. Я безумно соскучилась по вождению, у меня уже ломка началась.

– Ты так любишь машины? – полюбопытствовал парень.

– Это моя страсть. Если позволишь сесть за руль, то увидишь, на что я способна. В пределах разумного, – добавила я, когда брови парня взлетели вверх.

– Почему Чит не купит тебе машину?

– Он боится за меня. Да и права у меня американские.

– Если они международные, то проблем не возникнет.

– Значит, нужно уболтать Чита, – улыбнулась я.

Вон позволил мне вести его машину до самого дома и был поражён моими навыками. Я без всяких подсказок устроилась на его сиденье, поправила боковые зеркала, опустила руль, придвинула кресло, чтобы до педалей дотянуться. Я нашла по радио какой-то корейский рэп и неслась на положенной скорости через весь Сеул, просто наслаждаясь ощущениями. Правда, ехала я в обратном направлении от дома, поэтому приехали мы в особняк часам к четырём утра. Вон отказался от предложения переночевать у меня, и я была за это ему благодарна.

Почистив зубы, я бросила щетку в стакан и посмотрела на себя в зеркало. Моё лицо приободрилось, стало свежее, но улыбка исчезла, потому что вспомнила разговор в бассейне. Что мне только ни пришлось придумать, чтобы выкрутиться из сети, подставленной Воном. Я не хотела выставить Чита

идиотом, хотя могла бы. Но что-то останавливало меня, какое-то непонятное чувство. Может, страх?

«Попробуй сбежать от меня и увидишь, что будет».

– Ну что? Расскажешь? – снова спросил Вон.

– Вряд ли я скажу тебе что-то новое. Мы просто встретились и просто полюбили.

– А как же похищение? Ты там была?

– Нет. Чит же сказал, что сам всё подстроил, чтобы сбежать ко мне.

– Всё равно с трудом верится, что он в одиночку всё это организовал. Зачем ему вообще подставлять себя, свою карьеру ради... – Он посмотрел на меня. – Прости. Но всё можно было бы сделать по-другому. Мы ужасно перепугались.

– Понимаю. Но я не решала за него.

– Да, – кивнул Вон. – Наверно, я зря завёл эту тему. Искупаемся?

После этого мы больше не говорили о Читтапоне. Я спрашивала об их музыкальной индустрии. Не то, чтобы меня это сильно интересовало, но пока Вон рассказывал, я знала, что в безопасности.

Стук в дверь вернул меня в ванную, зеркало запотело – так сильно я дышала. Вышла в спальню и встретила с Чиа, которая на ломаном английском сообщила, что меня кто-то ожидает внизу.

«Вон?» – удивилась я. Кто ещё может ко мне приехать?

– Сейчас спущусь, – сказала я, сопроводив слова жеста-

ми. Затем быстро натянула джинсовые шорты, топ, расчесала волосы и вышла.

Пока спускалась, заметила мужской силуэт, светлые волосы торчком, запястья в браслетах, широкие джинсы, белые кроссовки. И всё это было до безумия мне знакомо. Я прыгнула с последней ступени и как закричала:

– Корбин!

Я прыгнула ему на шею и едва не задушила в крепких объятиях. Брат обхватил мою талию и оторвал от пола.

– Элора, как же я скучал, – сказал он, как только мы оторвались друг от друга.

С моего лица нельзя было стереть улыбки, она намертво приклеилась ко мне.

– Вот это сюрприз! И как вовремя. Читтапон как раз на гастролях. Можно, я ещё раз тебя обниму? – и, не дождав-шись ответа, снова притянула парня к себе.

А потом увидела ещё одного человека. Что я говорила про улыбку? Забудьте! Она исчезла в одну секунду. Я отстранилась от Корбина и в недоумении уставилась на второго своего гостя.

– Зак? А ты что здесь делаешь?

11.

– Зачем ты притащил его сюда?

Я шипела и плескалась ядом, стоило нам отойти на безопасное расстояние. Корбин шикал и умолял не кричать. Я претворилась, что хочу показать безделушку на террасе, а Зака попросила располагаться поудобнее. Он не дурак, и понял, что я не очень рада была его видеть, поэтому не стал настаивать пойти с нами.

– Я не хотел путешествовать в одиночку, – оправдывался Корбин.

– А ты не забыл, для чего ты сюда приехал? Как я буду рассказывать тебе всё, что со мной случилось, когда этот, – я кивнула подбородком на дверь, ведущую в гостиную, – здесь?

– Во-первых, Элора, давай расставим приоритеты. Зак – мой лучший друг. Он же и твой лучший друг... был им по крайней мере. Я не знаю, почему ты так к нему изменилась. Он волнуется за тебя...

– Не надо за меня волноваться.

– Элора! – одернул меня Корбин. Его лицо стало серьёзным, а это значило, что я перегибаю палку.

– Ладно. А во-вторых? Ты сказал «во-первых», значит, есть и «во-вторых». Я ведь правильно думаю?

– Во-вторых, он знает.

– Что?!

А вот это признание возмутило меня до глубины души, вся желчь поднялась на поверхность.

– Какого дьявола ты рассказал ему! Корбин, я ведь тебя просила – только между нами. Как мне доверять тебе после этого? Всё! Я покажу вам дом, бассейн. Получайте удовольствие, но мой рот на замке.

Я дёрнулась к двери, но Корбин схватил меня за запястье и одним движением усадил в соломенное кресло. Когда он был раздосадован или сердит, его губы сжимались в жёсткую прямую линию, а глаза превращались в маленькие светлые огоньки. Холодным и непреклонным его точно не назовешь, но сейчас я даже испугалась такой ответной реакции.

– Фаррен завела тему о тебе при нём. Именно Зак убедил меня позвонить тебе, а не давать номер Фаррен. И он устроил эту поездку. Я не мог взять и сказать, чтобы он оставался дома. Раз уж начали вместе, то идти будем до конца вместе. И прекрати истерить.

Зак, Корбин и я с самого детства не разлей вода. Мы вместе бегали по крышам гаражей, в тайне от взрослых жгли спички, мы втроём однажды сбежали из дома с намерением обойти весь белый свет. Нам было по девять-десять лет. К счастью, мы далеко не ушли. Толстый коп, поедающий гамбургер в своей машине – не знаю почему, но именно это самое яркое воспоминание... наверно, голодная была – заметил, что мы без родителей, отвёз нас в участок, а спустя два

часа Мита Хартон забрала нас домой. Нас наказали и оставили под строгим домашним арестом. Помню, как Дэниел дразнился весь вечер, пока не получил от Корбина роликотом ботинком.

Почему я изменила отношение к Заку?

Всё началось с того дня, когда он дал понять, что питает ко мне нечто большее, чем просто дружеские чувства. Меня начали раздражать его поползновения: дурацкие цветочки, внезапно появляющиеся на сиденье в моей машине или на капоте; как бы внезапные прикосновения и странные улыбочки. А потом он стал выпрашивать свидания. Если бы не всё это, то я обнимала бы его сегодня так же, как и своего брата.

Но Зак не брат. И не друг. Он потенциальный ухажёр, а значит, очень опасен. Не хватало, чтобы Чит с ним встретился. Там, в Орландо, он не понял, но здесь точно поймёт. Зак – соперник.

~~~

– Как ты там без меня, чаги?

«Что с тобой, что без тебя – всё одно. Я в неволе!» – хотела крикнуть в трубку, но вместо этого ласково пропела:

– Замечательно, дорогой! – состряпала гримасу на слове «дорогой», затем перешла к главной новости: – Ты знаешь, Корбин сделал мне сюрприз: приехал сегодня утром. Я так счастлива, ты даже представить себе не можешь!

Мне показалось, что Чит улыбнулся, хотя тон в голосе не

изменился.

– Хорошо. – Выдержав недолгую паузу, он сказал: – Надеюсь, глупостей не натворишь.

– Не бойся, не сбегу. Паспорт у тебя, забыл?

– Я просто хочу предупредить, что если ты всё же что-то задумала, то лучше не трать время зря. Даже если ты уедешь, развестись не сможешь.

– Любопытно, чем таким ты пытаешься напугать меня?

– Ты подписала брачный договор, чаги. В нем есть пункт, который превратит твою жизнь и жизнь твоих родителей в кошмар. Лучше не рискуй.

В этот момент моё отражение в зеркале было похоже на призрака, так я побледнела. Он ударил меня сейчас ниже пояса. А ведь и правда я подписывала какие-то документы. Чит сказал, ничего особенного, а я не подумала прочитать. Вот дура! Снова дура!

После разговора с Читтапоном я некоторое время сидела в спальне, не в силах сделать движение. Мозг работал в беспрерывном темпе, я пыталась представить разные ситуации. Но что бы я ни придумала, всё сводилось к плохим последствиям. Корбин не сможет мне помочь.

В дверь забарабанили.

– Элора! Ты готова?

Я стряхнула с себя оцепенение и встала, чтобы еще раз взглянуть в зеркало.

– Да, Корбин! Дай мне две минуты!

Коснулась ладонями лица и тут же обнаружила, что щеки горят. Глаза слезились, словно комната наполнилась дымом, который пытался их высушить. К горлу подкатывал огромный ком, и мне казалось, что я задыхаюсь.

«Ты подписала брачный договор, чаги... подписала договор... подписала...» – вновь и вновь звенел голос Читтапона.

Мне уже не вырваться из его сетей. Понимание, что я обречена оставаться в плену его жизни, и никогда не стану свободной, не вернусь к прежней жизни, душило меня, резало самыми острыми лезвиями изнутри, пилило и скребло, я парализована тем самым чувством, беспомощна перед ним. Попалась не как бабочка, а как муха. Попалась и запуталась так, что остаётся ждать своего конца, а не спасения.

– Элора! – вновь позвал Корбин.

Больше нельзя было заставлять Зака и Корбина ждать. К тому же, для нас был зарезервирован столик в лучшем ресторане города, благодаря Вону. Когда я позвонила ему и спросила совета, в какой ресторан сводить брата и его друга, Вон без колебаний назвал парочку, а потом не поленился забронировать столик для нас. И водитель нас уже ждал. Поэтому взяла сумочку и, отменяя все посторонние мысли, вышла к парням с улыбкой. Незачем им видеть беспокойство на моем лице, ни к чему лишние переживания.

– А здесь мило, – сказал Зак, когда мы приехали в ресторан.

Наш столик, как оказалось, был на террасе третьего этажа,

вид отсюда открывался прекрасный. Зак с интересом рассматривал улицы, дома, да и пейзаж в целом. А Корбин смотрел на меня. Он не задавал вопросов. Наверно, ждал, когда я сама заведу долгожданный разговор.

Принесли еду. Корбин и Зак уставились в свои тарелки.

– Это что? – спросил мой брат.

– Это «чигэ» – густой суп. Вкусно! Приятного аппетита!

– За такое короткое время ты неплохо освоилась здесь.

– Конечно, Зак! Я потребляю эту еду почти каждый день, пришлось привыкать.

– И тебе нравится здесь?

Я промолчала, перевела взгляд на Корбина, а он взгляд в тарелке спрятал.

– Ладно. Я хочу знать, что вам рассказала Фаррен.

– Нет уж! – выпалил Корбин. – Ты расскажешь нам всё. Как так получилось, что за три чертовых дня ты смогла влюбиться и более того – выйти замуж? По телефону ты сказала, что всё слишком серьёзно. И вот мы здесь. Даю тебе слово.

Зак поддакнул.

Я не знала, с чего начать. Волнение накрыло меня с головой, что я не чувствовала ни голода, ни жажды. Сердце ускорило ход и теперь стучало в моих висках, щёки пылали, мысли сбились в голове, оставив одну звенящую необъятную пустоту. Как мне признаться?

– Элора? Просто расскажи.

– Хорошо. Но вы мне не поверите.

Корбин повернулся к Заку.

– Убери подальше от меня все ножи и вилки.

– Здесь палочки.

– И палочки тоже. А то я её убью.

– Элора, – ласково произнёс Зак, – мы здесь для того, чтобы поверить. Если ты попала в беду...

– Да! Я... В общем, Фаррен попросила помочь ей в одном деле. Я должна была вести фургон. На вопрос, что случилось, она толком ничего не ответила. Просто надо было выручить подругу, которая собрала кучку подружек, чтобы... чтобы... – У меня язык не поворачивался. Казалось, он прилип к небу и больше никогда не подаст признаки жизни.

Корбин решил подождать меня.

– Чтобы?

– Чтобы похитить Читтапона Ли.

– Похитить?! – в один голос воскликнули парни. Я на них тут же зашикала.

– Пожалуйста, не привлекайте внимание. Да, они хотели поразвлечься. А меня никто не предупредил. Я узнала, что они задумали, когда Чит уже был в фургоне. – Вздохнула. – Я не одобрила этой затеи, стала ругаться с Фаррен. Ссора привела к тому, что фургон перевернулся.

– Кстати, помнишь по телеку показывали фургон. Мама смотрела новости, ещё поражалась тому, как просто сейчас похитить звезду. Чёрт, – Зак вытер рот салфеткой, – какой острый суп! – Сделал глоток воды. – Я даже не думал, что

это Читтапона твоего похитили.

– Что было дальше? – нахмурившись, спрашивал Корбин.

– Дальше я потеряла сознание, очнулась утром, но ни Фаррен, ни её подруг не было. Я нашла Читтапона без сознания на траве. Как оказалось, у него было сотрясение.

– Хорошо же он стукнулся, – зло усмехнулся мой брат, – что аж жениться захотелось!

– Между прочим, я очень испугалась. Телефон куда-то делся. Мы были у чёрта на куличках, машины проезжали там раз в двадцать минут. Парень мог погибнуть из-за Фаррен, а обвинили бы меня. К счастью, подъехали двое парней, у них доктор нашёлся, заодно приют.

– Ты поехала к незнакомым мужикам с больным человеком...

– С раненым.

– Какая разница! Ты не могла мне позвонить?

– Я же объясняю тебе, что испугалась. Думала, он очнётся, и мы как-то договоримся. Откуда мне было знать, что он жениться захочет? – в моем голосе появились писклявые нотки.

– А отказаться нельзя было? – мягко поинтересовался Зак.

– Я пробовала. Но факт в том, что он собирался засадить нас с Фаррен в тюрьму. Нашему отцу, Корбин, грозил разгром. Я испугалась за его репутацию. Забыл, что было в случае с Дэниелом? А ведь по сравнению со мной тот случай –

цветочки! Он мальчик, а я... – горько усмехнулась. – Единственная дочь участвовала в детской забаве своей несносной подруги. Но это ведь совсем не смешно!

– Почему Фаррен тебя бросила?

– Мне она сказала, что испугалась. Они решили, что мы с Читом... того.

– Идиотка! – стиснув зубы, произнёс Корбин.

– Кто? Я?

– Фаррен твоя!

– Только прошу тебя, не рассказывай ей ничего. Вообще не трогай её. Я привыкаю, со мной всё хорошо. Лучше, чем было бы в тюрьме, – подумав, добавила я.

– Значит, вот откуда царапины на твоём лице.

– Что? – Я устала на Зака.

– В тот вечер, когда я тебя поймал на дороге. Думаешь, я не заметил?

Корбин некоторое время думал. Он доел суп, приступил к другому блюду, пока мы с Заком говорили о вечере, когда он подобрал меня.

– Почему ты не ешь, Зак?

– А ты?

– Я нервничаю. А когда я нервничаю, то не могу есть.

– А в моем случае желудок против корейской еды.

Мы посмеялись. И теперь, когда обстановка разрядилась, Корбин сказал:

– Ты выполнила своё условие, теперь можешь уехать.

– Чит забрал мой паспорт.

– Ну и кто после этого похититель? – рассвирепел брат.

– Со мной, правда, всё хорошо. Ты хотел знать правду, я тебе её рассказала. Вам рассказала, – добавила, глядя на Зака. – Прошу вас, пусть всё это останется между нами.

– Но ты же с ним несчастлива.

«Ты подписала брачный договор, чаги...»

– Вопрос времени.

~~~

Ким медленно подняла глаза и сладко улыбнулась идущему к её столику парню. Высокий, стильно одетый Вон, однако, никак не отреагировал. Когда он отодвинул стул, то лишь сухо поздоровался.

– У меня в запасе не больше тридцати минут, – затем сказал он и заказал соджу.

– Не думаю, что я задержу тебя надолго. Просто расскажи, как прошла ваша встреча с жёнушкой Чита. Что она тебе рассказала?

– Ничего особенного. У меня создалось впечатление, что Чит держит её в своём доме, как принцессу в башне.

– Он ведь говорил, что пока не хочет, чтобы новость о женитьбе просочилась в прессу.

– Это Ду Хён говорил. Знаешь, я показал ей город, позволил сесть за руль и... был удивлён. Она здорово чувствует машину. А ещё... – он задумался, глядя куда-то в сторону. – А ещё ей тоскливо одной. На самом деле она – приятная де-

вушка, Ким.

– Хм.

Ким почувствовала раздражение. Что они все в ней находят?

Официант принёс напиток Вону и быстро удалился. Они сидели в кабинке, так что никакой шум не отвлекал их от важного разговора.

– Что насчёт их знакомства? Свадьбы?

– Она ничего толком не рассказала. Единственное, о чём упомянула – то, что Чит решал за неё. Она в их отношениях что-то вроде пешки. И это странно. Очень странно. Девушка тоскует...

Ким прищурилась, услышав в его голосе жалость.

– Тебе она тоже понравилась?

– Я же сказал, что она приятная.

– И ты туда же! Хотя... – Ким тряхнула густой шевелюрой и прикусила губу. В голову стукнула безумная, но вместе с тем потрясающая мысль. Вон потягивал соджу и даже не догадывался, что может оказать ей дружескую, неоценимую услугу. Не теряя времени, она сказала: – Ты можешь помочь мне в одном деле. Поверь, и я и ты – мы оба – останемся в выигрыше.

– Что ты задумала, Ким?

– Мы избавимся от этой девчонки.

– Мы? Но мне она не мешает.

– А мне мешает, – с напором сказала она. – И ты можешь

помочь.

Соджу был выпит до дна, Вон отставил бутылку и откинулся на спинку стула, расставив широко ноги. Голову он склонил на бок, подозревая, что у Ким недобрые мысли.

– Чем я тебе помогу и какова будет моя выгода?

– Всё очень просто, – обронила она. – Ты соблазнишь Элору, заставишь её изменить Читтапону, а он предательства не прощает. А это значит, что они быстренько разведутся. Так же тихо, как и поженились.

Вон усмехнулся, положил локти на стол и посмотрел Ким прямо в глаза.

– Чит не прощает предательства, ты права. Я потеряю друга. В чём же тут польза для меня? А ещё больше меня интересует, что ты с этого поимеешь.

Девушка долго думала над ответом, не зная, стоит ли сказать Вону правду, ведь Тхэ Мин тоже его друг. Но она уже всё для себя решил. Раз уж затеяла эту игру, то надо идти до конца. И не имеет значения, что подумает Вон. Важно, что он сделает. Теперь её голос звучал требовательно и властно.

– Ты соблазнишь её так, чтобы она сама повешалась тебе на шею, а перед Читом сделаешь жалостливый вид и обвинишь во всём Элору. Что ты от этого получишь? Её. Можешь потом делать с этой девчонкой всё, что душе угодно.

Вон кивнул, хоть и наморщив лоб. Он пока не представлял, как всё это будет выглядеть.

– Каков твой приз, Ким? А нет, дай догадаюсь. Тебе нужен

Чит. Ты влюблена в него?

– А от тебя ничего не скроешь, – засмеялась Ким. – Тхэ Мину пока ни слова. Жаль расстраивать его раньше времени.

– Ты подлая, – в своей шутливой манере произнёс Вон. – Но я тебя люблю, детка.

Ким заговорщицки расплылась в улыбке. После этого она позвала официанта и заказала ещё соджу. Остаток времени они обсуждали детали коварного плана.

~~~

Три дня пролетели со скоростью молнии. Я не успела до конца прочувствовать присутствие брата, а он уже укладывает чемоданы в багажник такси, чтобы отправиться домой. У меня глаза на мокром месте. Ненавижу минуты прощания. Когда мы с Читтапоном уезжали из Орландо, я находилась в шоке, поэтому ничего не поняла, прощание с родными вышло каким-то сухим. Сейчас другое дело. Без Корбина мне сложно принимать решения, я и он как сиамские близнецы, никак иначе. Их связь, как правило, настолько сильная, что они могут чувствовать боль друг друга. Я прекрасно ощущала эмоции Корбина, его злость и одновременно любовь. Сердце рвалось на части.

Он посмотрел на меня сквозь длинную челку.

– Уверена, что хочешь остаться?

– Со мной всё будет хорошо. Чит меня не обижает, – с натянутой улыбкой произнесла я. Ту жуткую ночь после вечеринки я упорно старалась стереть из памяти. – Я буду зво-

нить.

– Иди ко мне, сестрёнка.

Он раскрыл руки, приглашая в свои братские объятия. Я прижалась к нему и, уже не сдерживаясь, ревела как маленькая девочка.

– Если передумаешь, дай знать. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Я позволила Заку тоже обнять меня, несмотря на то, что его объятия были совсем не дружескими. Его горячие руки лежали на моей оголенной талии, поскольку я надела джинсы и короткий топ. Можно сказать, Зак откровенно лапал меня. Вдыхая мой запах, он тихо прошептал на ухо:

– Я буду ждать тебя. И пусть на это уйдут годы. Я терпеливый.

Я не стала обижать его и говорить, что ему придётся ждать до старости. Легонько отстранилась, вытерла мокрые от влаги щёки и постаралась взять себя в руки.

Мальчишки уже собирались сесть в такси, как вдруг на территории появилась машина. Я уже знала, кому она принадлежит. Мы все втроём проследили взглядом за автомобилем, пока он ехал по асфальтированной дорожке прямо к месту, где стояло заказное такси. Никто не проронил ни слова, наблюдая, как открылась дверца, из машины вышел Вон и направился к нам, жуя жвачку. Как только он приблизился, я представила ему своих гостей.

– Мой брат Корбин и друг детства Зак... э-э-э... наш друг

детства. То есть, мой и Корбина. А это Вон – друг Читтапона.

Вон улыбнулся своей широкой и безумно обаятельной улыбкой, затем протянул руку моему брату. Я видела, как Корбин колебался, прежде чем ответить на рукопожатие, но он это сделал. И я гордилась своим двадцатиоднолетним братом. Мы с Воном некоторое время стояли, глядя вслед удаляющемуся такси, я махала рукой, ручейки слёз бежали без остановки. Потом, когда я успокоилась, Вон резко сказал:

– Теперь можем ехать?

– Куда? – удивилась я.

– Увидишь.

– А...

– Просто поехали, Элора. Думаю, тебе необходимо развеяться.

Я бросила на него озадаченный взгляд, но больше вопросов не стала задавать.

– Только сумочку возьму.

Сделала шаг к дому, но он поймал меня за руку.

– Зачем тебе сумочка? Если ты думаешь о кредитных картах, то не беспокойся, я за всё заплачу. Садись в машину.

Проверив, на месте ли телефон, я без сопротивления забралась в его спорткар. Мы отправились в бильярдную. Уж не знаю, откуда у Вона возникла эта бредовая идея, но я долго смеялась.

– Я не умею играть в бильярд!

– Не волнуйся, это не сложно. Я научу.

– Уж лучше ты отвёз бы меня на трассу и предложил погонять.

– Поставлю галочку, – весело сказал Вон, а потом показал куда-то за мою спину. – Бери кий.

– Кий?

Мне вдруг стало стыдно, потому что я не знала, что такое кий, биток, луза. Единственное знакомое слово оказалось «пирамида». Однако Вон очень доходчиво объяснял на чистом английском, что здесь есть и для чего. Он показал несколько ударов. Самое интересное, что у всех этих ударов тоже были свои названия, положение шаров тоже имело смысл. У меня голова шла кругом.

– Ладно, – заключил Вон, отходя в сторону. – Попробуй разбить пирамиду.

Я не была уверена, что справлюсь и боялась ударить в грязь лицом, хотя кроме нас с Воном, казалось, никого больше не было. Я подошла к бильярдному столу. Внимательные глаза Вона изучали мои движения и поведение, обожгли ложбинку между грудями, когда я нагнулась и прицелилась. Я съежилась, но деваться было некуда. Когда я ударила, шары разлетелись в разные стороны.

– Совсем неплохо, Элора! – похвалил меня Вон, наградив сногсшибательной улыбкой. Не знаю почему, но мне очень нравилось видеть Вона улыбающимся. У него красивая, широкая улыбка и ровные белые зубы.

После этого я включилась в игру, но если быть откровен-

ной, то в детский азарт бесцельного катания шаров по столу. Вон показывал удары, я пыталась повторить. Мы смеялись, дурачились, веселились, словно подростки. Вон попросил меня попробовать загнать шар в лузу. Я с боевой готовностью наставила кий на биток – потихоньку учила слова – и ударила. Метко! Он улетел туда, куда нужно, а за ним ещё два. Я запрыгала, хлопая в ладоши.

– У меня получилось!

Кто-то ещё начал хлопать, но это был не Вон, ведь он стоял передо мной и я видела, где его руки. Резко обернувшись, я увидела старого знакомого – Тхэ Ёна.

– Отличный удар, американка! – воскликнул он.

Теперь я была уверена, что его волосы розовые в тон губ с характерно выраженной насмешкой. Несколько угловатые скулы присущие многим корейцам; азиатские, но довольно выразительные глаза. Он стоял прямо передо мной в непринуждённой позе, глядя на меня. Я почувствовала руки Вона на своих плечах.

– Оправился после драки? – с изрядной долей ехидства спросил Вон.

– До сих пор не могу понять, почему за *твою* подружку впрягся Чит. Или ты даёшь её всем напрокат? Может, и со мной поделишься?

Услышав такое, мои глаза округлились, а внутри поднялась волна ярости. Да как он смеет? Дёрнулась вперёд, но Вон оттянул меня назад, обхватил талию руками – обнял так,

как обнимают своих возлюбленных. Я не видела его лица, но по голосу поняла, что он улыбается.

– Чит – мой друг. А друзья должны быть рядом в нужный момент.

– А мне показалось, что тебе абсолютно наплевать на неё. Чит дрался с такой злостью, будто она принадлежит ему.

– Подбери свои слюни, Тэён, – из уст Вона имя звучало слитно, без чёткого «хэ». – Иди, куда шёл подобру-поздорову.

Дальше они перешли на корейский язык, я ничего не понимала, но, в конце концов, Тхэ Ён сдался и ушёл. Я сбросила со своей талии руки Вона и с серьёзным видом посмотрела на него.

– Долго я ещё буду скрывать, что Чит – мой муж? Нас могут неправильно понять.

Вон больше не улыбался, подошёл ко мне и убрал непослушные золотые пряди за уши. Мне показалось, что он сделал это неосознанно, мыслями он был словно не со мной.

– Ты притягиваешь мужчин, Элора. Будь осторожна. А за ответом иди к своему мужу.

~~~

Читтапон приехал рано утром в четверг, когда я ещё спала. Он разбудил меня лёгким поцелуем в щёку. Я приоткрыла глаза, но он уже вышел из комнаты, а я продолжила спать, решив, что мне это приснилось.

Часов в десять я вышла к завтраку, но ела в гордом оди-

ночестве. Удалось выяснить у Чиа, что Читтапон уехал на работу. Мне вдруг стало так грустно, что плакать захотелось. Неужели я соскучилась? Нет. Я предпочитала думать, что Чит – единственный человек, с кем я могу поговорить здесь. Мне всего лишь одиноко. И всё же дала волю чувствам, проревев в комнате до самого обеда. Потом я долго лежала на кровати, глядя заплаканными глазами в окно. В один момент я бросила взгляд на комод и вдруг заметила голубого цвета золотинку. Подойдя ближе, я поняла, что Чит оставил мне подарок. Не знаю почему, но вдруг слёзы покатались из глаз. Я села на кровать и развернула подарок.

Внутри я обнаружила узорчатый футлярчик в китайском стиле, похожий на кошелёк, но чересчур маленький, чтобы можно было положить туда монеты. Я открыла его и увидела флакон. Это были духи, которые просто потрясающе пахли. Обрадовавшись подарку, я немедленно побрызгала ими шею за ушами и запястья. Как он смог узнать, что это мой любимый запах? Как он вообще смог изучить меня за такое короткое время? Поступки Читтапона всё больше и больше нравились мне. Я больше не испытывала к нему ненависти, и обида куда-то испарилась. Всё, чего мне хотелось на данный момент – увидеть его.

Я бродила по дому без дела, изводила себя разными думками. Я могла бы позвонить, но знала, что разговор выйдет сухим. Не того желало сердце Элоры Бессон.

Утомившись, я устроилась в кресле-качели на верхней

террасе. Всего пара часов отделяла меня от встречи с мужем, когда я уснула. Очнувшись, я обнаружила на себе плед. Первая мысль была, что его принёс Чит. Вряд ли кто-то из служанок станет проявлять такую заботу. На улице давно стемнело, в воздухе летали мелкие насекомые, жужжа под ухом. Их присутствие заставило меня подняться, пойти к себе в комнату и умыться. А потом я уже набралась смелости разыскать Читтапона. Я чувствовала, что он дома.

Много времени на поиски у меня не ушло. Уже на лестнице я услышала музыку. Довольно ритмичная мелодия доносилась из комнаты с зеркалами. Улыбнулась. Всё ясно. Чит занимается хореографией. Я подкралась к открытой двери и вдруг улыбка сползла с моего лица. Он не танцевал. Сидел перед зеркалом широко расставив ноги в стороны, руками опирался о пол. Его поза была расслабленной и непринуждённой, со стороны это выглядело так, будто он о чём-то мечтает. Но что-то подсказывало мне... какое-то постороннее чувство говорило, что он грустит, терзает себя беспокойством и сомнением.

Я вошла и остановилась рядом с ним. Чит сразу заметил меня, но не встал, хотя я в какой-то степени этого ожидала. Он долго изучал меня взглядом.

– Иногда мне жаль, что ты не корейка.

– Почему?

– Потому что у корейков есть свой интересный стереотип.

А выглядит этот образ примерно так: девушка почтительна и

вежлива со своим супругом, беспрекословно выполняет пожелания мужа, не смотрит мужчине в глаза, очень скромно одевается и при этом выглядит невероятно красивой и женственной.

У меня едва не отвисла челюсть. На что он сейчас намекает?

– Ну, прости, если не оправдала твоих надежд и ожиданий. Я, знаешь ли, замуж за тебя не собиралась. А если забыл, могу напомнить...

Я говорила несколько раздраженно. Читтапон в один момент оказался на ногах, быстро подошёл и прижал меня к зеркалу, заставив замолчать. Он смотрел на мои губы, и выглядело это чересчур сексуально. У меня сбилось дыхание, своими действиями он воспламенил во мне желание.

– Думаешь, я не хотел бы прекратить это безумие? Не понимаю, как ты смогла за одно мгновение украсть у меня сердце, – томно шептал он, тем временем его руки исследовали мою талию, затем двинулись вверх, едва касаясь пальцами. – Ты не корейка. Ты смотришь в мои глаза, привораживая, заколдовывая всё сильнее. Почтения от тебя, конечно же, я не добьюсь, как и полного повиновения. Но я и не хочу.

Чит отвёл мои руки в стороны, прижал их к холодному зеркалу и принялся целовать шею, сопровождая поцелуи тихим шёпотом:

– Мне нравится эта борьба. Она меня заводит, придаёт сил.

– Что будет, когда я перестану сопротивляться? Что будет, когда я перестану придавать тебе сил?

Он снова посмотрел мне в глаза. Челка упала на его лоб, мне так хотелось убрать ее, но руки были крепко зажаты.

– А такой день настанет?

– Разве не ты мне постоянно об этом говоришь, Чит? «Однажды ты полюбишь меня» – не твои слова? – Он приблизил свои губы к моим, но не целовал, а просто дышал на них, изводя меня, дразня и словно издеваясь. Я постоянно записалась, потому что сосредоточилась на своих ощущениях. – Ты... ты мог бы просто переспать со мной тогда. Наверно, мне пришлось бы согласиться. Почему такая мера?

Он негромко посмеялся, прижался крепче своим телом к моему. Не отпуская запястья, поднял мои руки над головой и теперь я не могла пошевелиться, распластавшись по зеркалу в полной доступности для его действий.

– Одна ночь или много ночей – чувствуешь разницу? – произнёс он на ухо.

Его губы нежно ласкали мою щеку, шею, подбородок... в какой-то момент он добрался до ложбинки моих грудей и принялся целовать. Я неосознанно выдохнула, понимая, что утратила способность думать. Я уже готова молить его о поцелуе в губы. Почему он не делает этого?

Он снова выпрямился. В его синих глазах светилась похоть.

– Я хотел все ночи. Не одну. Не две. Все.

А у меня в голове вертелись слова: «Поцелуй меня». Однако ужасала мысль о том, что придётся вымалывать у него этот пресловутый поцелуй. Осталось надеяться, что он сжадется надо мной.

Наконец он отпустил руки, скользнул вниз, приподнял край кофты, чтобы осыпать поцелуями и легкими касаниями языка мой живот. Я закрыла глаза, наслаждаясь всем происходящим, как в приятном сне. Внутренний пожар набирал силу. Читтапон уже не сдерживал своих желаний, подтянул мат и положил меня на него, а сам лёг сверху.

– Кто-нибудь из слуг может войти...

– Они не посмеют, – ответил мой муж, стягивая с меня одежду.

Дальше слов не последовало. Его руки легли мне на талию и инстинктивно сжали её. По всему моему телу разлилось тёплое чувство, когда он избавился от лифчика, подхватил грудь, взял в рот сосок и с жадностью, почти с отчаянием, втянул его. Всё моё женское нутро пробудилось, сексуальное желание стало таким острым из-за долгого воздержания. Сейчас пятнадцать дней были сравнимы с вечностью. Представляю, что чувствует он.

«Поцелуй меня!» – мысленно молила я.

Мои руки нырнули в копну его чёрных как уголь волос, из горла вырвался стон, а вместе с ним его имя. Читтапон резко поднял голову и посмотрел на меня.

– Ты скучала, Элора? – Он подался вперёд, полностью на-

крывая меня своим телом. На мне ещё были шорты, но и он не снял одежду. Его лицо так близко. Боже! Да поцелует он меня или нет?! – Скажи честно, ты скучала?

Я сама приблизила свои губы к его рту, но он уворачивался, ещё больше дразня меня, ещё больше возбуждая.

– Чит, не мучай...

– Ты скучала?

– Поцелуй...

Он сел. Снял с себя одежду, стянул последние остатки одежды с меня, пристроился между моих бёдер и вновь задал волнующий вопрос, лишь слегка касаясь моих губ своими влажными... чёрт, безумно желанными губами. Я наконец признала своё поражение и молвила, прерывисто дыша:

– Да... скучала. Поцелуй же меня!

– Элора... Я бы не вынес, если бы другой мужчина мог видеть тебя такой.

И вот это случилось. Он поцеловал меня чувственно, нежно: его язык смело нырнул в рот, его плоть одновременно попала в заветную цель. Я думала, что не выдержу этого. У меня всё горело внутри. Моё тело ещё никогда так не трепетало и не находилось в таком состоянии, как будто сознание отделилось от плоти. Его настойчивые поцелуи подбросили угля в разгорающееся пламя страсти. Мне нравилось чувствовать его на себе.

– Я больше не могу, Элора, – простонал он. Его спина поблескивала от пота, волосы стали мокрыми. Кожа была глад-

кой, а мышцы красиво бугрились. Чит не был качком, но его тело было атлетичным, ведь он так много танцует.

Ещё несколько секунд блаженства, он застыл и, казалось, не дышал. Мои пальцы впились в кожу его спины, я ощутила нечто небывалое. А когда он расслабился и упал всем весом на меня, я выдохнула.

Из глаз потекли слёзы.

Я безумно скучала...

12.

Палец остервенело жал на кнопку у входной двери. Рот сжался в прямую линию, в глазах горела ярость. Он держался. Видит Бог, он держался!

– Эй! Кто там такой нетерпеливый! – послышался приторный голос этой сучки Фаррен.

– Открывай или я выбью эту чёртову дверь! – крикнул Корбин что было сил.

Похоже, что Фаррен была в некотором замешательстве, ведь он не контролировал свои эмоции, это могло её напугать. Однако дверь всё же открылась.

– Корбин? – удивлённо произнесла она, увидев перекосившееся ненавистью лицо парня.

И это единственное, что она успела вякнуть. В следующую секунду Корбин прижимал её к стене в прихожей, сжимая горло, из которого вырвался жалкий приглушённый писк. Фаррен стала отчаянно брыкаться и извиваться, в её зелёных глазах застыл ужас. Она попыталась ударить его коленкой в пах. Не вышло. Корбин прижал её своим телом. Он готов был поклясться, что в ту минуту вполне мог её придушить.

– Ты, стерва, – взревел он, – строишь из себя невинную овечку, пока моя сестра расплачивается за твои развлечения.

Фаррен хватала ртом воздух, одновременно вцепившись в руку Корбина. Понимая, что девушка задыхается, парень

ослабил хватку, но не отпустил.

– «Почему Элора вышла замуж за корейскую звезду?» – проговорил он писклявым голосом, подражая ей. – Ты сама же и толкнула её в объятия этого...

– Отпусти, Корбин... – взмолилась она.

Сначала прозвучал грохот кулака об стену, затем одним движением ноги он захлопнул входную дверь. Схватил Фаррен за волосы, та закричала, но его эти крики не тронули. Он бросил её на диван и наставил на неё палец.

– Ты бросила мою сестру умирать в перевёрнутом фургоне. И после этого смеешь называть её своей подружкой? После этого ты приходишь ко *мне*, – Корбин ткнул в себя пальцем, – и просишь выяснить, что происходит с Элорой? Ты прекрасно всё знала!

– Что я должна была знать?

– Не выводи меня! Не провоцируй на убийство!

– Я испугалась... думала, что она...

– В таких случаях проверяют пульс, а не думают. Но куда такой курице иметь мозги!

– Не оскорбляй меня.

– Ах! – Корбин всплеснул руками. – Надо же, я оскорбил её! Элора спасла твою тощую задницу от тюрьмы, в то время, как *ты* наплевала на её жизнь! Поверь, однажды наступит день, когда я заставлю тебя валяться у неё в ногах и просить прощения. А пока, – он подошёл и грубо стиснул её щёки пальцами, – не хочу, чтобы ты к ней приближалась. Узнаю,

придушу.

Корбин ушёл, не забыв громко хлопнуть дверью. Фаррен сползла с дивана на пол и громко заплакала. До неё не сразу дошёл смысл всех сказанных слов. Но когда девушка осознала случившееся, пазл сложился.

«Элора вышла замуж за Читтапона Ли, чтобы я не села в тюрьму?»

– О, Боже... – произнесла она уже вслух.

~~~

Был прекрасный солнечный день и романтическое настроение. Мы сидели за накрытым столом в саду под большим соломенным зонтом в компании Вона, Тхэ Мина и его девушки Ким. Идея устроить барбекю принадлежала мне, а Чит с удовольствием её поддержал.

В воздухе витал приятный запах дымка, в стороне шипел разогретый гриль. Неторопливые разговоры наполняли душу теплом. Вон и Чит сами жарили мясо, шутили и дурачились. Ким и я сидели на мягких подушках, потягивая martini. Тхэ Мин не отрывал глаз от телефона, но его никто не винил. Я долго наблюдала за ним и за Ким. Они очень разные и как пара совсем не смотрелись. У Ким гордое выражение лица, она напоминала мне женщин, которые любят повелевать сильным полом. Хватило пары слов, чтобы понять: Ким всегда добивается своего.

У Тхэ Мина какое-то женское лицо, мягкие черты, пухлые губы. Если бы он изменил причёску – например, коротко

остриг волосы, то и впечатление бы создалось совершенно другое. А эта взбитая чёлочка с осветлёнными прядями выдавала его мягкотелость. По сути, рядом с Ким он был похож не на ее бойфренда, а на домашнего Померанского шпица.

Всё шло хорошо до тех пор, пока не зашла тема о нашем с Читтапоном знакомстве. Её подняла Ким.

– Хватит мусолить эту тему, – нервно отозвался мой муж. – Как и когда я познакомился со своей женой, никого не касается.

– Но мне же интересно, – промурлыкала Ким.

– Я сказал, что не стану это обсуждать. В чём дело? Неужели трудно принять Элору без всяких историй? – вспыхнул Чит.

Вон присел к грилю. Он не выглядел безразличным, но пытался отстраниться от этой темы. Зато Тхэ Мин отложил телефон и наострил уши, то ли для того, чтобы поддержать свою девушку, то ли для того, чтобы не позволить ей уйти слишком далеко.

– Я всего лишь хочу понять, в какой момент ты влюбился. До гастролей ты был обычным, а после того таинственного исчезновения во Флориде ты вдруг женишься, привозишь новоиспеченную жену сюда...

– К тому же, американку, – добавил Тхэ Мин.

Я громко поставила бокал на стол, напоминая, что сижу здесь и всё прекрасно слышу. Тхэ Мин пронзил меня взглядом, но от своих слов не отказался.

– Что ты имеешь против того, что я американка? Я не с другой планеты, ясно? У меня одна голова и нет хвоста...

– Элора, он совсем не это имел в виду, – мягко сказала Ким, кладя свою прохладную руку мне на колено. – Просто у нас редко женятся на...

– А я женился и точка! – перебил её Читтапон. – А не нравится, ворота открыты. Выход там!

Я посмотрела на выражение лица Ким. Кажется, это был удар ниже пояса, её гордыня задета. Дрожащими пальцами она взяла свой бокал и поднесла к губам. Я бы на её месте встала и ушла, но Ким продолжала сидеть.

Вон выпрямился.

– Может, не будем ссориться?

– У меня нет желания ссориться, – ответил Чит. – Вы – мои друзья. Мне казалось, что именно вы не станете меня упрекать в выборе невесты, – он бросил на меня растерянный взгляд и добавил: – Жены.

– Жены, которая в скором времени пойдёт по рукам, потому что такие женщины не на всю жизнь, – выпалил Тхэ Мин. Я просто уверена, что он сказал это не для того, чтобы оскорбить меня. Он рисовался перед своей девушкой. За что жестоко поплатился.

Всё произошло как в замедленной съёмке. Я смотрела на Тхэ Мина, когда кулак Читтапона врезался в его правильную челюсть. Парень упал со стула. Ким вскрикнула и бросилась к нему. Тхэ Мин визжал как девчонка. В жизни не видела

более нежного мужчины.

Когда мой удивлённый взгляд встретился с глазами мужа, жгучее пламя охватило всё моё тело, я долго не могла перевести дух. Ситуация настолько ужасная, что я совершенно не знала, как реагировать. Самое разумное в данный момент – это устранить причину раздора, а значит, мне стоило уйти. Я быстро поднялась, извинилась и вошла в дом.

Уже из окна спальни я наблюдала, как Тхэ Мин и Ким покидают виллу. Чит и Вон сели за стол. Вот и славно. Пускай побеседуют. Может, Чит осмелится объяснить, что я не выбирала себе мужа. Я не люблю его, так что не за что меня ненавидеть.

~~~

Вон принёс соджу и поставил на стол. Чит не стал отказываться, открутил жёлтую крышечку, налил в стакан и сделал несколько глотков. Водка оставила мягкое, согревающее послевкусие с оттенком сладости. Потом они долго молчали. Вон ждал, пока Чит остынет.

– Я не собираюсь просить у Тхэ Мина прощения, – наконец сказал он.

Вон не оспорил этих слов.

– Ты и не должен. На твоём месте я бы тоже вмазал ему... но...

– Но?

– Ты же прекрасно знаешь, что Тхэ Мин никогда не думает, что говорит. Не советую на него злиться, да и вообще не

бери его слова в голову. Их ошибка состоит в том, что они не пытаются узнать Элору, делают вывод из общих теорий. По мне, так ты себе выбрал хорошую жену. Она не похожа на выскочку или на... – Вон выдержал паузу. Он не хотел вызывать у друга новую вспышку гнева. – В общем, она не легкомысленная. Крепкий орешек. И она ценит тебя.

Читтапон посмотрел на Вона.

– О чём вы с ней разговаривали?

Вон поднял голову совсем не нарочно, когда заметил у окна на втором этаже Элору. Она наблюдала за ними. Беспомощное создание, которое заточили в башню, не позволяя радоваться жизни. Сколько счастья он видел в её глазах, когда она крутила рулевое колесо его машины. «*Уж лучше ты отвёз бы меня на трассу и предложил погонять*», – эти слова вызывали у Вона внутреннюю улыбку. Почему Чит не понимает, в чём заключается её счастье?

Он отвернулся в сторону, увидел бассейн, в котором они плавали, и вдруг показалось, что он на полном ходу врезался в твёрдую стену. Она замужем.

– Особо ни о чём не говорили, – ответил Вон. – Она рассказывала о своём хобби. Ну, ты знаешь ведь...

Чит не знал, отчего стало стыдно.

– Хобби?

– Только не говори, что она тебе не рассказывала! – усмехнулся Вон. – А она, кстати, пожаловалась, что ты не выпускаешь её из дома. Чёрт, дружище, она ведь не в тюрьме! Купи

девчонке машину, сделай её счастливой! Не стоит бояться, что в нашем городе она заплутает. А журналисты... Откуда им знать, кто она для тебя.

Чит не ответил, и слова Вона растаяли в воздухе, как будто он их не произносил. Через некоторое время Вон снова заговорил, каждое слово прерывалось на глоток соджу.

– Скажи честно, почему ты не хочешь дать ей свободу действий? Почему держишь в этом доме, когда в центре города есть отличная квартира?

Читтапон встал.

– Всё это тебя не касается.

– Конечно, Чит! – Вон тоже поднялся. И выглядел он уже не столь дружелюбным. – Давай, врежь и мне в челюсть. Но я всё равно скажу. Ты обращаешься с Элорой как с непослушной дочкой. Ты ограничил её общением исключительно с тобой. И, да простит меня Элора, создаётся ощущение, что ты принудил её к этому браку.

Читтапон резко метнул взгляд в сторону друга.

– С чего ты это взял?

– Для этого много слов не нужно, Чит. Достаточно посмотреть на неё.

Дальше не имело смысла продолжать разговор. Вон взял свои вещи и направился к машине, напоследок бросив взгляд на окно спальни, где совсем недавно стояла Элора. Её там не было, отчего Вон почувствовал разочарование.

А Читу оставалось только выругаться, стиснуть зубы и

войти в дом. Барбекю закончилось, так и не начавшись.

~~~

Продвигаясь вперёд, инстинктивно выставила руку. На моем лице сияла улыбка, ведь я знала, что раз Читтапон завязал мне глаза и куда-то ведёт, значит, меня ждёт необычный сюрприз. В предвкушении чего-то приятного моё сердце сильно билось в груди.

– Долго ещё? – не терпелось мне.

– Потерпи, чаги. Осторожно! Ступенька.

Открылась дверь, в лицо ударил тёплый ветер. Мы вышли на улицу. Я перебирала в голове все возможные варианты того, что меня ждёт. Мы куда-то едем? Он накрыл столик в саду и нас ждёт романтический вечер? О, а может, там знакомый мне человек? Мама? Папа? Корбин?

Под ногами зашуршали камушки. Мы остановились.

– Готова? – спросил Читтапон.

Довольная улыбка намертво приклеилась к моему лицу. Сердце ускорило ритм.

– Конечно! Умираю от любопытства!

Читтапон аккуратно развязал шарф, стараясь длинными пальцами не зацепить волосы. Он не спешил убирать шарфик с моих глаз, дразнил меня, подшучивал, а когда наконец убрал, я открыла рот. Седан бизнес класса бронзового цвета. Я уже поняла, что она для меня, но даже когда Чит протянул мне ключи, не могла поверить в это.

– Ты даришь мне машину?

– Да. Я специально звонил твоему брату и спрашивал, какие ты любишь.

– Правда? Но... почему? – Я всё ещё была растеряна.

Читтапон сделал шаг ко мне и приобнял за талию.

– Не хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь, как в плену.

Я люблю тебя и готов принести мир к твоим ногам.

– Ты становишься слишком хорошим, Чит, – поддразнила его, – а это недобрый знак.

– Боишься влюбиться в меня?

– Любовь? Кто бы мне объяснил, что такое любовь. Я не умею любить мужчин, никогда не думала об этом чувстве. Нет, я люблю папу, брата, но... мужа... – Я смотрела ему в глаза, синие как ночное небо, и чувствовала себя бессильной. – Не знаю, как это. Научи меня, Чит. Расскажи.

Он аккуратно облизал губы.

– Что ж. Наверно, объяснить это будет просто. Любовь – это когда все твои мысли заняты только одним человеком. Ты думаешь о нём, ждёшь, когда он далеко, и не обязательно в другом городе. Даже разные комнаты иногда кажутся огромным расстоянием, разделяющим два любящих сердца. Ты уже скучаешь по нему, хотя не прошло и минуты, как за ним закрылась дверь. Ты гордишься им в присутствии друзей или незнакомых людей. Всем видом ты заявляешь, что вот он – мой, а не ваш. Если ты любишь человека, то всегда тянешься к нему. Боишься... потерять.

У меня дыхание перехватило. Неужели он описал свои

чувства ко мне? Из всего, что он сейчас перечислил, я испытываю непреодолимое желание держать его рядом, но я списывала этот факт на свой страх одиночества. Как же это можно назвать любовью? Меня угнетали предательские вопросы, они назревали с каждой минутой, не позволяя отдаться самому простому чувству. Я искала противоречия. Искала шанс вырваться из оков Читтапона Ли. А на днях я неожиданно спросила своё отражение в зеркале: а хочешь ли ты, Элора, жить без него? Станет ли мне легче, если он больше не появится? Ответ меня пугал.

– Прости, что пришлось таким нечестным способом заставить тебя выйти замуж за меня, – вдруг сказал Чит. – Просто, я сразу понял, что ты та самая девушка, которая должна быть рядом со мной.

– Как ты мог быть уверен, если не знал меня?

– Оглянись назад, чаги, и пойми одну простую вещь – если бы я ошибся и понял, что ты совсем мне не подходишь, давно бы отпустил. Я не хочу отказываться от тебя. И я не сдамся. Даже если на это уйдут годы, однажды я услышу от тебя эти слова.

Тряхнув волосами, смущённо потупила взгляд, чтобы только не смотреть на него.

– Не уверена.

– Я знаю это.

Желая немного отвлечься от этого разговора, я замолчала. С минуту постояла, коснулась пуговиц его рубашки и вдруг

порывисто обняла его и поцеловала в губы так нежно, как только могла. Чит прижал меня к себе и ответил на мой поцелуй. Голова кружилась от мысли, что я впервые сама полезла к нему целоваться. Может быть, это маленький шаг к долгой и крепкой любви?

~~~

– Хоть раз мог бы взять меня с собой.

– Ты знаешь, что по контракту я не женат и не могу показать тебя людям.

– А кто просит показывать? – возмутилась я. Чит прошёл мимо, я проследила за ним взглядом. – Я согласна поработать какой-нибудь ассистенткой. Да я даже согласна на то, чтобы нас разместили в разных номерах, а потом перелезть к тебе через балкон.

Читтапон усмехнулся. Достал ещё несколько футболок и забросил их в чемодан.

– Чаги, я буду работать день и ночь. Ты заскучаешь. – Он подошёл и аккуратно убрал мои волосы за спину. – И мне будет спокойнее, если ты останешься дома. Всего два дня, и я вернусь.

Вот вроде он говорил мягко, глядел с нежностью и заботой, однако я всё больше заводилась, не желая примириться с мыслью о том, что снова останусь одна в этом огромном доме.

– Тебе легко говорить. Относишься ко мне, как к птице в клетке. Казалось бы, у меня есть всё, но, чёрт возьми, я

одинок! У меня нет здесь друзей, нет...

– Я купил тебе машину, – напомнил он серьёзно. Потом закрыл чемодан, сдул челку со лба и пристально посмотрел на меня. – Ты можешь кататься по городу. Я не отбираю у тебя свободу. Прошу лишь: будь осторожна.

Я злилась и всем своим нутром ненавидела Читтапона, его дом и Корею целиком. Такой он весь нежный, ласковый и любящий. Старается мне угодить. Но моё сердце не так-то просто смягчить. Я хлопнула дверью и не вышла, когда он уезжал. Не попрощалась с ним, и спустя час уже жалела об этом.

Читтапон уехал утром. Весь день я промаялась без дела. На звонки родных не желала отвечать. Проверила почту и увидела, что Фаррен снова пыталась связаться со мной. Я не стала открывать письмо, потому что явно рисковала добить своё настроение.

Целый час бродила по саду. Сто тысяч раз прошлась мимо гаража, но так и не решилась сесть в машину и укатить к чёрту на кулички. Хотя желание было огромное. За несколько дней мы с Читтапоном объездили все близлежащие дороги, я изучила местность рядом с виллой. Я точно знала путь в город. Свободно ориентировалась на главных улицах. Но всё равно боялась высунуться.

К ужину я распорядилась накрыть стол в саду. Чиа незамедлительно выполнила моё пожелание. Я ела без особого аппетита, еда казалась безвкусной. Ковыряла вилкой по фар-

форовой тарелке и размышляла о том, что бы я делала, не случись этой встречи с Читтапоном Ли. Смогла бы я построить отношения с Забдиелем? Нет. Я бы не встретила его так же, как и Чита. Судьба странная штука. Мы вроде ругаем её, но если призадуматься, то в большинстве случаев всё происходит не только по её задумке, но и по нашему желанию. Что мешало мне отказать Фаррен? Что мешало рискнуть репутацией отца? И в конце концов, что мешало уехать с Корбином домой? Я глубоко вздохнула.

Послышался шум мотора. Я подняла голову и увидела, как по подъездной дороге катится знакомый автомобиль. У Вона было разрешение въезжать на территорию виллы без особого предупреждения. Вот, кого мне и не хватало для полного счастья. Я даже не заметила, как мой рот без всякого контроля растянулся в улыбке. Интересно, что он здесь делает. Или это Чит попросил его развлечь меня? Однажды такое уже было.

– Привет! – радостно поприветствовал меня Вон, одарив широкой улыбкой. Сегодня он был весь в белом, если не считать тёмный жилет.

– Составишь компанию? – пригласила его к столу.

– Я ужасно голоден.

Чиа принесла ещё прибор. Мы поужинали вместе, я распробовала еду и повеселела. Кажется, даже щёки запылали.

– Скажи честно, – начала я, когда нам принесли десерт, – тебя Чит попросил приехать?

– Нет. Но я приехал не просто так.

– Да ну?

– Признаться, я ждал дня, когда Чит смоеется на выступление в Китай.

Мои брови взлетели вверх от удивления.

– Помнишь, я обещал поставить галочку? – Вон подождал, пока я вспомню, но я не помнила. – Забыла, что сказала мне в боулинге? Теперь у тебя есть машина. А я нашёл отличное местечко, где мы можем погонять с тобой.

– Правда? – обрадовалась я, запрыгала на месте. Улыбка стала шире. – Ты не шутишь?

– Не шучу. Можем отправиться прямо сейчас. Пока не стемнело.

Это было лучшее предложение за последнее время. Мы расселись по своим машинам. Вон шёл впереди и показывал дорогу. Я ехала следом, предвкушая веселье.

13.

Увидев гоночную трассу, я раскрыла рот. Вон арендовал асфальтовую площадку, конусами и картинговыми покрышками выложил трассу, и поле боя было готово.

– Хочешь устроить настоящие гонки? – спросил он, присаживаясь рядом со мной на капот.

– Я тебя обгоню, – уверенно заявила я, криво ухмыляясь.

– Не стоит недооценивать мои умения. Я тоже неплохо вожу машину.

– В городе? Может быть.

– Вместо того, чтобы спорить, можно проверить. – Он подмигнул мне и показал ряд ровных белых зубов. Всё-таки он обаяшка. – Предлагаю гонки на желание.

– Это как?

– Если выиграешь ты, то я выполню любое твоё пожелание.

– То есть, если я попрошу пробежаться гольшом по всей трассе, ты это сделаешь?

Вон окаменел на секунду. Видимо, я перегнула палку. А потом поняла, почему он так смотрит. Не удивленно, а лукаво.

– Хм. А если выиграю я, – медленно произнёс он, – то *ты* выполняешь любое моё желание.

И тут я представила себя голой на дороге.

– Только давай желания будут приличные.

Вон засмеялся.

– Судя по твоему первому желанию, размер приличия у тебя очень многогранен.

– Я пошутила!

– Ладно. Желание озвучиваем у финальной черты. По рукам?

Он протянул мне руку ладонью вверх, и я, не задумываясь, хлопнула по ней.

– Трасса круговая?

– Нет. Вернее, она круговая, но дорога очень сильно петляет.

– Угу. – Я взялась за подбородок, прикидывая в уме, как лучше сделать. – Сколько кругов будет до финала?

– Даю тебе право устанавливать правила.

– Хорошо. Двенадцать кругов устраивает?

– Вполне.

Мы разбрелись по машинам. Несколько минут ушло на подготовку. Затем я завела мотор и высунула руку, сжав её в кулак. Мы договорились, что я сосчитаю до пяти, после чего мы стартуем. Немного нестандартно. Но кроме нас на площадке никого не было, приходилось импровизировать.

Раз, два... пять!

Мы стартанули. Автомобиль Вона ушёл вперёд, но такая была моя задумка. Я знала, что постепенно набирая скорость, смогу не только нагнать, но и перегнать его.

Это случилось на третьем круге. Я пронеслась мимо и уже чувствовала вкус победы. Всё шло хорошо до одиннадцатого круга. Я уже знала дорогу, предугадывала, на каком повороте лучше сбросить газ, а на каком могу вписаться, не сбив конусы. Вон шёл почти впритык, и это напрягало. Я стала отвлекаться, когда он подпер меня сзади.

«Что он делает?»

Он задел задний бампер моей машины. Вцепившись в руль мертвой хваткой, пыталась сохранять спокойствие, а заодно равновесие машины. Перед глазами резко возникает поворот, а я не могу притормозить, ведь Вон совсем близко. Тогда решаюсь повернуть на той скорости, на которой иду. Как и следовало ожидать, машину унесло, закрутило и отбросило в сторону. Ловко справившись с управлением, я остановила автомобиль, разнеся клубы пыли по округе.

– Вот же мошенник! – с негодованием бросила я, вырубивая на дороге.

Когда я подъехала к финишной прямой, Вон сидел на капоте, гордо сложив руки на груди и широко мне улыбаясь.

– Это нечестно! – крикнула я. Хлопнула дверцей, пнула крышку.

– Я дал тебе право устанавливать правила, – просто сказал он. – Никаких ограничений не было, так ведь? Я победил честно.

Я обреченно выдохнула.

– Ладно. Сама виновата. В следующий раз я тебе это с рук

не спущу.

– Это будет в следующий раз. А сейчас...

Я закрыла лицо ладонками. Какое же он придумает желание?

~~~

Спустя час у меня всё кружилось перед глазами, будто меня посадили на быструю карусель. На самом деле, Вон был снисходителен (не то, что на трассе). Он пожелал выпить шампанское. Мы сидели на заднем сиденье его машины, пили, слушали негромкую музыку и болтали. Язык у меня развязался больше, чем нужно и там, где не надо.

– Признайся честно, Элора, у вас с Читом не всё хорошо, да?

Он подлил в мой пластиковый стакан ещё шампанского. Мне казалось, что рука оказалась в невесомости, поднесла ко рту и часть напитка выплеснулась на кофту.

– Кажется, я опьянела.

– А по-моему, ты вполне ещё трезвая.

– Да? Ты просто хочешь меня споить, я знаю.

– Хочу, – признался Вон.

Я спрятала улыбку, потрянула волосами и посмотрела на него.

– Как насчёт ответа на мой вопрос? – Вон тоже больше не улыбался.

– У нас... всё хорошо.

– По тебе не видно. Не пойми меня неправильно, но с пер-

вых дней, как я увидел тебя, почувствовал твоё внутреннее сопротивление. Чит ведёт себя как любящий муж, но ты... как будто сторонишься его. Ты чувствуешь себя одинокой, раскрываешься в моей компании. – Вон придвинулся ко мне ближе. Я же не сдвинулась с места. Не знаю, где был мой мозг, но я позволила ему положить ладонь себе на бедро. Через плотную ткань джинсов я чувствовала жар. Он смотрел на меня пристально, не давая мне шанса сосредоточиться на движениях его руки. Вон говорил, и голос его возбуждал. – Шампанское всего лишь должно помочь тебе расслабиться, но не забыться. Элора, я просто хочу помочь тебе избавиться от чувства одиночества. Я рядом. Понимаешь?

Сглотнув, я кивнула.

Всего секунду он помедлил, потом наклонился и поцеловал. Мне казалось, что внутри что-то взорвалось и веселыми пузырьками защекотало живот. Сознание отключилось, я закрыла глаза. Вон забрал стакан из руки, который я чисто машинально держала навесу. Куда он его дел, я не знаю. Чувствовала нежное поглаживание по бедру, затем его ладонь легла на талию.

Меня словно парализовало. Я всё ещё не понимала, почему не оттолкнула его. Ведь это другой мужчина. Не Чит. Не муж. Его друг. Зачем он целует меня? Это же неправильно. Но поцелуй продолжался. Я осторожно двигала губами, подстраиваясь под танец его языка.

«Оттолкни его, дуручка!» – приказывала себе, но тело не

слушалось.

Мозг включился, когда его рука скользнула под кофточку.

– Нет!

Я вышла из машины и, тяжело дыша, постаралась осмыслить то, что сейчас произошло.

– Не жалея, Элора.

Обернувшись, я увидела его совсем рядом.

– Больше этого не делай.

Вон сделал шаг ко мне. Я должна была отступить, но не сдвинулась с места. Он убрал за ухо прядь моих волос. В его карих глазах горел какой-то особый свет. Я неосознанно утопала в них.

– Это будет наш маленький секрет, – прошептал он почти мне в губы.

Мы снова поцеловались.

~~~

Ради удовольствия послушать новости Вона Ким отказалась от съёмки в рекламе, отменила все запланированные мероприятия и примчалась в ресторан, как только получила заветное сообщение.

Вон ожидал её расспросов, поэтому не стал тянуть резину и рассказал всё о гонках на желание и её последствиях.

– Неужели ты так легко смог затащить эту девчонку в постель? – обрадовалась Ким. Красные губы растянулись, обнажив идеально ровные и белые зубы.

– Не спеши так радоваться, – сказал Вон, спустив подругу

на землю. – До секса не дошло. Ей стало плохо. Потом она уснула у меня в машине.

– И всё?!

– Тебе мало поцелуев?

– Мне нужна реальная измена! Точно знаю, что Чит её не простит.

– И меня тоже.

– Что?

– Чит и меня не простит, Ким. Может, поищем ещё какой-нибудь способ?

Ким усмехнулась, затем достала тонкую сигарету и закурила.

– Ты струсил? Не забывай, что твой приз – Элора. А Чит-тапон со временем свыкнется с мыслью, что она предпочла тебя... Да и потом, – она склонилась ближе к столу и выпустила сигаретный дым прямо в лицо Вону, – с ним рядом буду я. А это значит, что я постараюсь сделать всё, чтобы он тебя простил. В конце концов, люди не виноваты в том, что влюбляются не в тех.

Вон помахал рукой, разгоняя противный шоколадный дым.

– Что же будет с Тхэ Мином?

– О! Нашёл, о ком думать! Разыграю ссору и покончу с отношениями.

Вон не стал комментировать это. Просто не видел смысла. Ким слишком уверена в себе. Он решил поговорить с Тхэ

Мином. Друга надо спасти от неё раньше, чем случится катастрофа.

В машине он ещё раз обдумал свой поступок. В салоне до сих пор чувствовался запах духов Элоры – нежный цветочный аромат. Он вспомнил её мягкие губы и то, с каким трепетом она отвечала на его поцелуй. Читтапону очень повезло с такой девушкой, думал он, ведь обладать телом этого хрупкого создания – дар всевышнего, не иначе. Если бы Чит не был бы его близким другом, то он не стал бы прислушиваться к собственной совести. Сейчас он чувствовал себя предателем. Да, он жалел. Но и Ким подводить не хотел.

Тхэ Мина он нашёл одного в студии. Вон не стал интересоваться, чем тот занимается, а сразу перешёл к важной части задуманного разговора.

– Ответь мне честно, ты собираешься жениться на Ким?

Тхэ Мин оторвался от тетрадки, в которую всё это время непрерывно смотрел, и вперил взгляд в друга.

– Почему спрашиваешь?

– Просто вдруг подумалось. Вы давно вместе, но я ни разу не слышал о том, чтобы вы хотели сойтись.

Тхэ Мин вздохнул.

– Я-то, может, и хочу. Но вот Ким не торопится замуж. У неё планы запредельного масштаба. Ты ведь знаешь её!

– А ты никогда не задумывался о её чувствах к тебе? Искренне ли она тебя... э-э-э... любит?

Тхэ Мин встал. Видно было, как он занервничал.

– Неужели и ты считаешь, что она меня не любит?

– Вы – звёздная пара. Возможно, ей просто удобно появляться с тобой на публике. – Вон сделал паузу. – Я нисколько не хочу, чтобы вы расходились. И ты, и она – мои друзья. Но мне кажется, что у ваших отношений нет будущего.

– Недавно Чит говорил мне то же самое. Да что с вами? – нервничал Тхэ Мин. Он то и дело отбрасывал со лба свою длинную светлую челку, руки его дрожали. Вону показалось, что губы у парня тоже дрожат.

– Видимо, пора тебе перейти на новый уровень, раз все друзья видят прореху в ваших с Ким отношениях. – Вон встал и похлопал Тхэ Мина по плечу. – Мы ведь о тебе думаем.

– Вон, что случилось? Ты говорил с Ким? Она что-то тебе сказала?

– Нет! Я вообще её не видел. Это всего лишь мои собственные наблюдения, не бери в голову, – поспешил оправдаться тот. Ещё не хватало, чтобы Ким прознала о его намерениях. Безусловно их план сработает. Если Элора привяжется к нему, Вону, то Ким будет рядом с Читом, чтобы утешить. Тхэ Мин тоже пострадает, а Вон этого не хотел.

Он дал Тхэ Мину почву для размышлений.

Времени совсем мало. Тхэ Мин должен прийти к правильному решению. Расставшись с Ким до того, как она сама его бросит, он избежит сильной боли.

~~~

Открываю глаза и вижу привычную картину: зеркальный потолок из полистирольных плит и моё отражение в нём. Раскинула руки в стороны и снова закрыла глаза. Голова закружилась, напоминая о вчерашнем вечере. Потолок исчез, ничего не было из того, что находилось в тихой спальне. Я вернулась мысленно в машину Вона. Опять началось... Это странное чувство вины.

В моей жизни всегда всё было странно. Одно то, что я родилась в семье продюсера и известной певицы, не было нормальным. В школе учителя и одноклассники одаривали меня особым вниманием. Иногда меня это злило. А когда я творила какие-нибудь глупости или шалости и меня не наказывали, тогда радовалась. Мальчики приглашали на свидание, но я всегда отказывала. Водилась только с теми мальчишками, которые не видели во мне девчонку. Может быть, если бы я хоть раз сходила на свидание в кино и поцеловалась с мальчиком где-нибудь на задних рядах, то не чувствовала бы сейчас себя так, как будто совершила тяжкий грех, от которого хотелось отмыться.

Мой первый в жизни поцелуй состоялся с Читтапоном в машине, когда мы ехали знакомиться с моими родителями. Сколько раз Зак пытался лезть ко мне с этим намерением? Я могла бы сосчитать. И каждый раз он встречал мою ладонь. Но я позволила это Читу – абсолютно незнакомому мне парню. Корейцу! Певцу! А теперь я позволила поцеловать себя Вону. Другу моего мужа. И тоже корейцу! Да что со мной?

Прав был Корбин, когда говорил, что я спятила. Он назвал два моих бзика – не связываться с мужчинами, вращающимися в шоу-бизнесе, и не влюбляться в корейцев, потому что они не в моём вкусе. Но Чит и Вон – знаменитости. И чёрт, корейцы в моём вкусе!

У Вона потрясающая улыбка. Он обаятельный, высокий и... обходительный. Я не достаточно узнала его, но ощущаю тягу к этому человеку. Если бы я не хотела, чтобы он меня поцеловал, то не позволила бы... даже в пьяном состоянии.

А Чит... в его глазах я готова утонуть. Лукавый огонёк в его взгляде возбуждает, заставляет подчиняться. Muskusный запах его кожи будоражит чувства и всегда действует на меня как афродизиак.

Думая о своём муже в данную минуту, я осознала, как сильно скучаю. И как сильно я виновата перед ним.

Весь день я проходила в шёлковой пижамке, поверх которой был небрежно накинут однотонный халатик. Воспоминания не отпускали. Стоило выйти в сад, например, и вновь видела подъезжающую машину Вона, слышала его голос, видела весёлую и непринуждённую улыбку. Каждое видение вызывало неприятные эмоции, и меня снова начинала мучить совесть, одолевали сомнения...

Как Читу в глаза смотреть?

Забравшись на любимую террасу, я наконец взяла в руки телефон. От Вона звонков не было. Зато Чит звонил шесть раз. Я не перезвонила. Полезла в интернет. От Корбина при-

шло два сообщения, от мамы – четыре. Оба спрашивали, как идут мои дела; ни о чем существенном не писали. Ответив им, я открыла почту и уставилась на неп прочитанное письмо Фаррен. Почему я её избегаю, если она была моей лучшей подругой? Я здесь из-за неё и ради неё. Или ради отца? Мотнула головой. Кажется, я совсем запуталась в событиях.

Когда я пришла к выводу, что нет смысла избегать Фаррен, открыла письмо и прочитала один единственный вопрос: *«Это правда, что ты вышла замуж за Читтапона Ли, чтобы я не села в тюрьму?»*

Я хмыкнула. Корбин у неё всё-таки побывал. Злиться на него за это я не могла. В момент его визита сюда, когда я рассказала правду, трудно было не заметить, как он сдерживает себя. Поступок Фаррен сам по себе ужасен, так она и меня втравила, не позаботившись спросить. Его гнев, если он был, можно оправдать, ведь он мой брат.

Я провисела над этим письмом добрых десять минут, мучая свой мозг размышлениями. Потом просто отправила ответ «Да», после чего отбросила телефон, не желая больше ничего знать.

Часам к десяти снова позвонил Читтапон.

– Алло? – ответила я, стараясь держать голос ровно.

– Я звонил тебе несколько раз, Элора. Почему ты не брала трубку? Почему заставила меня беспокоиться и звонить прислуге, чтобы та сообщила, где ты и чем занимаешься?

– Я...

– Ты прекрасно знаешь, как я занят, – кричал он в трубку. – Я безумно скучаю, хочу услышать твой голос, выкраиваю момент, но...

Он был так раздосадован, что я стала чувствовать себя ещё хуже.

– Послушай, прости меня, – произнесла я, и голос дрогнул. – Мне нездоровится. Я... Чит, я скучаю. Мне эти разговоры по телефону ничего не дадут. Просто приезжай.

Молчание длилось несколько секунд. Кажется, Читтапон не ожидал услышать от меня эти слова.

– Я уже в аэропорту, чаги, – негромко произнёс он. – Скоро я буду держать тебя в своих объятиях, милая. Потерпи.

После этих слов я уже не в силах была себя сдерживать. Слезы хлынули из глаз. Промычав что-то вроде «Я жду», отключила звонок и бросилась на кровать. Я плакала так громко, как никогда в своей жизни. Может быть, стоило Вону ворваться в наши отношения, чтобы я поняла очень важную вещь. Я поверить не могла, что это случилось со мной. Но Чит значил для меня куда больше, чем я представляла.

~~~

В полутемной комнате на белых простынях сплелись воедино два обнаженных тела. Удары сердца в унисон, неразборчивый шёпот, учащенное дыхание и громкие поцелуи.

Мы не просто лежали, а двигались, соприкасались, сплетались, будто исполняли какой-то замысловатый и чётко отточенный танец. По спине Читтапона стекал пот, я с бла-

женным выражением на лице тихо стонала. Мои глаза были закрыты, а светлые пряди длинных волос змеями расползлись по подушке. Прохладный шёлк поглаживал мою нежную спину, а придавившая сверху приятная тяжесть не давала дышать...

На мгновение я замерла, а через секунду тонкие пальцы нырнули в густую копну тёмных волос. Я потянулась к его губам за поцелуем.

– Чаги, – прошептал он, – ты сегодня великолепна!

– Я всегда хочу быть такой, – неосознанно ответила я, продолжая целовать его гладко выбритое лицо. Мне вдруг захотелось полежать с ним в обнимку, поэтому не выпускала его из кольца своих рук. – Твои отъезды действуют на меня как-то странно.

– В хорошем смысле? – чуть хрипло спросил он.

Я расплылась в улыбке.

– Пока тебя нет, я злюсь. Мне постоянно хочется твоего присутствия. Хотя бы знать, что ты занимаешься хореографией в танцевальной комнате. Меня угнетают мысли о том, что ты где-то там, за чертой города, и нет ни единого шанса к тебе подойти. Я не хочу больше засыпать одна.

Читтапон растянулся на простынях и закрыл глаза, наслаждаясь моим рассказом.

– Говори дальше.

– Чит?

– Да, чаги.

– Есть возможность забыть историю похищения?

Он поднял голову и озадаченно взглянул на меня. Над кроватью горели ночники, поэтому я смогла разглядеть удивление на его лице.

– Но я и так не думаю об этой истории, – сказал он.

– Ты не понял. – Я села и потянула на себя тонкое одеяло. – Если между нами что-то изменится, я бы не хотела, чтобы кто-то узнал, почему я вышла за тебя замуж.

– Для чего ты завела этот разговор сейчас? Какой в нём смысл, если ты со мной?

– Чит, ты хоть что-нибудь заметил? В моём поведении? То есть, – я дико разволновалась, поэтому начала запинаться, – по отношению к тебе. Изменилась ли я к тебе за это время?

Он смотрел на меня как-то странно.

– Заметил ли ты у меня какие-то изменения по отношению к себе? – чётче сформулировала вопрос и замерла в ожидании.

– Нет.

Вначале мне показалось, что я ослышалась. Он сказал «нет»? Что он имеет этим в виду? Что я по-прежнему холодна к нему? Я наморщила лоб и покачала головой. Надеюсь, что он заметил мою растерянность. Читтапон молчал, серьёзно глядя на меня.

Почувствовав негодование, я встала с постели, обернулась простыней и скрылась в душе.

Всё напрасно. Зря я мучаюсь из-за того, что целовалась

с Воном.

Два дня я проторчала в гараже, возилась с машиной. Утром уезжала в магазин автозапчастей и покупала аксессуары. До самого вечера ввинчивала, вкручивала, крепила... Когда домой приезжал Читтапон, я выдумывала причины, чтобы не ужинать с ним за одним столом. Ночью пила снотворное, чтобы он не лез со своими желаниями. Теперь уж точно заметил изменения по отношению к нему. Если бы он дал в тот вечер другой ответ, то узнал бы, насколько нежной может стать Элора.

В пятницу на ужин приехал Ду Хён, которого я по-свойски решила звать Марком. Юн-Суа приготовила очень острую еду, поэтому я мусолила салат в тарелке, пока они обсуждали дела. И только я начала расслабляться, как вдруг Марк сообщает, что в эти выходные Читтапон поедет в Пусан на фестиваль. Это стало последней каплей моего терпения. Нет, я понимала, что вышла замуж за «звезду», но я не по своему желанию нырнула в эту непроглядную бездну. Ещё одни выходные в одиночестве? А не легче сдохнуть, как рыбка в аквариуме?

Я сдержанно пожелала им «приятного аппетита» и демонстративно покинула столовую.

Тем же вечером Читтапон попытался помириться.

– Может, ты не будешь дуться на меня хотя бы сегодня? – Он потянул меня за руку и посадил рядом. – У меня такая работа. Но ты сама виновата. До сегодняшнего дня мы могли

бы отлично провести время.

– Нет уж! Виноват ты.

– Почему? Потому что сказал совсем не то, что ты хотела услышать?

– Ты женился на мне с помощью шантажа! – закричала я. – Это ведь тоже преступление. Я могу подать встречный иск, между прочим.

У Читтапона был спокойный вид. Он удобнее сел и следил за мной взглядом, пока я нервно расхаживала туда-сюда.

– Я ведь правда стараюсь. Никто из твоих друзей не верит в нашу любовь.

– Кто тебе такое сказал? Вон?

– Вон. Ким... Какая разница!

– Если Ким, то она просто ревнует.

Я остановилась, поражённая услышанным.

– Что ты сказал?

Как бы я ни старалась добиться объяснений, Чит избегал моей атаки. Каждый мой вопрос сопровождался нелепым ответом. Во мне проснулось новое чувство и это... Нет, не злость. Мне не нравилось то, о чем я подумала. Дико было представить, что Ким и Чит связаны чем-то большим, чем просто дружба. Хотя... если перемотать плёнку...

– Сколько в доме спален? Восемь? Я потеряюсь в одной из них, – твёрдо заявила я, взяла свои вещи для сна, и направилась к двери. У порога я остановилась. – Спокойной ночи, Читтапон Ли.

~~~

В субботу я распустила прислугу по домам. Для этого я попросила своего преподавателя по корейскому языку перевести конкретные фразы. Я собрала всех слуг на кухне и читала с листочка распоряжения.

– Чибе касипсио! Нэиль осипсио! (Корейский: «Идите домой. Приходите завтра»)

Юн-Суа хихикнула. Чиа и остальные обменялись вопросительными взглядами. Тогда я повторила фразы и добавила:

– Вы меня поняли?

С горем пополам они меня поняли. К обеду в доме осталась только я. После ухода слуг я некоторое время ждала звонка от Читтапона. Они, в конце концов, должны были пожаловаться ему. Но ничего не произошло. Чит не позвонил.

Ужин я приготовила сама. Руки у меня из нужного места росли. Да, за сложное блюдо я не возьмусь, но могу приготовить что-нибудь лёгкое и вкусное.

Вон подъехал, как я и просила, к семи часам. К этому времени всё было готово. Я накрыла в столовой, достала вино. Напиваться я не собиралась, но без вина моя рыба смотрелась бы на столе блекло.

– Тебе повезло, что я тоже не отправился на фестиваль, – сказал Вон, целуя меня в щёку. – Меня тоже приглашали, но, к сожалению для них и к счастью для нас, я занят в Сеуле.

– Вот и замечательно! Поужинаем? Я тут постаралась...

– Сама готовила? – удивился Вон.

– Хотела произвести впечатление, – без скромности ответила.

Моя рыбка Вону понравилась. Или он просто не хотел обидеть, поэтому нахваливал еду. Мы говорили с ним на разные темы, но я искала подходящий момент, чтобы задать свой коронный вопрос, ради которого и позвала его сегодня. Из-за этого я немного нервничала. Теревила пряди волос, разглаживала синюю юбку платья, кусала губы и даже грызла ногти.

После ужина я пригласила его посидеть у бара в гостиной. Там было прохладно и тихо.

– Может, соджу? Или чхонджу? – предложил Вон, показывая бутылки.

– Нет, Вон. С меня вина хватило. Сегодня я не стану напиваться.

– Тогда не возражаешь, если я выпью бутылочку соджу?

– Нет, пей.

Он начал рассказывать про свою работу. Как только он вскользь упомянул Ким, я зацепилась за этот шанс.

– Скажи мне честно, у Ким с Читтапоном что-то есть? Было?

Вон поперхнулся напитком, я подошла и постучала по спине.

– Ты в порядке?

– Да, спасибо. Почему ты спросила? Ты подозреваешь...

– Вон, давай будем откровенны. Я позвала тебя сюда, по-

тому что доверяю. Мне нужна правда, и я хочу её услышать. Читтапон что-то такое ляпнул, но так и не объяснил сути. Я хочу лишь удостовериться в том, что ошибаюсь.

Мы смотрели друг на друга. Наши взгляды словно зацепились друг за друга и не могли разъединиться: Вон был не в силах отвести глаз, а я ждала ответа. О чём он так задумался?

Прошла целая вечность, прежде чем Вон заговорил:

– Насчёт Читтапона я не знаю, не стану за него говорить.

А Ким... она всегда испытывала к нему симпатию.

Он пересел на другой стул, поближе ко мне. Наши колени соприкоснулись. Я почувствовала, что по какой-то непонятной причине мои щёки краснеют. Близость с ним меня пугала, пусть такая незначительная.

– Значит, мне стоит её опасаться? Она встречается с Тхэ Мином, но тайно мечтает о моём муже. Я правильно поняла? – Я гнула своё, игнорируя движения Вона. Он перекладывал пряди моих волос мне за спину. Но вдруг погладил мой подбородок. – Что ты делаешь?

– Я скажу одну очень умную вещь, Элора. Главное не то, как относится к Читту Ким. Главное, как *он* относится к ней.

Я спрыгнула со стула и обошла бар. Вон последовал за мной.

– Мне кажется, нам стоит закрыть тему Чита и Ким, – сказал он, подходя ко мне. – После того вечера мы не поговорили, а я... скучал.

Теперь он стоял ко мне почти вплотную, а мне некуда бы-

ло отступить, за спиной была стойка. Вон взял мой подбородок в руки и поднял голову. Он был таким высоким, что я смотрела ему в шею.

– Вон, пожалуйста...

– Скучал по твоим губам, – произнёс он, дыша спиртным мне в лицо. – Я понимаю Чита. В тебя невозможно не влюбиться... чаги.

От слова «чаги» меня бросило в жар. Вон наклонился и поцеловал меня. Я почувствовала во рту его язык, голова закружилась. Тёплые ладони лежали на моей талии, большими пальцами он поглаживал мой живот. Мне казалось, что я попала в плен его мужского обаяния и не могла больше трезво мыслить. Ещё немного и я, правда, сойду с ума!

Всего на мгновение я поддалась ложным чувствам. Обвила его шею руками и ответила на поцелуй. Он с лёгкостью посадил меня на столешницу за барной стойкой и пристроился между ног. И когда я почувствовала его плотное желание под джинсами, то не на шутку испугалась.

– Перестань, Вон! – взвизгнула так громко, что сама не ожидала.

Парень растерянно отпрянул. Я спрыгнула со стола, оправив платье.

– Тебе лучше уйти.

– Но, Элора...

– Послушай, это всё большая ошибка. Между нами ничего быть не может. Я... чувствую себя одинокой без Читтапо-

на, поэтому поддалась соблазну. Это не влечение, Вон. Я не хочу, чтобы ты на что-то рассчитывал. Я... – отдышавшись, я всё-таки произнесла это вслух: – Я люблю Чита. Больше всего на свете я люблю его, ясно? А теперь уходи.

Вон постоял немного, потом ушёл.

Я взяла со стола открытое соджу и залпом выпила всё, что осталось в бутылке.

«Я люблю Чита».

Мне нравились эти мысли. Да, они сделали меня счастливой.

Я смогла полюбить его.

14.

– Куда ты собираешься? – войдя в спальню и увидев Чит-тапона при параде, спросила я. С тех пор как он вернулся прошло четыре дня. Я вела себя обычно, немного ещё дулась, но в душе чувствовала себя счастливой девушкой. – У тебя концерт? Выступление?

– Не совсем, – уклончиво ответил он. Потом повернулся ко мне и посмотрел в глаза. – Иду на закрытую вечеринку, где спою пару песен. Хочешь со мной?

От слов «закрытая вечеринка» меня пробрала дрожь. Я помнила, чем закончился наш совместный выход.

– Нет. Не думаю, что это хорошая мысль. Развлекайся без меня.

Поверить не могу, что я это сказала! Почему не уговорить мужа остаться со мной? Когда я ему уже признаюсь в своих чувствах – вот ещё один немаловажный вопрос.

Чит не стал настаивать. В конце концов, он сам понимал, что мне там будет не очень уютно. Уходя, он всё же сообщил, в каком клубе проводится вечеринка.

– Если вдруг я очень понадобится, а на звонок не отвечу, можешь позвонить прямо в клуб по этому телефону. – Он протянул мне визитку, показывая номер. – Они говорят на английском. На вечеринке будут иностранные гости.

– И Вон? И Тхэ Мин?

– Да.

– И... Ким?

– Она такие вечера ни за что не пропустит.

– Понятно, – сдержанно буркнула я, поймала поцелуй Чита, а потом стояла на крыльце, махала ему рукой.

Прошёл час. Я бродила по тёмному дому словно привидение и рисовала себе разнообразные картины в голове. Читтапон на танцполе. Читтапон окружён женским вниманием. Читтапон выпивает с друзьями, болтает с Ким. О жене ни слова. Жена – запретная тема. Собственно, а почему я не могу заявить на него права? Почему я здесь, когда он – там?

Прошёл ещё час. Я стояла перед зеркалом, прикладывала к себе то одно платье, то другое. На столике лежала визитка с названием клуба. Адрес там тоже был. Я понятия не имела, где это, но решила, что поинтересуюсь у нашего охранника. Он должен подсказать мне путь.

К десяти часам я была готова. Решила, что белое короткое платье с открытыми плечами отлично подчеркнёт мою красоту. На каблуках я была выше. Знаю, что на Чита всё равно буду смотреть снизу вверх, но на цыпочки становиться не придётся. Волнение вдруг охватило, стали подгибаться колени. Я не представляла нашу встречу. Боялась его реакции, ведь появлюсь там без предупреждения.

Охранник посоветовал взять такси. И оказался прав. Таксист довёз меня в нужное место за двадцать минут. Сама бы я колесила по городу в течении часа.

– Мисс? У вас есть приглашение? – спросил охранник у входа.

– Приглашение? Здесь мой муж.

– Кто ваш муж?

И что мне ответить? Назову Читтапона, и он рассмеется мне в лицо. Запнувшись на слове, я пыталась сообразить ответ. И тут...

– Элора?

– Марк? Как хорошо, что ты здесь! – Я подошла к продюсеру Чита. Охранник хотел остановить меня, но Марк смерил его грозным взглядом, затем взял под руку и повёл к лестнице, которая вела вниз. – Читтапон звал меня, – говорила я, пока мы спускались, – но я сомневалась, что это будет хорошая идея.

– На самом деле, тебе не стоило приезжать. Вряд ли здесь найдутся журналисты, но мы ни от чего не застрахованы. Один неверный шаг, и карьера Читтапона может пойти на дно.

– Что плохого в том, что он женился? – нахмурилась я. – Моя мама, когда вышла замуж, продолжала блистать на сцене. Певца любят за талант, а не за статус.

– Он ещё молодой парень...

Мы были в самом низу, когда у Марка зазвонил мобильник. Он извинился и пошёл наверх. Внизу гроыхала музыка с такой силой, что уши закладывало. Вряд ли Марк смог бы разговаривать в таком шуме.

Но мне это было только на руку.

Медленно пробираясь между танцующих, выпивающих и просто занятых беседой людей, я высматривала нужного мне человека. Родного человека. Сердце готово было выпрыгнуть из груди при мысли о нашей встрече. Красивые женщины и стильные мужчины с разноцветными волосами оборачивались в мою сторону, наверняка задаваясь вопросом, а кто эта девушка, и что она делает здесь. В толпе я заметила знакомые лица. Ким и Тхэ Мин с бокалами шампанского стояли под ярко-розовым светом близко к сцене. Потом я прошла мимо Тхэ Ёна. Он хотел поздороваться и даже улыбнулся, но я, проигнорировав, пошла вперед.

Вдруг толпа расступилась и я увидела его. В ослепительно белом костюме он был просто неотразим. А длинная чёлка, которая закрывала часть лба, сводила меня с ума. Кто-то толкнул Читтапона, и он обернулся. Увидев меня, муж замер и ждал, пока я подойду ближе.

Я не растерялась. Сердце колотилось, норвясь выскочить из груди, а мысли как сумасшедшие носились в голове. Несколько мгновений мы стояли неподвижно, рассматривая друг друга. Потом я прильнула к нему, подняла голову и, взяв его лицо в руки, поцеловала. У всех на глазах! В какую-то секунду я подумала, что Чит меня оттолкнёт, но он этого не сделал. Наоборот, он прижал меня к себе и ответил на поцелуй со всей страстью.

Когда мы оторвались друг от друга, я чётко произнесла:

– Я хочу заявить всем, что ты мой, Чит.

– Я твой, чаги, – с улыбкой ответил он, взял меня за руку и повёл на сцену.

– Что ты задумал? – испугалась я.

– Не мешай, ладно?

Читтапон подошёл к микрофону, постучал по нему пальцем, чем привлёк внимание публики, затем заговорил.

Со сцены я видела ошеломлённые лица незнакомых мне людей. Все они знали Читтапона Ли, и то, что произошло минуту назад, поразило их так же сильно, как и... Ким. Её мечущиеся в панике глаза не ушли от моего внимания. Я всё сильнее убеждалась, что эта девушка опасна. Один только её вид придал мне уверенности. Сосредоточившись на происходящем, я крепче сжала руку Чита. В этот момент он сказал уже несколько слов, которые я пропустила мимо ушей. Зато успела уловить самое важное:

– Этот вечер для меня особенный, – Чит гипнотизировал всех присутствующих своим мягким тембром, – потому что со мной рядом моя любимая жена. – По залу пошли недоуменные шепотки и восклицания. Чит выждал, пока публика успокоится, затем чуть громче сказал: – Да-да, ребят, я уже пару месяцев как женат! Познакомьтесь, – он мягко притянул меня к себе за талию, – это Элора. Прошу любить и жаловать!

За спиной зазвучали инструменты.

– Сегодня я спою для своей жены, – сладко протянул он

в микрофон.

Я спустилась и встала перед сценой. Читтапон пел, глядя на меня, а я улыбалась как глупая девчонка. Никогда в жизни не думала, что такое случится. Всё, чего я с таким рвением опасалась, стало для меня обычным и даже любимым. Вот, что значит никогда не зарекаться.

В середине песни рядом со мной пристроился Тхэ Ён. Я бы не заметила его присутствия, если бы он не сказал в ухо: – Значит, ты не девчонка Вона? Жена Читтапона? Хм. Надолго ли...

Выслушав, я не сразу повернулась к нему. Улыбка исчезла с моего лица. Зато когда я посмотрела на него, улыбка так и сияла на его белом лице.

~~~

Ким нервно щёлкала зажигалкой, но даже искры не получила. Она выругалась, затем осмотрелась. В курительной комнате никого не было. Даже попросить не у кого. И снова из её красивого красного рта полились нехорошие слова. Она была зла. Элора, как видится, осмелела. Что же особенного Читтапон нашёл в этой американке? Фигура у неё обычная, бедра немного толстоваты. Вот у неё, у Ким, пропорции куда лучше. Ноги тоньше и длиннее. Если Читу нравятся блондинки, то и она может ею стать.

Лицо? Ким посмотрела на себя в отражение окна. Она считается самой красивой девушкой по мнению журнала «Beauty around». В неё влюблена большая часть мужского

населения Южной Кореи. В Элоре нет и капли того обаяния, которым может похвастаться Ким. Но даже Вон не остался равнодушным к американке. Все эти факты не просто злили, они бесили Ким!

«Где носит Вона? Надо кончать с этой историей раз и навсегда», – думала она.

Как раз в этот момент кто-то положил руки на её плечи. Тхэ Мин никогда не оставит её одну.

– У тебя есть зажигалка?

Тхэ Мин достал свою из кармана и поднёс огонёк к тонкой сигарете Ким.

– Ты чем-то огорчена?

– Я? Почему ты так решил?

– Ушла посреди выступления Читтапона, и мне ничего не сказала.

– А должна была? – резко бросила вопрос Ким, затем отошла в другой конец маленькой комнатки. – Почему Вон не приехал? Он должен был выступать со своей новой песней «Бум-бум».

– Я звонил ему, но он не отвечает.

– Я слышала, что у него проблемы, – вспомнила Ким. – В новостях утром говорили, что он обвиняется в газлайтинге и вымогании денег. Что-то не верится!

– Когда ты успеваешь смотреть новости? – улыбнулся Тхэ Мин, обнимая девушку со спины. – Если бы Вона обвинили в чём-то подобном, мы бы узнали первыми.

Она пожала плечами, затем затушила сигарету.

– Возможно, я неправильно поняла.

– Пойдём. – Тхэ Мин взял свою девушку за руку. – Чит с женой ждут нас за столиком. И... давай обойдёмся без ссор на этот раз? – Он потрогал свою челюсть. – Я не хочу портить своё лицо. Ещё один удар, и придётся делать пластическую операцию.

Ким рассмеялась, понимая, что он шутит.

– Да кому ты нужен!

~~~

Официант принёс красивый коктейль и поставил передо мной. Рука Чита покоилась у меня на талии. Я чувствовала, как его пальцы медленно поглаживают молнию на платье. О да, часа через два я разрешу ему расстегнуть её, чтобы потом он мог ласкать мою спину и живот всю ночь напролёт. Хорошо, что неоновый свет мог скрыть моё покрасневшее лицо. Я давно ловлю себя на подобных мыслях, а потом сама же от них смущаюсь.

– Скажи честно, тебе понравился сюрприз? – как бы между прочим поинтересовалась я.

– Ты могла бы просто приехать со мной.

– Ты не ответил на вопрос, Чит.

Оторвавшись от спинки дивана, он наклонился ко мне.

– Мне было приятно.

– И это всё, что ты нашёл мне сказать? – наигранно возмутилась я. – После того, как я потратила два часа на то,

чтобы решиться?

– Прости, чаги. Ты же знаешь, что любое проявление внимания с твоей стороны для меня награда.

Мы посмотрели друг на друга. Я потянулась к его губам, но он отвёл их, потому что к нам присоединились Ким и Тхэ Мин. Я почувствовала слабо колыхающееся раздражение. С кем я не хотела общаться, так это с Ким.

– Чит, дорогой, – обратилась к нему Ким, стараясь выдерживать вежливый английский тон, – а ты что-нибудь слышал про Вона? Почему он не приехал сегодня?

Я напрягалась. Только сейчас я поняла, кого не хватает в этой компании. С тех пор, как я прогнала Вона, не слышала о нём никаких новостей.

Читтапон нахмурился.

– Я думал, он где-то здесь. За последние несколько дней мы с ним не созванивались.

– Кстати, да. – Тхэ Мин отпил из своего бокала какую-то белую жидкость. – Я тоже не помню, когда видел его в последний раз.

Ким бросила на меня взгляд и улыбнулась. Нехорошее чувство, посетившее меня внезапно, начало перерастать в обеспокоенность. Ким смотрела так, будто знала нашу с Воним тайну. А если знала? Нет. Я попыталась выбросить эти мысли из головы. Кто, кроме Вона, ей расскажет?

– Я встречалась с ним в тот день, когда он был у Элоры, – неожиданно сказала Ким таким тоном, будто это было само

собой разумеющееся.

Оба парня уставились на меня. Чтобы скрыть растерянность, я схватила бокал с коктейлем и начала пить.

– Вон был у Элоры? – решил уточнить Чит.

– Ну да. Она специально для него ужин приготовила. Уж не знаю, что между ними там произошло, но Вон в тот вечер выглядел взвинченным и... даже расстроенным.

– Это правда? – Чит спросил у меня.

– Что именно?

– Всё!

– Давай поговорим об этом дома? Я не хочу обсуждать это при них.

– В чём же дело, Элора? – елеино спросила Ким. – Мы здесь все... *друзья*.

Если Ким затеяла грязную игру, надеясь таким образом приблизиться к заветной цели, то я очень рисковала. У меня нет оружия против неё. Поразительно, как Вон мог ей довериться, когда я напрямик высказала ему свои подозрения. Вот меня и постигли первые разочарования в людях.

Сдержанность Читтапона являлась частью его обаяния. Он ничем не выдал своих эмоций. Однако я испугалась. Потому что знала – он сорвётся не при людях, а когда мы останемся наедине.

Остаток вечера я сидела за столиком, пока Читтапон общался со своими знакомыми и друзьями. Марк присоединился к нам на пять минут, поругал Чита за выходку на сце-

не, однако мне лично не высказал ровным счетом ничего, даже взглядом не одарил.

На часах было что-то около полуночи, когда мы вошли в дом.

И тут началось.

– Что связывает тебя с Воном? – резко начал Чит.

Я отшатнулась от него в сторону.

– Ничего. Он для меня такой же друг, как и для тебя.

– Правда? Элора, кого ты пытаешься обмануть? – теперь он кричал, чем пугал меня ещё больше. Я прижалась к стене и боялась пошевелиться. Чит метался по комнате, словно разъярённый орангутанг, едва не опрокидывая мебель. – Я давно заметил ваши взгляды. Как же я ошибался, доверяя ему.

– Ничего...

– Молчи! – Он подошёл ко мне очень близко и дышал прямо в лицо, напряжённо вглядываясь, быстро бегая зрачками, ставшими огромными как блюдца, из стороны в сторону. – Молчи, Элора. Ты лжёшь. Лжёшь! Для меня ты ни разу не приготовила даже паршивый завтрак. Почему ты решила приготовить для него целый ужин? – Он нахмурился. – Я понял. Это было в тот день, когда ты распустила прислугу по домам?

– Чит, я всего лишь хотела...

– Ты спала с ним?!

Моя спина почти слилась со стеной. От крика Читтапо-

на вся гостиная сжалась в одну маленькую точку. Я дрожала всем телом, но старалась смотреть ему в глаза, когда отвечала, ведь я не лгала.

– Нет. Не спала.

Пара ударов кулаком о стену в дюйме от моего плеча, после чего он схватил ключи от машины и направился к двери.

Я заплакала.

– Нет, Чит, не уезжай! Не оставляй меня одну!

Свет фонарей не доставал до нашего крыльца. Я выбежала за ним в темноту, наощупь спустилась по лестнице крыльца, ступила на брусчатку, стук каблуков эхом разнесся по двору. Я всхлипывала, звала его, но Чит шёл к гаражу, и не думая останавливаться.

– Ты даже не хочешь меня выслушать! Подожди!

Вдруг я споткнулась. Каблук попал в щель между стыком фигурных брусков. Повалилась вниз, больно подвернула ногу, но Читтапон не остановился и не помог мне. Пока я поднималась, он успел залезть в машину. Я снова побежала, обливаясь слезами.

– Ты всегда бросаешь меня! Не уезжай, умоляю!

Я била по кузову руками, но Чит сорвался с места, дав по газам. Не удержавшись на ногах, я больно упала на колени. Согнулась пополам и рыдала навзрыд.

~~~

Прошёл час. Я сидела в кресле в гостиной, подобрав под себя босые ноги. Туфли валялись где-то по разным углам.

Когда я вернулась в дом и сняла их, то с психу куда-то задурила. Лицо было мокрым от слёз. Я комкала салфетку в руках и ждала...

Всё думала, куда Читтапон мог поехать. Одна мысль шла к другой, но в итоге они сводились к тому, что он поехал разбираться с Воном. Воображение рисовало просто ужасные картины. Я страшно боялась телефонного звонка из какой-нибудь больницы. Боялась, что мне сообщат о том, что Чит поступил к ним с ножевым ранением или повреждением черепа. Вон мог разбить о его голову бутылку из-под соджу. Потом в голове всё перекрутилось, и я начала думать, что Чит навредил Вону. Но тогда мне никто не позвонит.

В какой-то момент я притихла и съёжилась.

Может быть, я уснула или разум отключился от бесконечных думок. На телефон пришло сообщение. Я быстро схватила его и прочитала. Мне написал Читтапон:

ПРИЕЗЖАЙ В БАР «СЛЕПОЕ МЕСТО». Я БУДУ ЖДАТЬ ТЕБЯ ТАМ.

Я перечитала послание дважды. Почему бы ему просто не приехать домой?

Сначала я поднялась наверх умылась и переоделась в красные брючки и чёрную безрукавку. Потом позвонила Читту. Телефон был отключён.

Мне ничего не оставалось, как сесть в машину и поехать в «Слепое место». Я знала, где находится этот бар. Мы с Читом там были много раз. Там есть ВИП-кабинки для особенных

посетителей. Больше всего мне запомнился чайный набор, включающий в себя разнообразные сладости.

Когда я приехала туда и спросила официанта, где столик Читтапона Ли, он удивленно пожал плечами и сказал, что его здесь сегодня не было.

– Однако вас ждут, мисс.

Ох, уже эта «мисс». Мы не стали менять мою фамилию, и приходилось представляться как мисс Бессон. Официант меня хорошо знал, ему не пришлось интересоваться, кто я такая. Он проводил меня к столику, который был огорожен ширмами с двух сторон.

– Вам принести что-нибудь? – спросил вежливый официант.

– Нет. Идите, – холодно ответила я, глядя на хорошо знакомую мне спину. – Я ничего не понимаю. Почему ты здесь? И где Чит?

Вон обернулся.

– Присядешь? Не стоит привлекать внимание посторонних.

Я обошла стол и опустилась на стул напротив Вона.

– Я получила сообщение от Чита. Где он?

– Не знаю. Я получил сообщение от тебя.

– От... от меня? – я запнулась.

Вон достал свой мобильник, поводит немного по экрану, затем положил передо мной.

ПРИЕЗЖАЙ В БАР «СЛЕПОЕ МЕСТО». Я БУДУ

ЖДАТЬ ТЕБЯ ТАМ. ЭЛОРА.

Точно такое же сообщение, только в конце приписано моё имя. А всё потому, что написано оно с чужого номера. Когда я это сказала, Вон пожал плечами.

– Я подумал, что у тебя что-то случилось...

– Да с какой стати у меня могло что-то случиться?! – выкрикнула, перебив его. Затем сощурилась, смекнув важную деталь. – Да вы с Ким спелись!

Его ухмылка была тому подтверждением.

– Я как идиотка делилась с тобой переживаниями. А ты пошёл и рассказал ей, что ужинал со мной.

– Элора, не раздувай из мухи слона. Я не увидел в этом ничего плохого. Другое дело, если бы я начал трепаться о том, что мы делали там, на гоночной трассе в моей машине, или после ужина за барной стойкой. Но я ведь не глуп. С самого начала Чит отправлял меня к тебе, чтобы я развлёк тебя. На что он теперь жалуется? Сама сказала, что любишь его. Раз у меня нет шансов, то... я и пытаться не буду.

Он опустил глаза. Вид был очень грустным. Я вдруг почувствовала к нему жалость. В чём он виноват? Чит, можно сказать, свёл нас. А я... я позволила Вону мечтать. Дьявол! Я никогда не разбивала сердце людям, которые были мне симпатичны. Зак не в счёт. К Заку я не испытывала особенных чувств, какие испытывают девочки к мальчикам. Он для меня был другом, братом, да кем угодно, но только не возлюбленным. А Вон мог бы стать таковым, если бы не моя любовь

к Читу.

– Кто бы ни подстроил эту встречу, я рада, что мы поговорили. Вон, я хочу рассчитывать на тебя. Пообещай, что ваша с Читом дружба останется прежней.

Он снова поднял глаза. Взгляд карих глаз проникал в самую душу. К горлу подступил ком.

– Можешь не волноваться, – ответил он. – Но если Чит... разорвёт с тобой отношения, я буду рядом.

Чит. Чит!

Если не он написал мне сообщение, то кто тогда?

Я резко вскочила на ноги.

– Мне пора ехать. А вдруг Чит уже дома? Мы могли разминуться.

– Элора, – Вон поймал меня за руку. Он сидел, я стояла. – Будь осторожна.

– Хорошо, Вон, – попыталась улыбнуться. – Ты тоже.

~~~

Как только Элора покинула бар, Вон набрал номер Ким.

– Аллю?

– Она поехала домой.

– У меня всё готово. Жду её.

– Это безумие, Ким.

– Заткнись.

В трубке раздались гудки. Вон убрал телефон и заказал рисовую водку.

«Будь осторожна, Элора».

~~~

На очередном перекрёстке, ожидая зелёный свет, я позволила Читу. Телефон по-прежнему был вне зоны доступа. Села батарея? Специально отключил? С его номера прислано сообщение. Кто его прислал? Кто играет со мной в игры? Мне было совсем невесело. Куда уехал Чит? С кем он сейчас?

Когда я въехала на нашу территорию, то сразу увидела его машину. Он припарковал ее прямо посреди площадки ближе к дому. Странно. Он никогда так не делал.

Оставив свой автомобиль в гараже, я медленно пошла по дорожке к крыльцу, глядя на фасад большого дома. Ни в одном окне не горел свет. Разве что в нашей спальне тускло светил ночник. Чит, скорее всего, отсиделся в каком-нибудь баре, напился, а теперь спит себе. Только так я могла объяснить брошенную посреди двора машину.

На часах было уже почти четыре утра. Сна у меня ни в одном глазу. Всё, что я чувствовала, так это усталость.

Войдя в дом, я не стала включать свет. Вдруг споткнулась обо что-то. Нагнулась посмотреть. А это моя туфелька. Отбросила её. Утром Чиа подберёт.

Мне не терпелось убедиться, что с Читтапоном всё в порядке.

На лестнице снова споткнулась, потому что ковровая дорожка была сбита и в некоторых местах приподнималась. Что здесь было? Я подошла к двери в спальню. Светильник

уже не горел. Я ступила в тёмную комнату и тут же несколько раз чихнула. В нос ударил резкий цветочный запах. Я не пользуюсь такими духами. На освежитель воздуха это тоже не похоже.

Рукой быстро нащупала выключатель. В комнате зажёгся свет.

15.

Я была слишком потрясена, чтобы хоть как-то отреагировать на то, что предстало перед моими глазами.

Первая мысль: *«На нашей кровати!»*

В моих зрачках, как и глубоко в душе, отражались два обнаженных тела. Они не занимались сексом. Казалось, они спят. Запах в комнате был слишком сильным и неприятным. Я снова чихнула. Ким приподняла голову и посмотрела на меня. Её рука лежала на груди моего мужа, и вся она прижималась к его боку.

Значит, вот к кому поехал Чит. Он был с Ким.

– Элора? – сонным и очень удовлетворённым голосом протянула она моё имя. – Не ожидала, правда? В жизни такое случается.

Я стояла на месте, будто ноги вросли в пол, и смотрела на Чита. Мне было плевать на Ким. Я хотела, чтобы Чит проснулся.

«Ты заставил меня выйти за тебя замуж. Ты привёз меня сюда. Добился моей любви. Так посмотри же теперь мне в глаза! Моя измена – ничто по сравнению с тем, что вижу сейчас я».

– Читтапон! – крикнула я.

Вздвогнув, он открыл глаза, приподнялся на локте, быстро осмотрелся и в ужасе попятился от Ким. По скользкой

простыне он скатился на пол. Ким беззвучно смеялась.

– Он немного перебрал, – объяснила она. Затем встала, завернулась в покрывало – моё покрывало! – и взяла одежду. – Но это было. Что бы он ни сказал.

Я смотрела на мужа. Чит мотал головой.

– Не может этого быть. Элора, не верь ей!

Чему я должна верить? Своим глазам? Чужим словам?

Он кричал мне трагическим голосом какие-то слова, но я не слушала. Со слезами на глазах выбежала из комнаты. Не зная, куда бежать, толкнула дверь на улицу, и помчалась к своей машине. Когда я выезжала за ворота, увидела Чита. Он нёсся по брусчатой дорожке в одних штанах, на ходу надевая футболку и выкрикивая моё имя.

– Тебя Ким утешит, – сказала я негромко. Потом нажала на кнопку. Ворота начали опускаться.

Ну и что теперь делать?

Вырулив на пустое шоссе, я прибавила газу. Меня всё ещё не отпускало от шока. Наверно поэтому я не билась в истерике. Перед глазами стояла пошлая картина в нашей с Читом спальне. Я туго соображала, мне и в голову не приходило задуматься над тем, как всё это произошло.

«Это было. Что бы он ни сказал».

Да! Да! Вот они – ключевые слова. Нет смысла рыться в причинах. Не важно, как это случилось. Это случилось и это... больно. Вот дура! А ещё хотела ему в любви признаться!

Я снова и снова перебирала в уме все фрагменты прошедшего вечера, анализировала каждую выроненную Ким фразу, каждое предложение. Сомнений не было – она подстроила измену Чита.

Но это было...

В четыре утра я каталась по сонному городу и думала, куда податься. На сиденье завибрировал мобильник. Краем глаза я видела имя Чита. Состроила мину строгой женщины – сурово сжала губы и сдвинула брови. Нет, я не способна спокойно говорить. Не хочу его ни видеть, ни слышать. Однако у меня не было никакого желания оставаться одной.

Чтобы ненароком не вписаться в какой-нибудь столб, я съехала к обочине и остановилась. Не выключая мотор, я позвонила Вону. Странно, но он не спал. И только он произнёс моё имя, как из меня начали вырываться всхлипы.

– Чит... он и Ким... Они... – Я захлёбывалась слезами. Приказывала себе успокоиться, но подчиниться не получалось. Тряслась рука, грудь сдавило от боли. – Они делали это... в нашей спальне.

– Где ты?

– Не знаю. – Оглядевшись, я поняла, что и вправду не имею понятия, где нахожусь. – Где-то в городе. Мне было... противно оставаться в доме. Можно я приеду, Вон?

– Но Элора...

– Пожалуйста, – почти заскулила я. – Кроме тебя у меня здесь нет никого. Мне некуда податься.

Долго уговаривать Вона не пришлось. Он назвал адрес, а через пятнадцать минут уже встречал меня на пороге своей квартиры. Невзирая на то, что он был без рубашки, я бросилась к нему в объятия и заплакала. Было непривычно касаться лицом его обнаженной груди, но я с этим справилась.

Он завёл меня внутрь, закрыл дверь.

– Ты зря приехала сюда, Элора. Это неправильно.

– А что было бы правильным? Остаться в особняке и смотреть, как они милуются? Или выслушивать гнусную ложь Читтапона?

– Сегодня ты злилась на то, что Чит приревновал тебя из-за рассказа Ким. А сейчас ты сорвалась прямо ко мне. Не чувствуешь замкнутый круг?

– Я не сдвинусь с места. Можешь гнать меня палками, – категорично заявила я, встав в позу.

Вон обреченно вздохнул.

Он проводил меня в гостиную, где я сразу забралась на диван и забилась в самый угол, обняв круглую пушистую подушку, попавшуюся в руки. Я бы хотела рассмотреть его квартиру, но сейчас мне было абсолютно не до этого. Всё, что я уловила, так это то, что гостиная была очень большой и подсвечивалась синими лампами.

Вон ушёл и вернулся с бокалом виски.

– Думаю, тебе это не помешает.

Я не сразу сообразила, что он мне даёт и с дуру хлебнула. Часть глотнула, остаток выплюнула обратно в бокал.

– Забери это.

– Тогда, может, воды или чай? – спросил он.

– Нет. Я ничего не хочу.

Вон сел рядом, оставив между нами некоторое расстояние. Белые штаны окрасились в какой-то неоновый синий цвет. Теперь понятно, какой эффект производят эти лампы. Видимо, он задумывал устраивать здесь вечеринки. Вот и фиолетовая подушка у меня на коленях, наверное, на самом деле розовая.

– Она это подстроила, – сказала я.

– Как?

– Как-как... Чит уехал к ней. Она напоила его, потом прислала с его телефона сообщение мне, а следом и тебе... с какого-нибудь другого номера. Но одного я понять не могу: как она догадалась, что я еду домой? Откуда она вообще знала, что я клюнула на то сообщение? Кто-то следил за мной?

– Элора, ты слишком перевозбуждена. – Вон говорил спокойно, и такой его тон действовал на меня положительно. Хотя бы я перестала плакать. – Понимаю, произошедшее неприятно. Я вообще думаю, что Ким просто привезла Чита домой. Она помогла ему дойти до спальни, а потом... продолжение. Логично, мне кажется. Если бы ты была дома, то ничего подобного не случилось бы.

Такой вариант звучал убедительно.

– Чёрт, ты прав. Всё, возможно, гораздо проще, чем я себе накрутила.

– Знаешь, Элора, раньше, если бы ты вот так приехала ко мне, я не стал бы сопротивляться. Но сегодняшний разговор кое-что прояснил и...

Телефонный звонок неожиданно прервал его фразу. Вон ответил, и я сразу поняла, что он говорит с Читтапоном.

– Да?.. Э... Да, она у меня... Конечно, приезжай.

Я сердито смотрела на Вона.

– Зачем ты это сделал? Зачем сказал, что я у тебя?

– Элора, пойми меня правильно. Ты хочешь рассчитывать на меня, взяла с меня обещание, что наша с Читом дружба не разрушится из-за тебя. По-моему, сейчас я поступил как самый настоящий друг. Но помни, если вы расстанетесь, тогда я готов принять тебя. – Он быстро наклонился ко мне, поцеловал в лоб, затем вышел из комнаты. И не появлялся передо мной до самого приезда Читтапона.

~~~

Звук дверного звонка подействовал на меня, как удар тока. Я вся сжалась и зачем-то закрыла глаза. За те несчастные полчаса, пока Чит ехал сюда, я так и не смогла продумать наш диалог. Трудно было представить, о чём он будет.

Парни разговаривали в коридоре, и я понимала каждое их слово. Они словно специально для меня говорили на английском.

– Где она?

– Я оставил её в комнате. Надеюсь, уснула. Что произошло, Чит?

– Сам до сих пор в растерянности. Мы с Ким каким-то чудесным образом оказались в постели вместе. Но, чёрт, я не помню, как это произошло. Самое странное, что я не чувствую себя пьяным. Да, я поехал к ней... Нет, я поехал к Тхэ Мину, но его дома не оказалось, зато там была Ким. Она принесла мне... чай... Да, именно. Ладно, где Элора? Я собираюсь забрать свою девочку.

Видимо, Вон указал на дверь в гостиную, потому что я не услышала от него больше ни слова. Чит вошёл и остановился. Я по-прежнему сидела в свете синих ламп. Сердце колотилось как бешеное. Я не хотела сорваться и кричать, поэтому безмолвно сидела и ждала, что он мне скажет в своё оправдание. Чай. Ну да, конечно! Это же смешно!

– Ты спишь, чаги?

Ответ я не дала, но пошевелилась. Я закрыла лицо рукой. Читтапон сел у меня в ногах.

– Поехали домой. Тебе не нужно было уезжать...

– Да? Так вот теперь почувствуй, каково это, когда тебе в лицо летит пыль из-под колёс. Я ведь умоляла остаться и выслушать, но ты уехал. Что ты этим добился?

– Я виноват, – тихо произнёс он. – Мы можем обсудить это дома?

– Нам нечего обсуждать, – резко ответила я. – С самого начала наши отношения были обречены.

– Не говори так... Такие события делают нас сильнее.

– Да что ты говоришь! – всплеснула руками. – Знаешь,

я хотя бы могу себя оправдать по всем пунктам, но не ты, Чит. – Я покосилась на закрытую дверь и вполголоса добавила: – Ты знаешь, что я имею в виду.

– Когда Ким сказала, что ты и Вон...

– Что – мы? Что? Я позвала его на ужин, чтобы спросить о твоих отношениях с Ким. Я с ним не спала!

На секунду Читтапон замер. Он понял, насколько нелепо выглядит в моих глазах. Да, мы с Воном грешили поцелуями, но не сомневаюсь, что и Чит целовался с девушками. Это мелочи. Другое дело – застать любовников в спальне, где мы занимаемся любовью.

– Уезжай один, Чит. Я останусь здесь.

– Нет, – строго сказал мой муж, подвинулся ближе и встряхнул. – С Воном ты не останешься. В доме восемь спален, затеряешься в одной из них, если уж очень скверно находиться рядом со мной.

Он смотрел мне в глаза, а я смотрела на его губы, на линию его рта и жалела, что сейчас самый неподходящий момент для поцелуев.

– Дай мне шанс, Элора, – шепнул он. – Я докажу, что между мной и Ким ничего не было. Я найду выход из этой ситуации. Просто верь мне.

К утру мы приехали домой. Я попросила Чиа приготовить для меня самую дальнюю спальню и перенести туда все вещи, чётко дав понять, что отныне буду жить одна. Как бы Чит ни был расстроен этим, он кивнул служанке, после чего

мы разошлись по разным углам.

~~~

Почти месяц прошёл со дня того скандала. Я жила в новой спальне, каждый день получала подарки от Читтапона. Утром просыпалась чуть ли не в оранжерее с цветами. Не успевали завянуть одни цветы, появлялись новые. Я просила Чиа расставлять их по всему дому. За ужином Читтапон рассказывал свои новости, задавал вопросы о моих родственниках. Иногда мы обсуждали какую-нибудь нелепую статью. Я не подпускала его к себе близко. «Привет», «Как дела?», «Спокойной ночи». Продолжала уроки корейского и уже могла понимать немного. Целыми днями торчала в гараже, тестируя свою машину.

За месяц Чит уезжал всего два раза, но я продолжала заниматься своими делами, не обращая внимания на его отсутствие.

Чит вымаливал прощение, а я думала о разводе. Возможно, так было бы лучше всего. Если бы я не была связана условием и брачным договором, то давно уже бросила его.

Ничто не нарушало моего спокойствия. Но однажды вечером, когда у Чита были дела в городе, на виллу заявила Ким. Она вела себя бесцеремонно. Когда я вышла встретить неожиданную гостью, она отодвинула меня и крикнула куда-то наверх:

– Чит! Если ты меня слышишь, дорогой, надо поговорить!
Я сложила руки на груди, наблюдая за корейской куклой

Барби в чёрных кожаных брючках и вычурном топе. Она обесцветила волосы, убрала челку и выглядела почти как я, только ярче и нелепее. Какой идиоткой нужно быть, чтобы пытаться быть похожей на жену того, в кого влюблена?

– Моего мужа нет дома, – строго сказала я, не меняя позы. – Если ты до сих пор не знаешь, то спешу сообщить, что в мире вот уже несколько лет существуют телефоны. Брось ты эти старомодные приемы – приезжать в дом и искать хозяина с помощью крика.

Ким очень долго и внимательно изучала меня взглядом.

– Я была уверена, что он дома. Но хорошо, что его нет. – Она медленно пошла на меня. Я не сдвинулась с места, даже когда Ким остановилась в шаге от меня. – А ты крепкий орешек. Выдержать измену мужа и не устроить ему взбучку. Неужели ты его простила? Если да, то ты просто ненормальная.

– Почему же?

– Он дурачит тебя. Думаешь, Читтапон стал пайнкой и верным мужем? Считаешь, он не помнит того, что случилось в вашей спальне?

«Обязательно подчеркивать, что это случилось в нашей спальне?»

– Мы продолжаем видеться, – ухмылялась Ким. – И Ду Хён в восторге от этих отношений. Да, он недавно сказал мне одну вещь. Хочешь узнать какую?

– Всё, чего я хочу – чтобы ты покинула этот дом.

– «Этот». Ты своим его не считаешь? И правильно. Потому что очень скоро тут поселюсь я. Ду Хён считает, что звёздная корейская пара станет сенсацией. Агент популярной звезды не станет просто так бросаться словами. – Наконец Ким отошла от меня, взяла в руки статуэтку «Египетская кошка» и принялась неосмысленно рассматривать её. А вот я готова была этой статуэткой разmozжить её блондинистую голову. – Я всё думала, почему Чит не хочет афишировать свой брак. – Она вернула кошку на место, посмотрела на меня и улыбнулась. – Но ведь всё очевидно. У нас корейские звёзды не женятся на американках. Его просто засмеют! Ты ведь даже фамилию его не носишь? Многие считают тебя мимолетной подружкой.

– Уходи, Ким, – сдержано сказала я и открыла дверь.

– В ту ночь он ясно сказал, что ты для него игрушка.

Я стояла, потупив взгляд. Не было сил противостоять яду этой хищницы. Я сжала кулаки, ногти больно впились в кожу. В её последних словах звучала истина. Чит с самого начала играл со мной и его это забавляло. Он тестировал меня, проверял на прочность, словно я какой-то неизученный механизм, требующий доработки то тут, то там. «Она должна любить» – цель разработчика. И не важно, он это сказал или Ким только что придумала. Так и есть.

– Игрушки, как правило, надоедают, – добавила Ким и ушла.

Я с грохотом захлопнула дверь и крикнула:

– Чиа!

Служанка с перепуганными глазами выскочила откуда-то из-за угла.

Я проговаривала каждое слово внятно, чтобы до её корейского ума дошёл смысл.

– Пожалуйста, пока я живу в этом доме и пока я здесь хозяйка, не пускайте эту девицу Ким Руби сюда. Узнаю, что она переступила этот порог без моего ведома, уволю всех! Это понятно?

Женщина кивнула.

За всё время моего пребывания на вилле Чиа впервые видела меня в ярости. Я не хотела приказывать, не хотела повышать голос, но только так я могу проявить себя. Раз я жена Читтапона Ли, то имею право устанавливать в доме правила. И начать я должна была давно.

Когда приехал Чит, я гуляла в саду. Он не мог меня видеть, зато я со своего места наблюдала, как на территорию въехала чёрная тонированная машина, как он вышел и направился по брусчатой дорожке к крыльцу. Чиа выбежала к нему навстречу. Громкая корейская речь полилась из её уст, служанка явно была обеспокоена тем, что произошло сегодня. Читтапон внимательно слушал и хмурился. Я не знаю, что он ей отвечал или, может быть, задавал наводящие вопросы. Ни одного слова я не поняла. Жестом он успокоил Чиа, потом скрылся в доме.

А я думала.

Когда я всё-таки решилась на опасный шаг в игре Читтапона, правила которой прописаны им, до ужина оставалось не больше десяти минут. Я проходила мимо столовой, слышала звон тарелок. Запахи пибимпаб тянулись по всей гостиной. На одном из декоративных столиков стояла ваза с нежно-розовыми камелиями. Утром я увидела их первыми, как открыла глаза. Чит с заботой выбирал для меня цветы. Разве он такой плохой муж? Поддавшись чувствам, я уже хотела отложить решающий разговор. Желудок сводило то ли от голода, то ли от нервов. И всё равно шла наверх.

Читтапон стоял у зеркала, разминал мышцы лица, когда я толкнула дверь.

– Элора? – удивился он.

Я открыла рот, закрыла.

«Произнеси же их, чёрт возьми!»

– Ты что-то хочешь мне сказать? – Он отвернулся от зеркала и теперь смотрел на меня. – Хочешь обсудить визит Ким? Если интересно моё мнение, то она просто сумасшедшая...

– Чит, я пришла не о Ким говорить. – У меня ладошки вспотели. И даже спина. – Верни мне паспорт. Я хочу уехать домой в Орландо.

~~~

И на что я надеялась?

В тот вечер Чит усмехнулся и покинул спальню со словами: «Если найдёшь паспорт, то можешь ехать».

То есть он меня отпустил, придумав маленькое условие. Сначала я обрадовалась. Но энтузиазм поубавился, когда на третий день я обыскала все возможные и невозможные места. Я рылась даже в той комнате, где Чит хранит подарки своих поклонниц. Искала дыры в танцевальном зале между зеркалами. Я допрашивала слуг. Моего паспорта нигде не было.

Каждый день Чит с усмешкой спрашивал, нашла я свой паспорт или нет. Я готова была убить его.

Прошла неделя, но паспорта я так и не нашла.

Была мысль позвонить Корбину и попросить вызволить меня из этой страны. Но так не хотелось вдаваться в подробности наших с Читом ссор. Только напрасно побеспокою брата.

Несмотря на то, что давно отчаялась найти документ, я искала его просто машинально. Когда в спальню Чита вошла Чиа, я ползала под кроватью.

– К вам пришли.

– Ко мне? Кто? – стряхивая собранную пыль с платья, заинтересовалась я.

– Думаю, вам стоит спуститься.

Я сощурила один глаз.

– Только не говори, что пришла Ким. Я предупреждала...

– Вас ждёт Тхэ Мин. Вы не говорили, что его тоже нужно прогонять.

Тхэ Мин? Это что-то новенькое!

Я гордо выпрямилась и вышла.

Тхэ Мин стоял между баром и мозаичной стеной. Вернее, он ходил туда-сюда, сунув руки в карманы зелёных брюк. Вид у него был замученный, я бы ещё добавила – возмущённый. Он собирается высказать мне то же, что не так давно наговорила Ким? – возник вопрос.

– Чем могу быть полезной? – спускаясь, официальным тоном спросила я.

Он промолчал.

Когда я достигла нижних ступеней, то чуть не споткнулась. Тхэ Мин прошёл к мозаичной стене, схватил Ким – кажись, очень больно схватил – за предплечье и толкнул в мою сторону.

– Говори! – велел он.

Девушка выглядела напуганной. Куклу Барби она больше не напоминала. Волосы снова были выкрашены в чёрный цвет и собраны в хвост. А рот не украшала яркая красная помада. Губы были бледными, на глазах – большие темные очки. Она сделала быстрое движение и сняла их. Почему-то синяк меня не удивил. Сомневаюсь, что это мягкотелый Тхэ Мин постарался. Лично я видела почерк своего мужа. Но могла ошибаться.

– Говори же! – повторил Тхэ Мин.

Ким топталась на месте. Жалкое зрелище.

– Элора, я...

– Ким, не медли. Ты знаешь, что тебя ждёт, – произнёс Тхэ

Мин, что несколько обескуражило меня. И что же ее ждёт?

– В чём дело?

– Это унижительно, но я должна... Элора, приношу... – Она обернулась. Тхэ Мин ждал. – Приношу свои извинения. Я... У нас с Читтапоном ничего нет и не было. Я всё подстроила.

– И... почему я должна ей верить? – Я обращалась к Тхэ Мину. – Вокруг плетутся заговоры один за другим. Сначала меня и Вона обманом выманивают из дома, потом каким-то чудом я застаю своего мужа в нашей постели с... ней. Теперь я ясно вижу, что её били, а значит, заставили солгать... или всё же сказать правду? Так ответь мне, Тхэ Мин, почему я должна ей сейчас поверить?

– Всё очень сложно, – ответил он, очень твёрдо выговаривая согласные буквы. – Думаешь, это я подбил ей глаз? Нет. Это сделал отец Ким. Он её ударил, когда узнал правду.

– Вот как? – всё ещё не верила я.

Ким опустила голову как провинившаяся девочка, которая без спросу взяла из маминой сумочки деньги. Где же грациозность лани? Где же выдержка, непринужденность и собранность? Что стало с уверенной в себе девушкой? Может, она не так коварна, как хотела казаться?

Тхэ Мин встал рядом с ней.

– Читтапон пару дней назад взял меня и привёз к её отцу Де Хюн Тену. Я был потрясён не меньше него, ведь я мечтал однажды жениться на этой девушке, а теперь... всё, чего я

желаю, так это восстановить справедливость и, честно говоря, просто вернуть спокойствие другу. Ким отрицала свою вину, но под напором и грозным взглядом отца она сдалась и призналась. Де Хюн Тен – влиятельный человек в нашей сфере. Он одним щелчком пальцев может лишить Ким перспективы строить будущую карьеру. Теперь, наверное, тебе понятно, почему во лжи нет смысла.

Я ещё раз обмозговала информацию. Получается, Чит всё это время искал способы вывести Ким на чистую воду. И самый последний, но действенный – это просто навестить Де Хюн Тена, отца Ким Руби. Весёлая здесь жизнь! История моего брата и последовавший за ней скандал и рядом не стоит!

– Де Хюн пригрозил Ким, что отошлёт её в поместье, где кроме слуг никого больше не увидит. И он на это способен, поверь мне. – Тхэ Мин сделал шаг ко мне и посмотрел в глаза. – Я ненавижу тебя всей душой, Элора, но Читтапон – мой лучший друг. А Ким... в общем, делай с этой правдой что твоей душе угодно.

Несколько часов после этой встречи я ходила как в воду опущенная. Обычно, когда кто-то врёт или юлит, он создаёт некий разрыв между тем, что я чувствую, и тем, что он преподносит, как правду. Сейчас я ещё больше прониклась своей собственной теорией. В момент, когда я увидела голых Ким и Чита в нашей с ним спальне, я почувствовала неладное, хотя Ким упрямо настаивала: «*Это было*». Сегодня же слова Тхэ Мина не вызвали сомнений. Да и к чему Ким уни-

жаться просто из-за единственного синяка на глазу? Другое дело – угроза её карьере.

Я провела час, копаясь в интернете. Несколько статей о Де Хюн Тене, которые я смогла перевести с помощью быстрого переводчика, дали представление об этом человеке. И прежде всего, Ким и вправду является его дочерью. Руби – сценический псевдоним. Имя настоящее. Де Хюн часто привлекался к ответственности из-за финансовых махинаций, но каждый раз выходил чистым из воды. По лицу на ярких фотографиях можно было определить, что мужчина никогда не улыбается. Я смотрела на зловещего отца Ким и видела воистину безумный взгляд.

В коридоре послышались шаги, а потом хлопнула дверь в дальнем конце. Чит вернулся домой. На часах было почти девять. Я думала как поступить.

Часам к одиннадцати я спустилась вниз и заглянула в танцевальную комнату.

~~~

Читтапон заметил меня сразу, но не остановился. Он двигался под музыку так, словно сделан из пластилина. А потом неожиданно остановился и протянул руки.

– Хочешь потанцевать со мной?

Я хотела.

– Прости, но я не умею.

– Это просто. Я научу.

Чит потянул меня к себе, затем показал, как правильно

стоять. Положил одну мою руку себе на плечо, а другую на грудь.

– Подожди, это не похоже на то, что ты только что вытворял, – заметила я.

– Для того, чтобы вытворять то, что вытворял я, нужны годы тренировок. Но этот танец умеют танцевать все. В сторону... Хорошо. Поворот... Замечательно.

Он бережно держал меня за талию, при этом смотрел только в глаза. В моё остывшее сердце вернулась теплота. Я уловила тонкий запах мускуса и разгорячённого мужского тела. Между тем Читтапон сделал попытку поцеловать, но я уклонилась.

– Тхэ Мин приходил сегодня... с Ким.

– Да? – Он выпустил меня из рук, затем встал перед зеркалом, делая вид, что танцует.

– Ты хитрый, Чит. Умеешь добиваться своей цели.

– Ты только поняла это, чаги?

Взгляд синих глаз пронзал насквозь. Я с трудом сдерживалась, чтобы не броситься в его объятия и... не наделать глупостей до того, как я пойму, что поступаю правильно.

– Я... – Пальцы на руках похолодели. К горлу подступил ком. Прислонившись к зеркалу лбом, я закрыла глаза. – Запуталась. Просто запуталась. Хочу домой, но не хочу уезжать от тебя. Кажется, ты кое-чего добился, Чит.

– Чего же? – с надеждой спросил он.

Нет, в любви я ему не признаюсь. Не сейчас. Слишком

сильно боялась разочароваться. К тому же, мои чувства могут оказаться вовсе не любовью, а чем-то ещё. Как глупо я буду выглядеть, если ошибусь.

Чит стоял за спиной и внимательно смотрел на меня в зеркало.

У меня перехватило дыхание, когда он коснулся моих плеч. Он собирался развернуть меня к себе сразу после ответа.

– Чего я добился, чаги? – повторил он свой вопрос.

– Я... привязалась к тебе. И мне было очень больно ви... – тут голос мой сорвался, я заплакала. Чит развернул меня и прижал к себе. – Никогда ничего подобного не испытывала, – плакала я. – И когда я искала паспорт, то совсем не хотела его находить. Понимаешь?

Я подняла глаза, чтобы услышать ответ, но в тот миг его губы прижались к моему рту. Какие ещё нужны слова? Обвив его шею руками, я прижалась к нему и со всей страстью ответила на поцелуй.

~~~

Любовь в своём проявлении свободна. Не важно, выставляем мы отношения напоказ, кричим о том, что любим на каждом углу или молчим о ней. Самое главное, что наше время – и наше внимание – полностью принадлежат нам. Любовь появилась раньше, чем наука. Это нечто спонтанное, а не то, к чему приходишь по зрелому размышлению, хорошенько всё взвесив на весах рационального мышления. Вче-

ра не любил. Сегодня уже сходишь с ума от любви по тому, кто являлся в ночных кошмарах.

Я не сильна в теориях. У меня и опыта никакого нет. Поэтому каждый день, просыпаясь в объятиях своего мужа, думала о том, что такое любовь. Как не спутать её с мимолетной влюбленностью? Каковы мои истинные чувства к Читуту?

Я не могу просто сказать «Я тебя люблю», потому что не хочу лгать. Мне кажется, что я его люблю, да. Но стоит поддаться размышлениям, появляются сомнения. Вот я и решила на свой страх и риск пока обходить заветные слова стороной, получать удовольствие от его внимания, ласк и поцелуев. Придёт время, и я скажу. Конечно. Однажды я скажу...

– О чём задумалась, чаги? – спросил Читтапон.

– Ни о чём, – улыбнулась и снова взялась за еду. – Ты сегодня молчаливый такой. Вот и я решила составить тебе компанию. Хотя интересно было бы послушать, что происходит в твоей жизни за пределами этих стен в предверии Рождества.

Сейчас ещё только ноябрь, но я очень ждала Рождества, ибо Чит пообещал, что мы навестим моих родителей в Орландо. Лучшего подарка я не могла желать.

– Элора, у меня к тебе есть предложение, – несмело начал он. – Только выслушай сначала, а потом принимай решение.

– Ты меня заинтриговал.

Чиша вошла в столовую, чтобы забрать грязные тарелки. Пока она занималась делом, мы сверлили друг друга взгля-

дом. И кажется, я уловила волнение в синих глубинах его глаз. Удивительно, потому что я привыкла к его смелости и непоколебимости.

Чиа ушла.

– Рассказывай, – с готовностью сказала я.

– К концу декабря мы должны отснять новый видеоклип. Это песня о большой и крепкой любви. По сценарию я должен сниматься с девушкой.

– Так. С этого места поподробнее.

– Рано ревнуешь, чаги.

– Я не ревную, – в моём голосе послышались нервные нотки, я не смогла их замаскировать. Улыбка тоже не помогла. – Рассказывай дальше. Вам с... моделью предстоит обниматься и целоваться?

Он откинулся на спинку стула.

– С тобой сложно что-то обсуждать. Помнишь, что я сказал тебе в самом начале разговора? У меня есть предложение. Так вот, я хочу, чтобы именно ты снималась в моём клипе. Мы испытываем друг к другу нежные чувства. Получится правдиво.

Даже Читтапон не называет вещи своими именами. «Испытываем нежные чувства» – так он назвал нашу любовь. Он не уверен во мне. А другими словами объединить наши отношения просто не представляется возможным.

– Интересное предложение, Чит.

– Но?

– Да, здесь последует «но». Но я не гожусь в модели для видеоклипов. Я плохая актриса. Не смогу я на камеру вытворять даже самые *правдивые* вещи.

Чит расстроился.

– Ладно. Хорошо. Тогда готовься к тому, что я проведу целый месяц в Нью-Йорке, обнимая профессиональную модель.

После этих слов он поднялся, бросил скомканную салфетку на стол и вышел.

Нью-Йорк.

Он будет снимать видеоклип в...

– Чит! Я согласна! Нью-Йорк – это же так круто! Чит? Ну, хорошо, я прекрасная актриса. Да и с тобой обниматься на камеру будет одно удовольствие!

Читтапон вернулся в столовую с хитрым выражением лица.

– Вылетаем завтра вечером. Пакуй чемоданы.

16.

Меня разбудил поцелуй в шею. Стало щекотно, я зашевелилась.

– Просыпайся, чаги, – шепнул на ухо родной голос. – Знаю, я вымотал тебя за эту ночь, но душ приведёт тебя в тонус.

– Ещё пять минут, – прокряхтела в ответ.

Читтапон прижался ко мне сзади, обняв одной рукой.

– Сегодня первый день съёмок. Разве ты не волнуешься? Мне лично опаздывать не хочется. К тому же, у нас день расписан по минутам. Придётся вставать.

Ах да, до моего сознания только дошло, что мы в Нью-Йорке. И сегодня после съёмок клипа собирались погулять по городу. С нами приехал Вон, потому что в песне у него партия речитатива, в клипе несколько кадров будут посвящены ему. Насколько я поняла, Вон будет играть отрицательного героя, а мы отважную влюблённую пару. Вообще, сценарий довольно интересный. Я читала сценарий с несвойственным мне энтузиазмом и даже умудрилась всё это представить.

Но пока не хотелось думать о работе. Читтапон такой тёплый и... он дразнил меня, лаская мою грудь. Снизу поднялось горячее желание, и я начала тереться об него. А потом услышала его стон и голову потеряла. Чит снова начал цело-

вать мою шею, чуть прикусил мочку уха. Его губы были нежными и горячими. Затем перевернул меня на спину и начал потихоньку спускаться ниже, ведя языком по шее до груди. Чит осторожно сдвинул шелковую сорочку и захватил ртом сосок правой груди, я вскрикнула от неожиданного удовольствия, выгнулась к нему и запрокинула голову назад. Руками ухватилась за края подушки. Он тут же избавился от коротенькой сорочки, оставив меня почти без ничего. Затем он перехватил мои запястья и нагнулся ко мне, дразня, но не целуя.

– Тебе нравится, чаги?

– Да!

– Хочешь меня?

– Да, Чит, пожалуйста... не мучай меня.

– Любишь меня?

Его лицо оказалось рядом с моим. Синие глаза смотрели на меня, вызывая дрожь. Он ждал ответа.

– Ты... сводишь меня с ума, – выпалила я и впилась в его губы поцелуем. Мой язык проник в его рот, быстро и настойчиво исследуя каждый уголок, его вкус был восхитительным, ни на что не похожим.

Руки Читтапона инстинктивно легли мне на бёдра. Рывком он содрал единственную вещь, что была на мне – трусики. Затем пристроился между бёдер, медленно вошёл, выпрямился и начал двигаться вперёд и назад. Я задыхалась от переполнявших чувств, стонала, кричала, извива-

лась. Острое желание грохотало в крови, руки сжимались в кулаки. Грань удовольствия, через которую мне до сих пор не довелось переступить, была острой. Видимо, раньше я была недостаточно опытной, не могла расслабиться. Теперь всё стало по-другому. Я выросла во всех смыслах этого слова.

Чит двигался, меняя темп – то быстро и безудержно, то медленно и мучительно. По телу прошла волна слепящего удовольствия, и сдерживаться я больше не могла. Даже если бы Читтапон не разрешил, я не смогла бы терпеть. Несколько рваных судорожных движений, и я взрываюсь, бурный, неистовый оргазм сотрясает меня. Читтапон схватил моё лицо ладонями и крепко поцеловал. Он произнёс моё имя один раз, потом другой, словно вполголоса удивляясь, что это произошло.

– Элора! Кто бы мог подумать! – Он перевернулся на спину, я закрыла глаза, слушая его дыхание и... вдруг он сказал: – Начиналось ведь всё ради забавы. И вот к чему привело.

Почти минуту я переваривала такие, казалось, на первый взгляд безобидные слова. Сердце после бурного секса не сбавляло ритм, но теперь оно ускорилося вдвойне. Я села в кровати.

– Повтори, что ты сейчас сказал.

– Знаю, знаю, – посмеялся Чит, – ты будешь злиться на меня. Но я ведь добился тебя, и нет смысла выяснять отношения, чаги.

– Подожди, подожди. Я похожа на дуру? Значит, ты решил... поиграться?

Он поднялся и протянул руку.

– Давай вместе примем душ?

– Нет, не примем! И вообще, я не сдвинусь с места, пока ты не объяснишься. Думаешь, это смешно?

Я видела по его лицу, что он уже пожалел о нечаянно слетевших с губ словах. И кто бы мог подумать, что мимо моих ушей не пролетит даже маленькая частичка. Я скрестила руки, тем самым прикрыв свою обнаженную грудь. Чит стоял передо мной в чём мать родила. Но меня не волновало, одеты мы или нет. Я требовала признания.

– Элора, ты должна понимать, что я... да, ты мне понравилась с первого взгляда, но я не успел влюбиться настолько, чтобы жениться. А потом ты рассказала о похищении. Видела бы ты своё лицо в тот момент! Пока ты ездилa домой, у меня появилось время поразмышлять. И вдруг мне в голову пришла эта странная, безумная, но до боли интересная идея. Я хотел проверить, что из всего этого получится. Постепенно я влюбился в тебя, и теперь не представляю жизни без тебя, чаги. Я говорю правду.

Влюбился сам, и меня заставил влюбиться. Что за человек?! Это признание ошеломило меня, хотя на что я надеялась? Не зная, как реагировать на это, я решила немного подуться на мужа. Взяла полотенце, чистое бельё и закрылась в ванной комнате.

~~~

Съёмки проходили на бруклинской станции метро Хойт-Скермерхорн. Не для кого не секрет, что здесь был снят эпизод для клипа Майкла Джексона. Я очень хорошо знала Нью-Йорк, папа часто возил меня с собой, когда мне было от десяти до тринадцати лет. Тогда он ещё надеялся, что из меня что-то получится. Интересно будет посмотреть на его реакцию, когда он придёт на премьеру клипа. А она состоится, я лично устрою приём, куда приглашу всю свою семью. Заодно отметим Рождество все вместе.

Поскольку с Читом я отказывалась разговаривать, по дороге на съёмочную площадку, развалившись на сиденье лимузина, позвонила Корбину. Я сообщила ему, что сейчас в Нью-Йорке и пообещала в ближайшем будущем встретиться. Естественно, мой брат был счастлив услышать хорошие новости и едва сию секунду не примчался в Нью-Йорк, но я его чуток осадила.

– Потерпи, Корби! Впереди у нас много работы, но к Рождеству видеоклип должен уже выйти. Мы планируем приехать в Орландо. Только тс-с-с, маме с папой ни слова.

– Ты скажи лучше, он тебя не обижает? – в голосе Корбина слышались металлические нотки. Он чувствует моё настроение. Маскировка у меня плохо получилась. Чит в этот момент смотрел в мою сторону, и я фальшиво улыбнулась.

– Да! У нас всё прекрасно! Читтапон рядом, держит меня за руку.

Чит удивлённо посмотрел на свои руки, беззаботно лежавшие на коленях, затем покачал головой и отвернулся. Не удержавшись, показала ему язык.

– Он – милашка, – поддразнила мужа, а заодно взбодрила Корбина.

Едва я успела попрощаться с братом, как довольный Читтапон развернулся ко мне, пальцы коснулись моего подбородка.

– Напрашиваешься на поцелуй, чаги.

– С условием, что ты больше не станешь расстраивать меня.

– Прости, если это так. Я всего лишь хотел быть честным.

– Честным нужно было быть с самого начала, – почти ему в губы сказала я и потянулась за поцелуем, но он дразнился, уводя свои губы в сторону. – Чит...

– Люблю, когда ты меня умоляешь.

– Знаешь, кто ты после этого? – рассвирепела в шутку я, оттолкнув мужа.

Смеясь, он как котёнок потерся о мой живот.

– Кто же?

Я бы сказала, кто он, только мы приехали. Чит остался без ответа, а я без поцелуя.

На съёмочной площадке нас поджидал Вон. Станным образом Чит вырвал свою руку из моей и пошёл вперёд. Они с Воном обнялись и принялись о чём-то на корейском болтать. А я плелась сзади ошарашенная и брошенная. Вон меня да-

же взглядом не одарил, не говоря уже о простом «привет».

Во время съёмки мы работали слажено. Меня попросили поучаствовать в хореографии – придержать Читтапона за руку, пока он делает из положения лёжа волну. На сцене ему будет помогать профессиональная танцорка, но в клипе только я должна была касаться Чита, что вызывало бурю положительных эмоций.

Были моменты, в которых Чит, танцуя вокруг меня, предстал воплощением самой сексуальности. Глядя на него, невольно веришь, что секс – это не животные инстинкты, а изначально духовное, душевное общение, красота и нежность. Я едва не задыхалась от желания прикоснуться к нему, но было нельзя. Я стояла в маске и в тяжёлом платье, усыпанном камнями, словно статуя, которую Чит своими движениями должен был оживить.

Вон, в основном сидел на пластиковом стуле и давал Читу советы. Его роль в сегодняшней части была невелика, и со мной он ни разу не заговорил. Я просила его дорожить дружбой с Читом, но не думала, что стану для него призраком. Хорошо это или плохо, я не знала. Просто было неприятно.

Во время перерыва я принесла нам троим кофе, но Вон отдал свой кофе Ду Хёну. И я тут же вспетушилась. Всем видом показала, что оскорблена. А когда Чит отошёл с Ду Хёном обсудить декорации, я прошипела, обращаясь к Вону: – Всё настолько плохо?

Он улыбнулся, затем подмигнул мне.

– При Чите предпочитаю тебя не замечать, прости. Ты завтра вечером придёшь на выступление?

– Выступление? – удивилась я. – Чит ни о чём не упоминал.

– Значит, ещё скажет. Пока он будет на сцене, поболтаем.

– Кстати, всё хотела спросить о... В общем, по телевизору говорят, что ты замешан в каких-то махинациях. Это правда?

– Тебя это беспокоит? – Взгляд Вона скользнул по белому воротничку моей блузки, соблазнительно открывающий ложбинку (тяжёлое платье, к счастью, с меня сняли). Он сглотнул и отвернулся. – Были бы проблемы с законом, я не торчал бы сейчас за границей.

Подошёл Читтапон, тем самым прервав наш диалог. Я внезапно почувствовала себя неуютно, а потом и вовсе пожалела, что заговорила с Воном. Меня с ним ничего не связывает, кроме пары глупых поцелуев. Всё это в прошлом. Теперь я должна сосредоточиться на своём браке с Читтапоном. Мне казалось, что нас ждёт прекрасное будущее.

«Когда кажется – смотри на небо и молись», – любил говорить мой брат Дэниел. И почему я это вспомнила?

~~~

Нелепо было думать, что Элора приедет в Орландо и тут же захочет встретиться. На что он надеялся? У неё своя жизнь. Друзья, любимое занятие... Он даже не знал, чем она занимается и какое у неё хобби. Он не знал о ней ровным

счётом ничего.

Но очень часто думал...

На плечи легли нежные руки Виктории, его верной подруги, которая искренне переживала за него. В последнее время Забдиель совсем сник. Отказывался веселиться, когда Кристофер, её парень, звал его в клуб или на дискотеку. Забдиель даже перестал с братом ссориться. Весь свет был ему не мил...

– Почему ты ей не позвонишь? – спросила Вики. Она знала историю Забдиеля и Элоры. Однажды не выдержав, он рассказал им, а заодно признался, что девушка оставила след в его сердце.

«Как глупо, правда?» – усмехнулся он тогда.

«Почему? – Кристофер был серьёзен. – Нет ничего плохого в том, что ты влюбился».

Нет, Забдиель был согласен, только любовь его безответна. Прошло довольно много времени, а Элора больше не связывалась с ним. Не звонила и не писала.

– Давай! Позвони ей сам, – уговаривала Вики. – Не мучайся.

– И что я ей скажу? Нет.

– А вдруг она давно приехала в Орландо, но семейные дела, встречи со старыми друзьями или, может, учёба отняли всё свободное время. Скоро Рождество. Понятно, что людям сейчас не до...

– Не до встреч с мимолётными знакомыми, – печально

усмехнулся Забдиель и встал. В спортивный комплекс входили люди, и он каждый раз мечтал увидеть среди них Элору, которая скажет: «Привет! Наконец-то я тебя нашла! Случайно потеряла твой номер. Но я здесь!» – Поверь, Вики, если бы она хотела, то давно нашла бы меня. Я слишком много надумал себе.

– Обычно девушки ждут звонков от парней, – пожалала плечами Вики и отошла, чтобы поприветствовать постоянную клиентку.

Забдиель направился к лифту. Он желал скрыться в своём кабинете и... может, правда, стоит попробовать позвонить? Не то чтобы его терзало сомнение, скорее наоборот. Он хотел позвонить, но было страшно.

Лифт звякнул, подпрыгнув на нужном этаже; Забдиель высвободился из его недр и пошёл к своему кабинету. Он уже достал телефон, но тот затрезвонил раньше. Звонили по работе, и Забдиель обязан был ответить. А потом дела замотали так, что он больше не имел ни одной свободной минуты.

Он так и не позвонил Элоре.

А ведь этот звонок мог спасти её от надвигающейся катастрофы.

~~~

Неожиданная вспышка ревности оставила лазейку для фантазии. Снимаясь в клипе, я не видела полного танцевального номера Читтапона. Я помнила, как директор попросил меня поддержать Чита за руку вместо танцорки. Я даже

представить себе не могла, что весь номер – это сплошные прикосновения и сексуальность.

На сцене Чит был великолепен: гибкий, пластичный, лёгкий. Он знал своё тело, умел с ним обращаться. Меня злило, что он тесно контактировал с танцовками. Да, я ревновала! Он мой муж, я его люблю и это нормально!

Сделала глоток шампанского, чтобы унять внезапно возникшую дрожь. Красивая песня благоуханным потоком вливалась в разум, наполняя жизнью. Голос Чита нежный, пение протяжное и местами очень сильное.

– Элора Бессон? – услышала я, пришлось оторвать взгляд от сцены.

Мне улыбался смуглый мужчина с кудрявой вершушкой красных волос, по бокам и на затылке они были сбриты. В ушах висели сразу несколько серёжек. Мне бросились в глаза кресты. А ещё я не могла не заметить бровь с выбритой прорехой. На нём был стильный клетчатый пиджак, а под ним футболка с глубокой горловиной. Он так пристально смотрел на меня своими карими глазами, что я была вынуждена отвести взгляд. Чит пел вторую свою песню, танцовки продолжали крутиться вокруг и лапать его. Машинально поправила ляжку своего жёлтого платья, очень хорошо понимая, что глаза мужчины следят за движением моих пальцев.

– Вы не ошиблись. Чем могу быть полезна? – наконец отозвалась я.

– Как поживает Джереми? Давно с ним не виделся. А ты

совсем красавицей стала.

Он знает моего отца? Похоже, в Нью-Йорке мне будет сложно прятаться от друзей отца.

– Я давно его не видела.

– Отчего же?

– Вышла замуж, – решила сразу расставить точки над «i» и метнула взгляд на сцену.

Мужчина понял намёк.

– Твой муж? Вы такие разные.

– Это не мешает нам быть счастливыми. А вы?

– О, я не представился. – Он протянул руку. – Ричард Колон. Я – продюсер и, кстати, хотел сделать тебе предложение.

«Колон, Колон, Колон...»

До чёртиков знакомая фамилия, но никак не могу вспомнить, где слышала её раньше. Хотя если этот Ричард знает моего отца, то вероятнее всего я слышала от него.

– Тебе было лет двенадцать-тринадцать, – тем временем продолжал он, – когда Джереми привёл тебя ко мне. Тогда он попросил, чтобы я сделал из тебя звезду, как только ты созреешь до этого дела. И знаешь, идея мне до сих пор нравится. Я был вчера на съёмках клипа, и видел твою харизму, – его рука нагло пристроилась на моей талии. – Я бы хотел попробовать, – говорил он, не отрывая взгляда от моего лица, – поэтому очень рад встретить тебя сегодня здесь. Отличный шанс обговорить детали. Если ты дашь согласие, подпишем контракт.

– Во-первых, – я убрала его руку и поставила бокал с шампанским на поднос мимо проходящего официанта, – я ужасно пою. Во-вторых, я не готова жить с мужем по разные стороны.

О, ещё пару месяцев назад я бы ухватилась за возможность сбежать от Читтапона Ли. Но с тех пор всё изменилось.

– Муж кореец, да ещё и звезда мирового масштаба. Судя по всему, вы совсем недавно женаты. Но только представь, что произойдёт спустя пару лет. Он будет купаться в славе. А раз замахнулся на Америку, то от поклонниц не будет отбоя. Впрочем, его будут окружать женщины постоянно. По корейским меркам он смазливый, а для таких любовь, знаешь ли, не вечна. Что будешь делать ты, пока он разъезжает по миру с гастрольями?

Машинально пожала плечами, не отрывая взгляда от Чита, извивающегося на сцене.

– Ты будешь его ждать и сходить с ума от ревности, – сказал Ричард, затем взял легонько за подбородок и развернул моё лицо к себе. – Разве эта красота должна пропадать даром? Почему бы тебе тоже не работать, как он? Не верю, что дочь талантливой Нолы плохо поёт. Что ни говори, но я не поверю. – Ричард снова приобнял меня за талию. – Не нужно давать ответ сию минуту, Элора. Просто обдумай моё предложение. Вы очень интересная пара, но такая любовь не длится вечно, если не питать её. Однажды ты это поймёшь. Вот тогда я буду тебя ждать с распростёртыми объятиями.

Моё намерение оттолкнуть Ричарда было прервано резким толчком Чита. Увлёкшись разговором, я и не заметила, как выступление Чита подошло к концу. Он смахнул руку продюсера с моей талии и наставил на него палец. Как я говорила раньше, Чит не был качком, он выглядел атлетичным, но при этом тощим. А вот Ричард имел хорошие бицепсы, и ему не нужно было снимать пиджак, чтобы это понять. Я не на шутку испугалась.

– Чит, не надо. Это друг моего отца.

Услышав это, он отступил, а когда Ричард попрощался с нами и отошёл, Чит прошипел мне на ухо:

– Никакой друг твоего отца не имеет права лапать мою жену.

– Вот как? – я пошла в наступление. – А все эти танцорки имеют право лапать тебя на сцене и... – О, я представила, как они часами всё это отрабатывали и почувствовала злобу. – И когда я жду тебя дома, ты с ними обнимаешься под предлогом «мы же танцуем».

Чит ничего не ответил, только поджал губы. Остаток вечера с нами был Вон, поэтому не было шанса припираться. На улицу к журналистам мы выходили держась за руки. А в машине спор продолжился. И Чит был прав, моя ревность ничто по сравнению с тем, что видел он. Но ничего не могла с собой поделать.

– Что он от тебя хотел?

– Предлагал контракт.

– Я надеюсь, ты не думаешь принять предложение.

– А что, если приму? – дразнилась я. – Может, я наконец нашла выход из нашей ситуации.

– Ты сейчас не серьёзно, – Чит хмурился. Я видела, как потемнело его лицо, а глаза грозно блеснули. «Гнев ему к лицу. Просто удивительно, как некоторым мужчинам сердитость придаёт сексуальности», – подумала я, подавив улыбку.

– А почему это тебе можно, а мне нельзя? С самой первой встречи ты указываешь мне что делать, издеваешься, дразнишь. Я тоже хочу хоть раз загнать тебя в тупик. Ты ведь работаешь, находишься в постоянных разъездах... со своими танцорками. А я должна молча дожидаться тебя дома, разделяя часы с преподавателем по корейскому языку? Не для того меня растила Нола! Вот и подумай, как мы будем жить, если я приму предложение Ричарда Колона.

– Ты его не примешь.

– Ну, так заставь меня! Давай! Не в первый раз ты ставишь мне условия, словно я игрушка какая-то.

Воцарилось молчание. Водитель съехал с Бруклинского моста, до отеля оставалось несколько миль.

– Что? Почему замолчал? Тебя устраивало держать меня взаперти? Так не пойдёт, дорогой. Раз уж женился, тогда давай по-честному. Мне тоже неприятно видеть тебя среди кучи танцующих корейнок, которые щупают тебя или которых ты придерживаешь за подбородок.

– Глупо ревновать к моей работе, – усмехнулся Чит, и я почувствовала иронию.

– В нашем браке всё глупо, вплоть до идиотской любви, – прошипела я, и тут же была схвачена за запястья и прижата к сиденью.

Водитель заволновался, попросил Чита успокоиться, но тот не слушал. Его взгляд прожигал меня насквозь. Он так и кипел бессильной злостью.

– Повтори, что ты сказала.

Теперь на моей шее вздулись вены, мускулы напряглись.

– А что нет? Любовь для тебя игра.

– Нет, чаги, – рычал он, вдавливая меня в сиденье.

– Игра! И не отрицай это, – на глаза навернулись слёзы, и не от того, что он делал мне больно, сжимая запястья, а потому что собиралась озвучить горькую правду, в которую не хотела верить, но по сути, Ричард открыл мне глаза. – Вчера утром ты чётко это определил. Сначала нашёл забаву: поже нимся с этой дурочкой и что же будет? При этом ты, глядя мне в глаза, признавался в любви. Ты был таким ласковым, мурлыкал такие милые слова... Ах! Теперь ждёшь, пока я скажу, что люблю, чтобы удалить меня из своей жизни. Я буду страдать, а ты упиваться своей победой.

– Нет!

Водитель снова попросил его умерить пыл. Чит продолжал держать меня скованную его крепкой хваткой. Я чувствовала, как неистово бьётся его сердце. Возможно, я пере-

гнула палку, но не отступлюсь.

– Но вот что я тебе скажу: я не дам тебе такого счастья. Никогда ты не услышишь от меня признания, потому что я никогда не поверю в искренность твоих чувств! – выпалила я, а когда поняла, что Чит ошарашенный моей речью, расслабился, дёрнулась, взвизгнув: – Отпусти меня!

Испуганный водитель был вынужден вновь повернуть к нам голову. Чит на него крикнул. Я не совсем поняла, из-за чего, почувствовала только, как переднее колесо машины на что-то наехало. Успела заметить ужас в глазах Чита, а потом мы врезались в стену здания.

Рука Чита всё ещё сжимала моё запястье. Я подняла глаза. Он смотрел на меня и, кажется, прошептал: «Люблю тебя, чаги»...

Вмиг всё закружилось, а потом потухло, словно лампочка перегорела. Только я уже ничего не чувствовала. Даже руки Читтапона...

~~~

Вон шёл по пустому коридору больницы, держа у уха телефон.

– Да, – сухо и коротко отвечал он на вопросы Ким Руби.

– Я уже разговаривала с Марком. Всё готово.

– Конечно.

– Времени прошло достаточно. Понимаешь, о чём я?

– Да, Ким. Понимаю.

– Ты должен быть сильным. У нас всё получится.

– Не сомневаюсь.

Он остановился и, упираясь одной ладонью в стену, склонил голову. С большим трудом он подавил комок, сделал глубокий вдох, затем облокотился на стену спиной, глаза закрылись. Голос Ким звенел, как изысканная хрустальная роза.

– Вон? Ты слышишь меня?

– Да.

– Сейчас. Слышишь? Сейчас самое время...

17.

В голове мелькали картинки жуткие до невозможности, и я чувствовала, как проваливаюсь в глубокую яму. Вокруг непроглядная темнота, а я лечу вниз, в неизвестность. Не хочу, кричало всё моё нутро. Когда страх сделался невыносимым, я распахнула глаза, как будто включила лампочку. Видение исчезло, но там, где я находилась, было не слишком светло.

Свет шёл откуда-то сбоку. Сначала я лежала неподвижно, прислушиваясь к своему телу. Тупая боль в голове вызывала неприятные ощущения. Руками и ногами я могла шевелить. Потом обнаружила в вене иглу, и сердце забилося чаще. Я в больнице.

Покрутив головой, я только убедилась в этом. Из глаз покатались слёзы, проделывая дорожки до самой шеи. Память вернула мне день, когда случилось несчастье. Я понятия не имела, сколько часов прошло, но чувствовала себя неплохо, если не считать слабость и боли в некоторых местах.

Где Читтапон?

Заставила себя приподняться на локтях и тут же увидела ночное небо в окно. Из коридора не доносилось ни звука. Во рту пересохло, но не воду я собиралась искать, а мужа. Я должна была убедиться, что с Читом всё в порядке. Для этого я села и выдернула иглу. Пальцы дрожали, но я не обращала

на это внимание.

Едва ступила босыми ногами на пол, как подогнулись колени. Пришлось идти по стеночке, чтобы выйти в коридор. Они вряд ли далеко его положили, если он вообще пострадал.

Я ходила от палаты к палате, вглядывалась внутрь, пытаясь узнать в лежащих больных своего мужа. Голова налилась свинцом, меня подташнивало. Из груди готовы были вырваться рыдания. Я его не находила. Но если бы он не пострадал, то уверена, сидел бы у моей постели.

– Чит, – вырвался хрип, и я закашлялась.

Послышались шаги. Они приближались очень быстро, я отшатнулась, а потом увидела доктора и бросилась к нему.

– Скажите, что с моим мужем. Где он лежит? Я хочу к нему, – я плакала и дёргала доктора за лацканы больничного халата. – Пожалуйста, я хочу его увидеть.

– Вам нельзя вставать. Вернитесь, пожалуйста, в постель. Вы ещё очень слабы и можете нанести вред своему здоровью.

– Я просто... хочу знать, что с моим мужем. Пожалуйста.

– Хорошо. Я из другого отделения, но обещаю, что сейчас немедленно всё узнаю и сообщу вам. Как вас зовут?

– Элора. Э... Элора Бессон. Мой муж кореец, вернее... неважно. Пожалуйста...

Он завёл меня в палату и помог забраться в постель. Я сразу почувствовала облегчение.

– Обещайте, что не встанете. Я скоро вернусь.

– Я буду ждать, доктор. Спасибо. И... – сказала я, когда он хотел выйти. – Можно воды?

Не говоря ни слова, он поднёс мне стакан с водой и придержал голову, пока я пила. Приятный молодой человек с привлекательной ямочкой на подбородке. Наверное, он совсем недавно стал врачом. В его глазах отсутствовала холодность, присущая докторам. Он накрыл меня одеялом и пообещал вернуться быстро.

Добрые полчаса я боролась со сном и злилась, потому что доктор забыл о своём обещании. *«Если он сейчас не придёт, я снова встану и пойду искать Читтапона»*, – подумала я.

Когда доктор наконец вернулся, я постаралась придать лицу спокойное доброжелательное выражение и даже улыбнулась.

– Я дождалась вас...

– Элора, вы помните, что случилось?

– Да. Мы попали в аварию, врезались в стену. Но я чувствую себя лучше, ведь иду на поправку, верно?

– Да, – кивнул врач с непроницаемым лицом.

– А... вы же узнали, как мой муж?

– Водитель автомобиля погиб, – сказал доктор, его руки что-то перебирали в карманах халата.

Вошла медсестра. В тот момент моё сердце готово было вырваться из груди.

– А... мой муж?

Медсестра готовила шприц.

– Сначала я сделаю вам укол, Элора.

– И я усну? – я спрятала руки. – Нет. Сначала скажите.

– Укол успокоит вас. Поймите, Элора, вы ещё в том состоянии, чтобы...

– Чтобы что? – всплыла я, чувствуя как щёки наливаются жаром. – Вы говорите, что водитель погиб, но ещё не ответили на главный вопрос. Что с ним? Не томите.

Врач принял шприц у медсестры и протянул руку.

– Я скажу.

Поняв, что врач упрямее меня, позволила ввести в вену лекарство, затем плавно опустилась на подушку. Рука доктора легла мне на лоб, сухая и тёплая. От неё пахло антисептиком.

– Вашего мужа пытались спасти, Элора, но, к несчастью, им это не удалось.

– Он... – задохнулась я.

Пробился тоненький всхлип, а следом в диком вопле выплеснулась боль. Я и сама испугалась собственных эмоций. Грудную клетку жгло, лёгкие надрывались от спазмов.

Я не могла его потерять. Не могла.

«Люблю тебя, чаги»...

А я не успела сказать о своей любви. Не захотела...

~~~

В следующий раз я проснулась утром, и рядом с кроватью стоял Вон в чёрных брюках и белой с серебряными вставками куртке.

Как только осознала, где нахожусь, подумала, что мне приснился кошмар. Не было никакого доктора и медсестры со шприцем. Чит жив, и об этом мне скажет Вон. Ведь он здесь для этого.

– Мне позвонили и сказали, что ты очнулась, – сказал он без улыбки.

– Вон, – прошептала я, – мне приснился ужасный сон, будто в этой аварии Читтапон погиб. Это ведь неправда?

Он не сводил с меня взгляда, смотрел так пристально, что это пугало меня.

– Он жив, да?

– Нет, Элора. Прости...

Меня с новой силой захватили рыдания. Вон бросился ко мне, взял моё лицо в свои ласковые ладони, поцеловал в лоб, в щёки.

– Тихо, Элора. Тихо, девочка... я рядом, слышишь? И буду с тобой. Пожалуйста, не плачь. Мы слишком долго боролись за твою жизнь.

Мои глаза застыли на его лице, которое было очень близко сейчас. Я чувствовала его боль, потерянность и даже страх, но мне было хуже. Сердце тяжёлое, камнем лежало в груди.

– Как долго, Вон? Только говори правду.

– Мне нет смысла лгать тебе. – Большими пальцами он вытирал мои слёзы, нежно, неторопливо, так, будто хотел стереть вместе со слезами мою боль утраты. – Ты была в коме, Элора. Неделю назад вышла из неё, но врачи, опасаясь

за твоё здоровье, кололи тебе лекарства, от которого ты постоянно спала. Я приходил сюда каждый день, был рядом... особенно в первые ночи, – он сделал попытку улыбнуться, но быстро спрятал её, – меня выгоняли, а я возвращался.

Меня мало волновало то, что только что говорил Вон. В мозг въелось только одно слово.

– Неделю назад? Сколько же я пролежала в коме?

– Чуть больше месяца, – со вздохом ответил Вон и выпрямился. – Что-нибудь хочешь?

– Хочу, чтобы ты объяснил. Уже январь? А... Рождество? А мои родители, брат... Они в курсе?

Он покачал головой, что означало «нет».

Я слегка приподнялась, Вон поправил подушку, помог мне усесться. Слезы мои ненадолго высохли, но рыдания могли вырваться в любой момент. Я держалась, как могла.

– Их дочь, сестра в коме, а вы не сообщили? Как это понимать?

– Понимаешь, погиб знаменитый певец. Мир пока ни о чём не догадывается. Ду Хён «по личным обстоятельствам отправил Читтапона Ли в творческий отпуск». Он пока не готов сообщить эту ужасную новость поклонникам. Чтобы не давать огласки, я лично написал твоим родителям с твоего телефона, что возникли дела, и вы с Читтапоном улетели на острова отдыхать. Я... переписывался с твоим братом. Потом считаешь переписку и убедишься, что они за тебя спокойны. Могу привезти телефон завтра утром, если хочешь.

Я слушала Вона и не могла поверить собственным ушам, хотя умом понимала, что мой отец мог бы легко поступить так же, как и Марк. Обняв себя руками, я закрыла глаза.

– Когда похороны?

Молчание.

Я открыла глаза.

– Вон? Я вопрос задала.

– Читта кремировали в Тайланде. Его отец развеял прах над...

Жестом заставила его молчать. Судорожно сглотнула, приказывая себе не плакать сейчас. Человек, который любил меня, которого любила я... трогала, ощущала его тепло, внимала поцелуи, слышала бархатный голос... человек, который улыбался мне, брал меня за руку... превратился в пепел? Просто исчез? Был и нет. Был. И нет.

– Уходи, – прошептала я.

– Элора...

– Уходи, Вон. Оставь меня наедине с моим горем. Всё, что у меня есть теперь, это мои воспоминания. Оставь меня с ними. Уходи.

Постояв с минуту, Вон двинулся к двери.

– Я завтра приду, – сказал он, но моего ответа не дождался.

Как только осталась одна, разревелась, как никогда в своей жизни. Мой вой услышали медсёстры, врач им велел сделать укол. Славно! Я снова ушла в забытьё.

~~~

Ко мне зашёл доктор Джона Марс – тот самый врач, который сообщил мне плохую новость, когда я поймала его в коридоре – и с улыбкой признал, что я выгляжу намного лучше.

– Слышал, тебя отпускают домой.

«Домой». Где только теперь мой дом?

– Да. Я, признаться, устала лежать целыми днями в постели. Последние пять дней стали невыносимыми. Лекарства, лекарства, лекарства, – пожаловалась я.

Доктор Марс заглядывал ко мне почти каждый день. Все семь дней он переживал, пытался подбодрить меня. Я уже знала, что он акушер-гинеколог и работает в другом корпусе, в отделении гинекологии, но не ленился прогуляться до моего отделения. Однажды принёс мне незатейливую кнопочную игрушку поп-ит, чтобы я время убивала. И действительно, она меня забавляла.

– Я пришёл попрощаться и пожелать тебе всего хорошего.

Спрятав взгляд, я улыбнулась. Сказать было нечего, ибо хорошего в моей жизни уже не будет. Всё самое хорошее я потеряла и винила себя за эгоизм. Если бы я не устроила в тот вечер разборки, водитель бы не отвлёкся, и Читт был бы сейчас со мной.

В палату зашёл Вон с широкой улыбкой.

– Карета подана, моя принцесса! – воскликнул он, а потом заметил Джона. Тот смешался, махнул мне рукой и вышел. Вон проводил врача ревностным взглядом, затем подошёл ко

мне. – Насколько мне известно, у тебя другой лечащий врач.

– Да, это был Джона Марс, гинеколог.

– О.

– Да, – я мило улыбнулась, пересаживаясь в инвалидное кресло, – а ты что подумал?

– Ничего.

Стоял конец января, а значит, погода в Нью-Йорке была самая зимняя. На земле лежал снег. Вон привёз мне шубку, которую явно сам покупал. Оказавшись на улице, вдохнула свежего воздуха и некоторое время стояла, наслаждаясь свободой. Больничная атмосфера давила на нервы. Моя психика была не стабильна, я могла разреветься без причины. Когда Вон принёс мне телефон, я начала смотреть все видеозаписи с Читтом, и каждый раз редела навзрыд. Догадавшись в чём дело, врачи отобрали у меня мобильник. Это было мудрое решение, я не винила их. Только так я смогла прийти в себя.

В машине Вон снова отдал мне телефон.

– Врачи посоветовали удалить все фотографии и видеозаписи с Читтапоном. Я не осмелился.

– Спасибо. – я взяла мобильник и спрятала в сумке. – Правильно сделал. Я не хочу его забывать. И потом, я всегда могу залезть в интернет. Хорошая машинка. Напрокат взял?

Вон улыбнулся, обрадовавшись моему интересу. А я всего-навсего себя отвлекала.

– У знакомого попросил. Если бы ты не была напичкана лекарствами, я позволил бы тебе сесть за руль, вспомнить

старое.

Мы посмотрели друг на друга.

– Нет у меня желания гонять по городу. Давай, вези меня куда-нибудь.

Мы приехали в отель. Вон помог мне лечь в кровать. Я была ещё слаба и ходила с трудом. В аварии пострадали некоторые внутренние органы, на левом боку до сих пор не прошли гематомы. Врач признался, что я перенесла две операции на правой ноге. В данный момент моему здоровью ничего не угрожало, я вполне могла управляться самостоятельно, но двигалась всё равно мало.

В холле гостиничного номера я встретила с собственным отражением. Увидев бледную, похудевшую до неузнаваемости девушку, тяжело вздохнула. Вон встал за моей спиной, коснулся моих плеч руками, затем поцеловал в висок.

– Побольше ешь и вскоре вернёшь фигуру. Ты по-прежнему красавица.

Махнув на него рукой, пошла в спальню.

Некоторое время Вон сидел со мной, а когда заметил, что меня клонит в сон, засобирился.

– Я тоже живу в этом отеле. Если что-то понадобится, звони в любое время, я тут же приду.

– Не волнуйся. Со мной всё будет хорошо, – пообещала я, держа его за руку.

– Ладно. Завтра утром зайду, вместе позавтракаем.

– Договорились. Будешь откармливать?

Его губы расплылись в улыбке.

– Конечно! – затем поцеловал в лоб и ушёл.

А я, свернувшись калачиком, представила, что нахожусь в объятиях Читта, и так уснула.

~~~

Пока чистила зубы, мой телефон дважды звонил. Подумав, что кроме Вона мне никто не может звонить, не стала нестись сломя голову. В конце концов я могу перезвонить ему. И каково же было моё удивление, когда на экране высветился номер Ричарда. В тот вечер он подошёл ко мне ещё раз, чтобы заставить меня записать его номер. Я внесла его в список контактов, чтобы отстал. Откуда у него мой номер, оставалось лишь догадываться.

Я и не думала перезванивать. Из-за этого человека я потеряла любимого мужа.

Вон зашёл за мной в десять. Я надела новый фиолетовый свитер и чёрные брючки. Волосы завязала в хвост. За месяц они стали совсем безжизненными. Русые корни проступили, нужно было снова обесцвечиваться, а мне пока было не до салонов.

Вон, как всегда, был сильным: чёрная кожаная куртка, джинсы, а под курткой полосатый джемпер. Кольца и цепи – всё при нём.

Я не отвергла его руку, потому что так было легче передвигаться. Завтракали мы в ресторане отеля и говорили на отвлечённые темы. Я спросила, как идёт его карьера, и он с

удовольствием поделился своими успехами в работе.

Мой телефон снова зазвенел, и Вон напрягся, видя мой угрюмый вид.

– Кто это?

– Да так... не важно.

Звонок от Ричарда повторился ещё два раза, когда я осталась одна в номере. А на третий раз я ответила.

– Что вам нужно? – рявкнула в трубку.

– Я уже не надеялся на твой ответ, Элора. Решил понадождать. Прошло много времени, а ты так и не дала ответа.

– И не дам. Забудьте, хорошо? У меня нет желания строить карьеру певицы. Поищите себе более достойных, – и не дожидаясь ответа, отключила звонок.

Вечером попросила Вона сменить мне номер. Родные найдут меня в интернете. Зато такие, как Ричард, не станут беспокоить. Вон с удовольствием выполнил мою просьбу.

Всю следующую неделю он был внимателен ко мне, старался часто приходить, разговаривал со мной, выводил на прогулки. И хотя я поначалу упиралась, мне понравилось гулять по зимнему Нью-Йорку. Моя боль, благодаря Вону, слегка притупилась. Нет, я всё ещё оплакивала Читта, по ночам я особенно страдала, но днём Вон не позволял мне раскисать. Как ни печально это осознавать, но в данной ситуации у меня был только Вон.

Как-то вечером я лежала на заправленной кровати, смотрела новости на ютубе. Ду Хён до сих пор не объявил Читта-

пона погибшим, и это напрягало меня. Почему он лжёт поклонникам звезды? Это же нечестно! В их бизнесе постоянно лгут. Жену скрыли. Теперь и смерть прячут.

Стук в дверь отвлек меня от возмущённых мыслей. Открыв дверь, я поприветствовала Вона. Сегодня он был яркий: белые джинсы, мятная рубашка. Потом выяснилось, что он с мероприятия.

– Что-нибудь выпьешь?

– Нет. Элора, я пришёл поговорить. На самом деле мне нужно было сделать это в самом начале, но я решил подождать, когда ты достаточно окрепнешь.

– О чём пойдёт речь? – спокойно спросила я.

– О наследстве Читта.

Я села, сложив руки на коленях. Вон присел передо мной на корточках и накрыл мои руки своими.

– Ты хотела бы вернуться в Сеул?

– Нет, – энергично замотала головой. – Там всё будет напоминать о нём. Это... слишком больно. Я хотела бы вернуться домой в Орландо, но не могу из-за вашего вранья.

– К сожалению, Читт не успел вписать тебя в завещание. Наследство получили его родители.

– Мне ничего не нужно, – глотая слёзы и всхлипывая, сказала я. Кто бы мне мужа вернул! К чему мне его вещи?

– Марк выставил на продажу виллу. А тебе на счёт перевёл неплохую сумму. Я подумал, может подыскать тебе на время квартиру здесь, в Нью-Йорке?

– Это хорошая мысль, – сжала его руки. – А ты?

– Пока у меня здесь есть работа, не брошу тебя. Потом решим, как быть дальше.

В его заботе обо мне было столько нежности, что я, не сдержав эмоции, упала на колени, крепко обняла его и заплакала. Без Вона я бы ни за что не справилась.

18.

– Ким, я не могу.

– Ты сделал большое дело, Вон! Не распускай нюни только.

– Она так страдает.

– Хочешь сказать, ты не можешь её утешить? Не будь слабаком, Вон! Я же для тебя стараюсь! Ты добился того, что она не вернётся в Сеул, и я тебя за это ценю. Теперь бери быка за рога и... ой, прости, бери вдовушку и сделай её снова счастливой. Только не вези её в Сеул. Убью на месте!

– Никогда тебе этого не говорил, но ты чокнутая.

– Какая есть.

~~~

Вновь поругавшись с Дэниелом из-за того, что тот взял без спроса машину и умудрился её ударить, Корбин пребывал в ужасном настроении. Он спускался по лестнице, намереваясь отвезти побитую машину к механику, а затем хотел встретиться с Заком, но мать перехватила его на полпути. Нола была взвинчена, махала перед сыном своим мобильником, оставляя при этом шлейф своих цветочных духов.

– Тебе не кажется, что у Элоры отдых затянулся? Не звонит, не пишет уже несколько недель. Зима заканчивается, а я её голоса не слышала.

– Так позвони ей сама, в чём проблема?

– Так я звоню. Все возможные её номера недоступны. И хотела ведь взять номер у Читтапона, всё оттягивала.

– Мам, – Корбин прищурил один глаз, – с каких пор ты так переживаешь за Элору? Она вышла замуж, теперь у неё действительно своя жизнь. Мы давно ушли на второй план.

– А ты с каких пор перестал о ней беспокоиться? – парировала Нола.

– А я с ней переписываюсь время от времени, вот и спокоен. Кстати, через интернет можно тоже позвонить, ты не знала?

Хмыкнув, Нола полезла в свой телефон. Корбин хотел было проскользнуть мимо и исчезнуть, но был остановлен громким «Стоять!». Мадам Нола изъявила желание связаться с дочерью при Корбине. Тот не был этому рад, но с другой стороны, тоже хотел услышать голос сестры.

Пошли гудки. На четвёртый Элора ответила уставшим голосом:

– Да, мама?

– О. – Нола была слегка озадачена. – Ты спишь или Читтапон тебя замучил? Мало того, что на Рождество даже открытки не прислала, так теперь не звонит. Совсем родителей забыла!

Корбин слегка нахмурился, когда услышал, как сглотнула сестра, а следом сделала глубокий вдох.

– У... у меня всё хорошо. Да, мы спали. Как у вас дела? Как папа?

– Ты слышала мою новую песню? Видела видеоклип? Я в восторге! Интересно твоё мнение, дорогая.

– Ты, как всегда, на высоте, мам. Потрясающая песня, слушаю её каждый день.

– Спасибо, любимая, – просияла Нола. – А отец твой в Канаде. Когда вообще он бывает дома, скажи?

– Папа много работает, ты же сама это прекрасно знаешь.

– Нет, ты слишком уставшая. Такое ощущение, что на тебе весь месяц воду возили, и ты говоришь на последнем издыхании.

– Просто я соскучилась, – Элора всхлипнула. – Как братья мои поживают?

– Ой, эти не могут жить дружно! Представляешь, Дэниел вчера разбил машину Корбина, устроили драку, как дети малые!

– Не пугай Элору, мама! – влез Корбин. – Не «разбил», а стукнул. Ему вообще опасно в общество выходить. Привет, сестрёнка! Мама права, ты как-то вяло разговариваешь.

– Говорю же, спала. Корби, не обижай Дэниела. Его всё равно не исправить.

– Вот и я говорю: какой смысл в этих драках? – закивала рыжей головой Нола.

– Мы не дрались, – вздохнул Корбин, – а повздорили, потому что человеку уже двадцать три года, а разрешения просить не научился.

– Мне пора, – тихо сказала Элора. – Люблю вас и целую.

Нола была слегка ошарашена резким завершением разговора. Убрав телефон, она хмыкнула.

– Странная какая-то.

– Просто спала, – сказал Корбин, а сам задумался. Он не верил в то, что Элора плакала лишь из-за того, что скучала. Как и не верил в то, что она только проснулась. Сестра давно ведёт себя не так, как раньше. Она что-то скрывает. Снова.

Механик отменился. Корбин напрямиком поехал к Заку.

~~~

Попрощавшись с мамой и Корбином, я почти задохнулась от плача. Нола застигла меня в тот момент, когда я просматривала выступления Читта на ютубе. Глаза были на мокром месте, а услышав родные голоса, совсем раскисла.

Вон помог мне снять маленькую квартирку в центре Нью-Йорка, в престижном районе, с двумя спальнями, отдельным санузелом и студией. Когда он привёл меня сюда впервые, я сразу сказала «да» и даже предложила Вону занять вторую спальню, но он отказался.

Восстанавливая здоровье, я днями напролёт проводила за компьютером: читала или смотрела новости, изредка фильмы, читала книги, а когда становилось совсем тоскливо, открывала галерею с фотографиями Читтапона. Гулять выходила только за покупками или вместе с Воном. В последние две недели он был очень занят работой, поэтому уделял мне минимум времени. Мы могли поужинать вместе, после чего он ехал к себе в отель. Мне нравилось уважение, с которым

он относился ко мне. Ни разу Вон не заставил меня нервничать или переживать. Если мы говорили о Читте, то вспоминали самое лучшее. Я очень любила говорить о нём. И Вон широко улыбался, когда я рассказывала забавные истории.

Мне сложно было вспомнить, чего Читт не знал и чего не умел. Он был умным и талантливым. Танцы и пение – это лишь малая часть того, что он умел. Он прекрасно играл в баскетбол, умел вертеть мячик на пальце; он увлекался вейкбордингом и даже пытался научить меня ещё в Тайланде. Я рассказывала Вону, как смешно выглядела, падая в воду. А Читт был прекрасен во всём. Он знал несколько сложных языков, легко решал любые кроссворды. А ещё он очень любил кушать. Он ел много и требовал полноценные завтраки с кимчи и супом с яйцом и водорослями. Он любил маринованных угрей и лапшу. Он смешивал яйца с рисом и, легко орудуя палочками, просто заглатывал еду, едва прожевав. При этом Читтапон не полнел. Он много двигался и учил движению меня.

Я могла бы многое о нём рассказать и никогда не устану. Только Вону не всегда было приятно слушать о моей любви к Читтапону, поэтому я закрывала тему.

До самого вечера я промаялась, не зная, чем себя занять. То плакала, то просто застывала у окна. Сделала попытку позвонить Марку, но номер был недоступен. Я никогда ему не нравилась, и это понятно, ведь из-за меня Читт изменился. Из-за меня его не стало...

Вон заглянул ко мне почти в одиннадцать вечера, но я ещё не ложилась. Приняла душ, надела пижаму, но собиралась посмотреть фильм.

– Голоден? Или может чаю хочешь?

– Я поужинал, но от чая не откажусь, – ответил он, вешая куртку на крючок.

Обернувшись, я быстро оценила его чёрную рубашку и белые брюки. А потом заметила перемены во внешности. Волосы были подстрижены горшком и покрашены в пшеничный цвет. Он выглядел по-нашему стильно.

– Мне нравится твоя новая причёска, Вон.

– Спасибо. За время карьеры что только со мной ни делали!

– Розовые волосы? Как его? У Тхэ Ёна были розовые волосы.

– Нет, я в розовый волосы не красил. Голубые были, да, в одном из видеоклипов. А Тхэ Ён был и салатовым, и просто белым и каким только не был. По сути, он ребёнок.

– С чего ты взял?

– Доводилось ездить с ним и с другими ребятами за город.

Он один спать не может.

– Да ладно? – я хохотнула. – Сколько ему?

– Двадцать пять.

– И он боится спать один? – и я расхохоталась, когда Вон кивнул. – Поверить не могу!

– А ещё он может чистить зубы и уснуть на целых трид-

цать секунд. А потом резко, как по щелчку, очнуться и продолжить чистить зубы.

Я покатывалась со смеху. Вот бы не подумала! Но вдруг рука Вона оказалась поверх моей.

– Расскажи, лучше, как провела день.

– Э... ничего особенно, – поднявшись, начала суетливо убирать кружки со стола. – Хочешь посмотреть со мной фильм?

– Пожалуй, хочу. Мне необходим отдых.

Мы устроились на диване перед большим телевизором. Я достала всякие разные снеки и колу. С моего разрешения Вон снял с себя рубашку и остался в одних брюках. Меня не смутил обнаженный торс парня, даже внимания не обратила... в первые минуты просмотра. А потом я стала остро реагировать на соприкосновения моей руки с его кожей. Но это продлилось недолго, я вникла в сюжет фильма и больше не думала о Воне рядом с собой. Он, в свою очередь, разлегся, широко расставив ноги, и скучающим взглядом смотрел на экран.

Фильм оказался очень грустным. В голову снова полез Читтапон, и я прослезилась. Потом вдруг сказала:

– Мама с братом звонили.

Вон повернул голову и внимательно посмотрел на меня. Его лицо не выражало эмоций, он просто ждал.

– Мне было трудно с ними говорить. Мама упомянула Читта, говорила о нём, как о живом, и мне... мне... – я нача-

ла всхлипывать, и Вон притянул меня к себе. – Мне ужасно одиноко, Вон. Я хочу домой, но понимаю, что сама не смогу признаться им, что больше ничего нет... нет Читта, нет счастливого отпуска, нет...

У меня перед глазами снова встала картина того дня и Читт, который произносил свои последние слова: «Люблю тебя, чаги». Я разрыдалась, уткнувшись в плечо Вона, а потом почувствовала, как он прижимает меня к себе, успокаивая, и ещё крепче прильнула к нему.

– Я не выдержу, – сквозь рыдания простонала я. – Не выдержу... Помоги, Вон...

Нежные пальцы коснулись подбородка, Вон поднял мою голову, а в следующую секунду мы уже целовались. Я застыла, когда он медленно убрал волосы с моего плеча и провёл кончиком носа вдоль шеи до мочки уха, отчего на моём теле дыбом вставали волоски. Потом он медленно целовал каждый дюйм кожи, возвращаясь от чувствительного места к плечу. Закрыв глаза, я прислушалась к ощущениям. Со следующим глубоким поцелуем я потеряла способность сообщать.

Сегодня, я уверена, Вон делал это намеренно, вынуждая меня отбросить печальные мысли и просто раствориться в ощущениях.

Возможно, это было неправильно. Только что должно удержать меня от этих действий? Одиночество стало слишком невыносимым, а скорбь до боли пугающей, и я хотела

перестать думать, вспоминать и плакать.

В какой-то момент Вон помог мне сесть на него. Он наполовину лежал и теперь смотрел на меня снизу вверх. Протянув руки к моей шее, завёл назад, прихватив с собой волосы, и привлёк меня к себе. Мои губы раскрылись, и он тут же завладел ими.

Читтапон при этом не отпускал мои мысли. Внезапно вспомнила, как он любил сажать меня на себя и проделывать такие вещи, о которых можно только мечтать. Не знаю, что толкнуло меня, но я больше не хотела Вона. Я представила, что его руки – это руки Читта, скользящие по моей спине; пальцы Читта, не Вона, приподняли край мой шелковой рубашки и проникли в самые сокровенные места.

Через минуту я сидела без пижамной рубашки и без бюстгалтера. Вон вошёл во вкус, лаская моё тело руками и языком. А я видела Читта, отчего на душе становилось легче, словно его дух был здесь и управлял телом друга, чтобы доставить мне удовольствие.

– Тебе хорошо? – томным шёпотом спрашивал Вон.

– Да, – отвечала я, требуя новых поцелуев, пытаюсь не думать о полных губах Вона, потому что у Читта губы были тонкие и практически не ощущались при поцелуе. В данном случае я чувствовала разницу, но усиленно отвергала её.

Аккуратно взяв меня за бёдра, Вон подсадил меня на свой торс. Мои ноги обвили его, словно вьющееся растение. Он отнёс меня в спальню и положил на кровать. Машинально

прогнулась, сомкнув веки, а через секунду почувствовала вес его тела на себе. Не отрываясь от моих губ, он избавлялся от оставшейся одежды.

А я приговаривала про себя: «*Это Читт. Это Читт. Сейчас я люблю его, и плевать, что тело чужое*».

Вон не торопился. Взял одну мою руку, вытянул, прижал к подушке, следом вторую. Открыв на мгновение глаза, я увидела, как он смотрит на меня.

– Всё будет хорошо, Элора, – проговорил он и вошёл в меня.

В этот момент из моего горла вырвался не то стон, не то лёгкий выдох.

«*Читт*», – заставляла себя поверить в свою собственную реальность. И поверила. Настолько сильно поверила, что освобождаясь, выкрикнула его имя.

– О, Читт!

И открыла глаза, понимая весь ужас произошедшего.

С минуту Вон смотрел на меня, потом сделал очень резкое, злое движение. Лицо его исказилось обидой и ненавистью. И если бы он не сжимал мои запястья, я бы оттолкнула его, но я позволила ему кончить. После этого быстро вылезла из-под него и убежала в ванную.

~~~

Прохладная вода охладила мой разум. Какая же я дура! Зарылась в своё горе настолько, что вытворила такую глупость! Как Вону теперь в глаза смотреть? Я боялась выходить

из ванной минут двадцать.

Приняв душ, я сделала глубокий вдох и вышла. Пока мылась, придумала, как буду извиняться.

Только извиняться было не перед кем.

Простыни на кровати по-прежнему были смяты. Брюки моей пижамы с нижним бельём лежали на полу. В студии на экране телевизора шли титры. Свет горел только в спальне и в прихожей. Одежды Вона я не обнаружила, как и самого Вона. К горлу подступил комок. А как всё хорошо начиналось!

Облачившись обратно в пижаму, я попробовала позвонить Вону. Он не отвечал.

Чертыхаясь и проклиная себя на чём свет стоит, написала сообщение: «Прошу, прости меня. Вырвалось случайно. Я не хотела».

Вон не ответил ни вечером, ни утром. К обеду его номер был недоступен. Расстроившись, я оделась, вызвала такси и поехала в отель, где он жил. Мы должны были поговорить. Нельзя было оставлять это так. Но в отеле мне сказали, что Вон рано утром съехал. Что было со мной в ту минуту, трудно передать словами.

Я долго бродила по городу, думая, что же я сделала Богу, что он решил так жестоко меня наказать. Последний год моей жизни казался сном, длинным и нереальным. А ведь третьего января мне стукнуло двадцать. В тот момент я была в коме. Уж лучше там и оставалась...

Вернувшись домой, мой взгляд сразу же столкнулся с от-

ражением в зеркале, но не на него я смотрела, а на слова, нацарапанные моей же губной помадой:

«ПРОЩАЙ, ЭЛОРА».

~~~

Сеул, Республика Корея

Тхэ Мин всегда был сентиментальным, а сейчас стал невыносимым. Из аэропорта, не отдохнув, Вон примчался к другу, а тот без остановки плачет. Ну, сколько можно?

Лёжа в кресле, Вон выслушивал его нытьё.

– Как же так, как же так? Я до сих пор поверить не могу...

Это она убила его!

– Не говори чушь.

– Она! Элора эта! Никогда она мне не нравилась. Уверен, он спровоцировала аварию.

– Какая ей от этого выгода? – вздохнул Вон, глядя на экран телефона.

– Ответь. Кто-то звонит.

Звонила Ким и при Тхэ Мине говорить с ней Вон не мог. Перед отъездом Вон написал, что возвращается в Сеул и пообещал, что у Элоры духу не хватит ехать сюда вслед за ним. А сам уже подумал, что после того, как он непорядочно поступил, она вряд ли захочет ехать в Сеул. Если Элора себя уважает, то возненавидит его. Какое счастье, что она сама помогла ему побыстрее разделаться с их отношениями. Было неприятно, но Вон мог всё пережить. От приза он отказался добровольно, потому что больше не мог играть с её чувства-

ми.

– Да ответь же ты! – нервничал Тхэ Мин, затем, всплеснув руками, вышел на улицу.

Не теряя времени, Вон ответил на звонок.

– Я думала, ты спишь. Хотела приехать, чтобы разбудить парой ударов подушкой. Какие новости ты мне расскажешь?

Пройдя к окну, он наблюдал, как Тхэ Мин пинает газон и содрогается от плача.

– Я оставил Элору в Нью-Йорке.

– Вау. А как же твоя любовь?

– Нет никакой любви, Ким! Так... увлечение. Да и не мог я закрутить с ней роман, тогда бы пришлось везти её в Сеул. Пусть страдает в одиночестве. Уверен, скоро она вернётся в Орландо к родным и забудет нас.

– Уверен, что она не решит заявить права на наследство?

Тхэ Мин присел у края бассейна, умыл лицо и встал.

– Уверен. – Вон отвернулся от окна. – Она сказала, что ей ничего не нужно. Желаю удачи, Ким. Моя роль на этом закончена.

Отключив звонок, Вон обернулся. В комнате стоял ошарашенный Тхэ Мин.

– Ты говорил с Ким?

19.

Босые ноги ступали легко и уверенно, совершенно беззвучно. Я шла по пустой улице. Приятный, тёплый ветерок обдувал мою кожу. Мокрый после дождя асфальт лишь слегка охлаждал ступни. Моё сердце было наполнено счастьем, ведь вокруг меня танцевал Читтапон.

Полупрозрачная фигура извивалась в немыслимых позах и, по мере того, как я шла, он менял положение. То приближался, то отдалялся от меня. Я чётко видела его красивое лицо, дотронуться до которого он не позволял.

Но вот я дошла до тупика. Дорога закончилась, и Читт остановился. Тяжело дыша, он приблизил своё лицо к моему. Взглядом описала контур его манящих губ, квадратного подбородка. Читт не произнёс ни слова, наклонился...

И я проснулась. Открыла глаза и задержала дыхание. Читт лежал рядом, оперевшись локтем в подушку, и изучал меня своим цепким и внимательным взглядом.

– Читт, – прошептала я.

Но стоило моргнуть, как его образ растворился в воздухе.

С тех пор, как Вон уехал и я осталась совершенно одна, эти сны преследуют меня. Но таких видений ещё не было. Я медленно сходила с ума.

– Я не могу больше! – простонала я и, громко рыдая, уткнулась в подушки. Но даже так его лицо не исчезало.

Стоило закрыть глаза, и я видела каждую его чёрточку, его взгляд исподлобья, слегка приоткрытые губы... но иногда мне являлась его обезоруживающая улыбка, когда любой мог сказать: «Какой же он милашка!». Я вспоминала, как рассматривала его спящего, в постели Забдиеля, бледного и беспомощного. Уже тогда мои мысли предатели отмечали его мужскую красоту. Неосознанно я млела от него, но признаваться себе не хотела. Вы что! Это же кореец! Что за идиотизм иметь принципы? Отныне я отказываюсь от собственных убеждений. Сегодня можно что-то не любить или не воспринимать, но завтра вкусы изменятся.

Проревев почти час, я уснула и проспала до полудня. Голова болела так сильно, что пришлось проглотить аспирин. Я проголодалась, но не стала ничего готовить. Вместо этого оделась и вышла на улицу. В кафе напротив заказала тайскую лапшу и салат. Стены квартиры давили на меня, поэтому после еды я пошла бродить по городу. И не заметила, как пришла к месту аварии.

Я не шла сюда специально. Поэтому когда увидела знакомую стену здания, замерла и долго на неё смотрела.

Потом подошла ближе и начала воспроизводить последние минуты перед ударом. Водителя раздавило вместе с креслом, потому что удар был невероятной силы. Вон сказал, что капот был собран в гармошку. Я сидела сразу за водителем, но меньше пострадала. Что меня спасло, я не знала. Возможно, крепко сжимающие мои запястья руки Читта?

А потом я подумала о том, где сидел Читт. Он сидел в самом безопасном месте. Да, при ударе, его тело рвануло вперёд и, скорее всего, он ударился головой, а потом потерял сознание. У него однажды было сотрясение. Могла та травма сопутствовать его гибели? Или же он получил другие увечья?

Любопытство понесло меня к дороге. Заприметив такси, махнула рукой. Когда машина остановилась, я села на заднее сиденье и сказала:

– Отвезите меня в больницу Леннокс-Хилл, пожалуйста.

Пока я не знала, что мне это даст, но я хотела выяснить, от чего умер мой муж.

~~~

В Орландо стояла душная погода. Забдиель выдул уже две бутылки воды, но не чувствовал удовлетворения.

Эрик перезвонил, и Забдиель неохотно ответил.

– Кажется, мы всё обсудили. Тебе не нужно приезжать.

– Поздно. Чужие в аэропорту! Продам заправку и куплю в Орландо квартиру. Как тебе идея, братец?

Нервы Забдиеля сжались в тугой комок. Вот уж точно «чужой»!

– Безмерно «счастлив»! Пожалуй, забронирую для тебя номер в отеле.

В этот момент открылась дверца машины, и на сиденье опустился Кристофер. Терпеливо дождавшись, пока Заб договорит, захлопнул дверцу и вопросительно уставился на

друга.

– Эрик. Он опять тащит сюда свой зад. Есть знакомые, которые помогут быстро и – подчеркиваю – дёшево продать заправочную станцию? Так дёшево, чтобы на квартиру не хватило. Даже на бунгало в Дисней-ленде.

Кристофер хихикал.

– Как же ты его ненавидишь!

– Мне просто легче, когда он за бугром и не путается под ногами.

– Ладно, – Кристофер хлопнул друга по плечу, – посмотри, что можно сделать. Лучше скажи, звонил ей?

Последовал короткий кивок. Кристофер спрятал ухмылку.

– И?

– И ничего. Кажется, она номер сменила.

Кристофер задумался на минуту, прикидывая что-то в голове.

– Ты знаешь, где она живёт? Или, может, электронный адрес, соцсети...

– Узнать, где живет Элора Бессон, не большая проблема. Проблема случится, если я помешаю чему-то важному или создам своим появлением ей неприятности. Помню, как подвозил её, так она не позволила даже в квартал заехать. Пошла пешком. – Забдиель достал ещё одну бутылку воды. – На электронку она не отвечает. В соцсетях тоже молчит. Сообщения не просмотрены. Ощущение, что она заблокирова-

ла мои аккаунты.

Кристофер обречённо вздохнул. А Забдиель завёл мотор.

– Ладно. Пора забыть эту девочку. Поехали бронировать номер в отеле для милого моего братца-скитальца. В моей квартире ноги его больше не будет.

~~~

В окошке регистрации больницы Ленокс-Хилл вежливая медсестра попросила назвать имя мужа, затем отошла проверить информацию. Полагая, что это не быстрое дело, я отошла в сторону и неосознанно принялась разглядывать людей вокруг. В тот момент, когда взгляд метнулся на лифт, створки его раскрылись, и оттуда вышел знакомый мне доктор. Я даже не думала, что буду так рада снова видеть его. А его улыбка доказывала, что он приятно удивлён.

– Элора? Как поживаешь?

– Доктор Марс! Какая неожиданная встреча! Никак не думала встретить вас.

– Что-то случилось? Почему ты здесь?

– Я... – неуверенно помялась, думая, стоит ли беспокоить его по таким пустякам.

– Могу я чем-нибудь помочь?

Рука Джона Марса легко коснулась моего плеча, и это не ушло от моего внимания.

– Я всего лишь пришла узнать, по какой причине погиб мой муж. Не знаю... в голове не укладывается. Человек сидел в самом безопасном месте и... не выжил.

Джона Марс понял меня и попросил пару минут никуда не уходить. Я взяла кофе из автомата и села на свободную скамью. Доктор Марс не заставил меня долго ждать. Я только один глоток успела сделать, как он снова оказался передо мной.

– Ничего не понимаю, – сказал он, присаживаясь рядом, – в ночь, когда ты выловила меня, его имя было зарегистрировано. А теперь его будто стёрли со всей историей. Такого быть не должно. Истории болезней наших пациентов, сколько бы они ни продержались, после смерти отправляются в архив. Но и в архиве я его имя не нашёл.

У меня быстро нашлось этому объяснение.

– Он был знаменитостью. Его продюсер не хотел огласки. Фанаты Читта до сих пор не знают, что звезды не стало. Возможно, – мой голос дрогнул, но я договорила: – Они поменяли имя, чтобы оставить его прибытие здесь в тайне.

– Если так, то это вполне логично.

Мы выдержали недолгую паузу, я допила кофе, смяла стаканчик и выбросила. Руки не переставали дрожать. Ком в горле душил меня, но расплакаться перед доктором мне было стыдно.

– С тобой всё хорошо, Элора? – спросил доктор Марс.

– Да. Почти... – А потом призналась: – Нет. Всё плохо. Я очень тяжело переживаю смерть мужа. Живу одна и... он везде... мерещится. Везде... Во сне и наяву. Просто нескончаемый кошмар.

– Сильно его любила?

И поздно это поняла.

Не в силах сдерживаться, я расплакалась. Это и был мой ответ: так сильно любила, что сердце невыносимо болит. Я потерялась в своей жизни. Мечты и желания превратились в пыль. С той минуты, как Читтапон Ли вошёл в мою жизнь, начались перемены. А теперь, когда я готова была их принять, он ушёл... навсегда.

– Мне не к кому пойти и выговориться... простите... я...

– задохнулась от рыданий, склонившись к коленям.

Джона Марс быстро помог мне подняться и повёл к лифту.

– У тебя есть я. Пойдём в мой кабинет. Обход я сделал, поэтому есть свободное время.

Мы вошли в лифт и, пользуясь тем, что в кабинке, кроме нас, больше никого не было, доктор обнял меня. Его мягкое поглаживание по спине успокаивало. В кабинете он усадил меня на кожаный диванчик и пошёл к дальнему столику, где стоял электрический чайник.

– У меня есть чай с мелиссой, успокаивает, – сказал он. –

Где же твои родные?

– В Орландо. – С удивлением отметила, что совсем нет сил говорить. – Они – известные личности и лишний раз их не стоит беспокоить. Папа обязательно поднимет ажиотаж. А меня попросили потерпеть.

– Вот что, – Джона взял стул и оседлал его, оказавшись

при этом прямо передо мной. – Я, конечно, не психолог, но женщин хорошо понимаю, можешь догадаться. Я умею слушать, поэтому можешь выговориться и освободить душу от тяжести. Говорят, чужому человеку проще довериться. Дерзай, Элора! И без стеснений. У меня даже диванчик есть. Можешь лечь, если хочешь, и смотреть в потолок.

– Вы думаете, я...

– Зови меня Джона. И никаких формальностей, окей?

На моём лице появилась слабая улыбка.

– Окей.

И только я приготовилась рассказывать свою непростую историю жизни, как доктора Джона Марса срочно вызвали в операционную.

– Дождись меня, хорошо? Я постараюсь быстро вернуться, – сказал он, явно расстроившись из-за внезапного вызова.

Я заверила его, что никуда не денусь, после чего он ушёл.

Первые пять минут мне было грустно и скучно. Я залила пакетик с чаем из мяты кипятком, сделала глоток, затем вернулась на диван и достала телефон. Входящих звонков или сообщений не было. Я даже не знала, от кого я жду посланий. От Вона? Он исчез, использовав меня. Хотя и я тоже хороша... Не надо было называть его Читтом. Понятное дело, его мужское достоинство было уничтожено. Так мне и надо! Сама виновата.

Бестолку полазив по интернету, решила написать брату.

Написала какую-то чушь, но от неё стало значительно легче. Корбин начнёт задавать вопросы, я, конечно же, дам уклончивые ответы, однако, на душе полегчает. Как же сложно, когда родной человек не может быть рядом в трудную минуту. Невыносимо...

Задумавшись, я, наверное, уснула, потому что когда в следующий раз открыла глаза, в кабинете стемнело, а я была накрыта мужским джемпером. Подняв голову, увидела Джона, склонившегося над столом с ручкой в руке. Он что-то сосредоточенно записывал.

– Проснулась? – он улыбнулся.

– Ох, ради бога, простите...

– Элора, сон лечит, знаешь такое? К тому же я успел закончить работу. Голодная?

– Очень, – тихо призналась, затем аккуратно сложила джемпер и встала, чтобы поправить на себе одежду. Волосы разлохматились, я расчесала их пальцами.

– Передам дежурство и можем ехать. Я знаю один хороший ресторанчик. Как относишься к китайской кухне?

– Положительно. Муж возил меня в китайский ресторан...

– Давай договоримся, – он остановился передо мной, подоброму глядя в глаза, – этим вечером ты не станешь больше грустить. А для этого перестанешь вспоминать мужа. Я понимаю твоё горе и хочу помочь. Не воспринимай мою просьбу, как оскорбление.

– Хорошо, – поджав губы, проговорила я.

Через пятнадцать минут Джона отвёз меня в китайский ресторан кушать пельмешки.

~~~

Отставив бутылку с пивом, Корбин взял в руки телефон.

– Элора прислала сообщение, – сказал и нахмурился.

– Что пишет? – поинтересовался Зак.

– И вот как потом не переживать? Она просит не беспокоиться, обещает, что проводит отлично время со своим мужем и он её не обижает. А потом я получаю этот бред!

– Да что там?

Корбин повернул телефон экраном к Заку, тот взял его в руки и внимательно прочитал одними губами написанное Элорой сообщение:

**ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО У МЕНЯ БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ
ВЕРНУТЬСЯ, Я БЫ ВСЁ ТЕБЕ РАССКАЗАЛА... ТЕРПЕ-
НИЕ НА ИСХОДЕ. НАВЕРНОЕ, СКОРО УВИДИМСЯ...
ЛЮБЛЮ. ТВОЯ СЕСТРИЦА Э.**

Зак вернул Корбину телефон и был не менее озадачен.

– Разве она не писала тебе до Рождества, как счастлива с этим... корейцем или тайцем или кто он там ещё?

– Они снимали клип в Нью-Йорке. Элора обещала приехать на Рождество. Потом резко передумала, потому что её муженёк изъявил желание провести отпуск на островах. Отпуск, Зак! Я «съел» это тогда. Но после разговора с ней я уже не уверен, что всё так, как она говорит.

– Что ты имеешь в виду.

– Голос у неё был странный, потухший какой-то. Дважды она срывалась и чуть ли не плакала, потом брала себя в руки. Мама не заметила, но я уловил печаль в её голосе. Что-то происходит, Зак, и я должен это выяснить.

– Так звони ей прямо сейчас. Чего ты ждёшь?

И Корбин позвонил сестре. Только гудки шли, а Элора не отвечала. Тогда Зак посоветовал написать ей сообщение. И тот настрочил:

ЕСЛИ У ТЕБЯ ПРОБЛЕМЫ, ДАЙ МНЕ ЗНАТЬ.

Ответа не последовало. Элора была не в сети.

Настроение у парней упало. Пиво не спасало от мрачных мыслей. Потом Зак вспомнил:

– Я вчера вечером в клубе Фаррен встретил. Хм. Она обошла меня стороной, будто я был раскалённым железом, и она боялась обжечься.

Корбин невесело усмехнулся.

– И правильно. Значит, я преподал ей хороший урок. Змеюга навсегда его запомнит.

– Боюсь спрашивать, что ты с ней сделал.

– Отымел по полной программе.

– Да ну?

– Да не приведи Господь! Кого угодно только не Фаррен.

Зак откровенно смеялся.

– Да, девочка она сексуальная, но и я бы не стал с ней иметь какие-либо дела. Так что ты с ней сделал?

– Чуть не придушил.

– О как. И кто после этого тут змей? – Зак сделал глоток пива, затем добавил: – Надо было меня позвать.

~~~

Взгляд синих глаз под короткими чёрными ресницами был прикован к воде, резво плещущейся в фонтане. Сознание уходило в прошлое, а потухший взгляд красноречиво говорил, что мир его больше не интересует. Зрочки бегали туда-сюда, улавливая то птицу в небе, то гонимый ветром пакет по каменной дорожке, то кошку, которая, напившись, прыгнула с выступа фонтана. Всё это – часть не его мира.

С тех пор, как Ду Хён сообщил страшную новость, он молчал. Он не утратил способность говорить. Просто не хотел. Для него молчание походило на одинокий крик. Со временем царапины затянутся, а в душе останется огромная дыра. Они не всё сказали друг другу.

Читтапон никогда не плакал, считая признание своей слабости трусостью. Слезы спрятались внутри за тёмно-синими глазами. Он до сих пор отказывался верить и часто повторял одно и то же тихо, чтобы никто, кроме *неё* его не слышал: «Я не оставлю тебя одну. И молча залечу все твои раны». Это были строки из его песни, но он их не пропевал, а нашёптывал.

Когда Ким вошла в комнату, его губы шевелились. Он проговаривал другие строки из своей песни: «Прошу, открой глаза и почувствуй тепло. Уверяю тебя, я всё исправлю».

Девушка остановилась перед ним и несмело улыбнулась. Читт видел это боковым зрением, он не поднял на неё глаза. Не хотел.

– Как ты себя чувствуешь?

– Марк сказал... – тем же шёпотом проговорил он.

Ким поняла, что Ду Хён, наконец, решился воплотить её замечательный план в реальность. И раз Читт подавлен, значит, ей ничего не угрожает.

– Сочувствую тебе, дорогой. Прости меня за всё. – Ким по-актёрски эффектно изобразила скорбь и сожаление. – Со временем боль станет тише. Мне... даже сказать нечего. Кажется, что все слова утешения – пустой звон. Тебе нужно это пережить. – Она присела. – Читт? Ты... плачешь?

Из уголка глаза по щеке скатилась крупная слеза. Читт не смог её сдержать.

– Почему?

Ким запнулась.

– Почему?

– Да, за что? Кто имел право у меня её отбирать? Я хочу знать, как и по какой причине это случилось, Ким. Марк отказался отвечать на мои вопросы, бросил меня здесь беспомощного с моим горем. А я просто хочу знать...

– Он волнуется за тебя, – попыталась оправдать Ду Хёна Ким. – Пойми, ему тоже нелегко. Он боится, что после аварии ты не вернёшься на сцену...

– Мне плевать на карьеру сейчас! – закричал он, ударив по

подлокотникам инвалидного кресла три раза с такой силой, что чёлка упала на лицо и закрыла его глаза. – Я хочу знать, почему я здесь, и что стало с ней.

Протянув руку, Ким хотела убрать волосы со лба парня, но он дёрнул головой, а потом сам смёл чёлку в сторону. Тогда она резко схватила ручки кресла, сняла его с тормозов и покатила в коридор.

– К тебе приехал один человек, – быстро говорила она, глотая злость и обиду, – он всё расскажет, ведь он был там и многое знает. Очень надеюсь, что в этом центре ты быстро восстановишься и вернёшься к жизни. К жизни, Читт, – она остановилась на минуту, – потому что она продолжается.

Через две минуты Ким ввезла кресло в крытый сад, где стояли столики. К ним навстречу встал Вон. Спустя два с половиной месяца он осмелился приехать навестить друга. Друга, которому пришлось причинить боль. Выйдя из игры, Вон единственное, что не смог, так это остановить эту игру. Ду Хён полностью поддержал идею Ким, потому что тоже мечтал избавиться от Элоры Бессон. Последняя прихоть Читтапона снять видеоклип с женой вызвала в нем дикое негодование, но противостоять звезде – себе дороже. Он был рад, что клип не досняли и ему не суждено выйти в свет.

Видеть друга в инвалидном кресле было нестерпимо больно, хотя врачи сказали, что восстановление займёт не больше года. Для Ким это была замечательная новость, ведь у неё появилось время завоевать внимание Читта. Все свои усилия

она направит на то, чтобы он поскорее забыл Элору и переключился на неё.

Ким оставила их одних.

Читт не сводил с Вона взгляда, холодного как льдина.

– Почему Тхэ Мин не приезжает? – спросил Читт.

Вон вспомнил их с Тхэ Мином разговор. Тот был раздосадован тем, что Вон до сих пор общается с Ким. «Я хочу, чтобы ты больше не звонил этой стерве. Если ты дорожишь нашей дружбой, больше не станешь иметь дел с Ким». Тхэ Мин по-своему прав, и Вон не имел права его винить. Но если сказать ему, что Читт жив и находится в лечебном центре на краю Сеула, который оплачивает Ким, их дружбе точно придёт конец. Вон этого не хотел.

– В Корее не знают, что ты попал в аварию в Америке.

– Причём тут Корея? Я спрашиваю, почему мой друг не приезжает.

– Послушай, они с Ким расстались. Она посчитала, что их ссоры здесь будут не нужны. Мы не сообщили ему... пока...

Сглотнув, Читт отвернулся.

– Ясно.

– Я только недавно вернулся и сразу приехал. Ду Хён выставил твою виллу на продажу. Наверное, это правильно. Так тебе будет легче...

– Знаю. Я сам его попросил.

– Я займусь её вещами. Отправлю их её родителям. – А сам подумал: «Придётся их сжечь. Или у себя оставить?»

– Как она умерла? – поступил резкий вопрос, от которого Вон вздрогнул. Лгать. Ему придётся лгать своему другу. Другу, с которым он очень нечестно поступил.

– Она... впала в кому и не вышла из неё. Родители приняли решение отключить её от аппаратов.

– Ты присутствовал, когда они это сделали? – через минуту спросил Читтапон. – Ты можешь с уверенностью утверждать, что её не стало?

– Да, Читт. Я был на панихиде.

Они долго смотрели друг на друга, один – с горечью, другой – со спокойной уверенностью в своих словах.

«Если бы ты знал, что я сделал, Читт, – думал Вон, – возненавидел бы меня. Впрочем, это было бы справедливо».

Неожиданно развернув кресло, Читт уехал обратно к себе и больше никого не пожелал видеть. Ему необходимо было набраться смелости взглядеться в свою боль и просто побыть с ней наедине.

20.

С приходом весны в мою жизнь, казалось, пробился маленький лучик света. Я не перестала думать о своём погибшем муже, но сны и видения исчезли. Встречи с Джона пошли мне на пользу.

В первую встречу, в китайском ресторане, мы долго говорили. Я не стала рассказывать свою историю с самого начала. Рассказала, как проходила наша свадьба, призналась, что изначально не любила Читта, а когда любовь пришла, он ушёл от меня навсегда. Джона давал довольно хорошие советы, к которым я стала прислушиваться не сразу, а хорошо их обдумав.

Во второй раз мы увиделись с ним через неделю. Я сама пришла в больницу и дождалась конца его рабочего дня, затем мы немного прогулялись, болтая о разных пустяках. Тогда я поймала себя на мысли, что меньше говорю о Читте.

Сегодня будет третья встреча. Джона сам позвонил и предложил сходить на новую картину, а потом поесть пиццу. Он сказал, что это тоже часть терапии, но мне уже не казалось, что это простые встречи.

О чём был фильм, я не помню. В момент просмотра мои мысли витали где-то в Корее рядом с Читтом. Где-то даже всплакнула, но Джона этого не заметил. Я смогла замаскироваться, плеснув в лицо немного пепси из соломинки. Мне

не составило труда это сделать – надо было слегка надавить на стенки стаканчика.

Потом мы действительно пошли есть пиццу. Джона заказал три разных и смеялся, когда я верещала, что не съем все. Но мой аппетит в последнее время был запредельный. Никогда раньше я столько не ела. Дома холодильник ломился от разной еды, среди которой мороженое в ведёрках, батончики в основном с арахисом, а ещё я пристрастилась к кимчи. Раньше Читт не мог меня заставить съесть хоть кусочек из этих квашеных овощей, а сейчас за раз одну банку съедала.

И пиццу слопала за милую душу.

Джона улыбался, отмечая мой аппетит.

– Элора, можно нескромный вопрос?

– Если я не сильно покраснею, то можно.

– Ты давно так питаешься?

– На самом деле аппетит появился с тех пор, как ты стал моим психотерапевтом.

– А больше никаких изменений в организме нет?

Он спросил это с таким видом, будто я сидела у него на приёме.

– Нет, – ошарашено произнесла. – А что, собственно, должно измениться?

– Не знаю. Может, тошнит по утрам.

– Не тошнит. Я не страдаю расстройством питания, если ты об этом, и не побегу сейчас в туалет. А пицца вкусная! Спасибо!

Джона больше не стал терзать меня «нескромными» вопросами. Доев, он расплатился и мы потихоньку двинулись в сторону моего района. Стемнело, и Джона побоялся отпустить меня одну.

– Кстати, как поживает твой брат? Помню, ты рассказывала, что обеспокоила его. Уладила этот момент?

Я хихикнула.

– Ох, я Корбину совсем голову заморочила. Два или три дня вместо него мне писал Зак. Это наш общий друг детства. Ему я смогла объяснить, что ничего плохого не случилось.

– Тебе не кажется, что родные имеют право знать, что в твоей жизни произошло горе? Мне кажется, по отношению к ним ты несправедлива.

Спрятав улыбку, я посмотрела в сторону. Жизнь вообще несправедливая штука, хотелось сказать. Сунув руки в карманы плаща, я шагала по тротуару, слушая перестук собственных каблуков.

– О гибели Читтапона до сих пор не сообщили. Я видела одну единственную новость, что звезда взяла творческий отдых по семейным обстоятельствам. Я обещала, что тоже буду молчать.

– Да, но это не причина отдаляться от родных. Езжай, посади их за один стол и объясни ситуацию. Думаешь, они станут вредить тебе или его репутации?

– Джона, – остановившись, я посмотрела на него, – откуда ты такой благодетель взялся? И где был раньше? Мне, прав-

да, не хватало такой поддержки.

– Мне казалось, тот кореец, который забирал тебя из больницы, и есть такая вот поддержка.

– Нет. – Вздохнула и пошла дальше, взяв доктора под руку. – Вон – лучший друг Читта. Ему самому было очень плохо. Он не смог меня успокоить.

– Я не вправе указывать тебе, что делать. Но помни: родные стены лечат.

С удовольствием отметила про себя, что Джона не только умён, но и очень приятный человек. Он приобнял меня и потёр за плечи. В этом жесте я снова прочитала намёк на некий флирт или простое желание мужчины прикоснуться ко мне. Внутри восстали одновременно два чувства – раздражение и сильнейшее удовольствие.

Мы остановились около моего дома и замолчали. Кто первый начнёт прощаться? Нерешительность Джона вводила меня в ступор. Чего хочет этот мужчина? Гуляет со мной, водит по кино и ресторанам, раздаёт советы и обнимает, когда вздумается.

– Ну... я приятно провела вечер. Спасибо.

– Мне тоже с тобой приятно, Элора.

Мы снова замолчали. Не прощается и не предпринимает никаких действий. Может, самой попробовать быть смелее? Что мне терять?

С этими мыслями приподнялась на носочках и потянулась к его губам, но тут же была остановлена.

– Нет, Элора.

Я ошарашено уставилась на него. Стало стыдно, да и обидно тоже. Меня ещё никто так не отталкивал! Господи, так говорю, будто мужчин был целый рой.

Но если подумать, то Зак за мной бегал. Забдиель звал на ужин, и думаю, он закончился бы отношениями. Читт замуж заставил за него выйти. Вон тоже добивался меня. Я приглянулась даже какому-то Тхэ Ёну! А тут – «Нет, Элора»?!

Следующая фраза прозвучала, словно удар кувалдой по голове.

– Я женат.

Закрыла рот ладошками и отступила к двери.

– Какая я глупая. Прости. Чёрт, вот идиотка!

– Не вини себя. Я сам виноват. Хотел привести тебя в чувства.

– Я слишком привыкла к мужскому вниманию. Нет, я просто навоображала. – Сделала ещё шаг назад. – Спасибо за всё. Пока!

И скрылась в доме.

Я не воспользовалась лифтом, бежала по лестнице, пока не достигла двери своей квартиры. Мысли сгустились в одну кашу, от стыда до сих пор пылали щёки. Было желание провалиться сквозь землю, исчезнуть из этого города. Пока я в Нью-Йорке, неприятности будут преследовать меня.

После двух часов раздумий я написала Корбину, что воз-

вращаюсь домой.

А утром я проснулась с сильнейшей тошнотой.

~~~

В аэропорту Орlando меня бледную и едва стоящую на ногах встретил Корбин. Я видела, как его улыбка таяла по мере моего приближения. Меня до сих пор тошнило. Никогда перелёты не были такими тяжёлыми.

– Боже, Элора! – Корбин быстро отобрал у меня сумки и умудрился придержать за локоть. – Что этот кореец сделал с тобой? Или... ты сбежала? Он бил тебя? Держал в заточении?

– Он погиб, Корби, – почти простонала я. – Мне плохо... Ошарашенный брат словно прирос к полу.

– Что ты сказала?

– Я всё расскажу. Отвези меня сначала домой. Мне надо... поспать.

В машине Корбина я задремала. Проснулась в госпитале. Врач сказал, что у меня обезвоживание, надо много пить и восстанавливать силы. Мне поставили капельницу, а через полчаса Корбин доставил меня домой, помог дойти до комнаты, прогнал всех, кто задавал кучу вопросов. Нола была одной из первых, но он попросил мать набраться терпения. Уложив в постель, Корбин поцеловал меня в лоб и оставил одну. Я не уснула, а разревелась.

Я дома. Но стало только хуже.

Отдых помог привести мысли в порядок и придумать, как

и что я скажу домохозяевам. По словам Корбина, отец всё ещё был в отъезде. Так что объясняться мне придётся только с братьями и мамой.

Клэрис принесла мне в комнату какой-то напиток, залив, что он хорошо помогает при усталости. Я выпила, затем отправилась в душ, который вернул мне бодрость и силы до вечера. К ужину я спустилась свежая и даже улыбалась.

Мама обняла меня.

– Корбин рассказал, что тебя пришлось в больницу везти. Бедная моя девочка, исхудала совсем.

– Да уж. Ем за четверых, – улыбнулась как можно шире, глядя на стол с разными вкусностями. Затем заметила Дэниела и раскрыла руки. – Иди сюда. По тебе я тоже скучала.

Растерявшись, он беспомощно посмотрел на меня, но вопреки своему характеру встал и обнял меня. Быстро. Затем вернулся на своё место. Я не обиделась. Таков он – Дэниел.

Первые пять минут мы просто ели, ни о чём не разговаривая. Но я чувствовала, что от меня ждут объяснений. Возможно, Корбин сообщил им новость, но сам он тоже не знает подробностей.

Доев суп, я отодвинула тарелку и глубоко вздохнула. Мне предстоит тяжёлое испытание – пережить всё заново.

– Мы были в Нью-Йорке на одном мероприятии. Возможно выступление Читта показывали по телевизору. – Я сделала паузу, но все молчали. Нола и Дэниел смотрели в тарелки, Корбин – на меня. Я чувствовала, как во мне растёт напря-

жение. Столовая наполнилась тяжёлым воздухом, не хватало кислорода. Или это всего лишь ком в моём горле. Но говорить надо было, ведь они хотят знать. – По дороге в отель водитель не справился с управлением, и наша машина врезалась в стену здания. Водитель и Читтапон погибли. Я находилась в коме три недели или около того. Всё это время я... жила в Нью-Йорке.

Мама с Дэниелом обменялись взглядами, явно не зная, кому взять на себя инициативу и задать важный вопрос. Корбин их опередил:

– Почему нам не сообщили?

– Я тоже спрашивала. Со мной был друг Читта Вон. Он сказал, что официально Читта не объявили погибшим. Чтобы не посеять панику, они решили утаить факт моей болезни. До сих пор Читтапон якобы находится со мной в отпуске, поэтому прошу вас, всё это должно остаться в этих стенах.

Нола швырнула вилку.

– Я не понимаю! Ты была в коме, а родителям не сообщили. Муж погиб, но ты не имеешь к этому никакого отношения?

– Пожалуйста... – я уже глотала слёзы.

– Но я ведь переписывался с тобой... – медленно произнёс Корбин.

– Не со мной. С Воном. Это он писал.

– То я и думал, что твой английский изменился. Словечки странные появились, ошибки в словах. Решил, что ты совсем

уже корейнкой стала.

– Послушайте, – я начала терять терпение, – это случилось, хорошо? Мне очень тяжело, потому что я его любила! Думала, что правильно сделала, что вернулась домой... не заставляйте меня жалеть.

И несмотря на то, что не наелась, убежала к себе в комнату. Лишь спустя полчаса ко мне пришёл Корбин с подносом.

– Ты не доела, – сказал он, ставя поднос на мою постель.

Подобрав под себя ноги, я удобно уселась и принялась есть куриные крылышки, о которых мечтала с тех самых пор, как покинула столовую.

– Прости, ладно? – сказал Корбин. – Мне неясно лишь твоё высказывание по поводу любви, ведь в последнюю нашу встречу...

– Всё изменилось с тех пор. Жизнь вообще интересная штука. Не любила, протестовала, а потом поняла, что без него... – я замолчала, в носу защипало, а мясо проглотить не смогла.

– Элора, не надо...

– Я могла бы быть с ним счастливой. Он замечательный человек. Добрый и отзывчивый. И... он искренне любил меня. Его последние слова знаешь какими были? – из глаз хлынули слёзы. – «Люблю тебя, чаги»... А я... я не успела...

Теперь я захлебывалась собственными слезами, и Корбину ничего не оставалось, как крепко обнять меня и приговаривать: «Ш-ш-ш, родная, тихо. Ну всё...»

~~~

Дэниел сразу после ужина уехал в клуб, но не для того, чтобы потусить.

Проигнорировав несколько своих знакомых, он прошёл к бару, заказал бутылку пива и стал всматриваться в толпу. Сегодня суббота, а значит её день. И он не ошибся. Фаррен появилась в клубе в коротенькой белой юбочке со шнуровками и в корсете спустя пятнадцать минут после его прихода.

Она была с подружками, поэтому он не стал подрываться с места, а ждал, пока она сама его заметит.

Ему в это время строили глазки с дюжину девушек. Даже официантка то и дело крутилась возле симпатичного блондина, но Дэниелу все они были до одного места.

Фаррен заметила его только тогда, когда подружки заказывали коктейли возле бара. Он не поздоровался, а лишь поднял бутылку с пивом в знак приветствия. Это был намёк, и Фаррен его поняла. Отвязавшись от подружек, она подошла к нему.

– Раз уж сам Дэниел Бессон явился сюда, должно было случиться что-то сверхъестественное.

– И случилось.

– Вот как? Что же?

– Не здесь, – сказал он, встал и ушёл.

Выругавшись про себя, Фаррен последовала за ним на улицу, а потом ещё шла полквартила до его машины. Когда она залезла на переднее сиденье, то громко хлопнула двер-

цей и наставила на него палец.

– Что за игры ты устроил?

– Элора вернулась.

Тишина. Казалось, Фаррен дышать перестала.

– Вернулась? Одна?

– Да.

– Развелись?

– Он погиб, Фаррен.

– Что?! – девушка подпрыгнула в кресле так, что машина раскачалась. Дэниел сдержался, чтобы не выmaterить её. А та верещала. – Ты лжёшь! В новостях ничего не сообщали, а уж я...

– И не сообщат. Это хранится в секрете. И ты будешь молчать. Если в прессу просочится подобный слух, я лично скручу твою лебединую шейку.

– Напугал. Мне нет смысла идти в прессу. Если об этом умолчали, то меня высмеют.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

После отъезда Дэниела Фаррен напилась. Новость о гибели её любимого айдола стала ударом. А то, что Элора вернулась, её мало волновало. В данный момент Фаррен ненавидела бывшую подругу всем сердцем. Не так должно было всё сложиться, не так...

~~~

Как в старые добрые времена мы с Заком устроились на заднем дворе в соломенных креслах. Он сам приготовил кок-

тейли. Нас окружала природа. В бассейне плескалась вода, солнышко пригревало, птицы перелетали с ветки на ветку, чирикавая. Прошло два дня. Я потихоньку приходила в себя и рада была появлению Зака. Всё, о чём просила – не напоминать.

– Чем занимаешься сейчас? – спросила я немного отстранённо.

– Заканчиваю учёбу. Вчера ездил смотреть новые запчасти на свою «крошку». Если хочешь, можешь присоединиться, как раньше.

Я потупила взгляд.

– Нет у меня желания копаться в машинах.

– Тебе надо отвлечься, Элора.

Я кивнула. Голова раскалывалась. Утром снова обнимала унитаз. Мама уже всерьёз обеспокоилась моим здоровьем и решила позвать семейного доктора. Он взял анализы, в следующий понедельник узнаю, что со мной. А пока боролась с плохим самочувствием, валяясь то тут, то там.

– В данный момент всё, что я хочу – это есть и спать. Есть и спать.

Зак улыбнулся и протянул ко мне руку, я интуитивно вложила свою ладонь в его.

– Меня успокаивает уже то, что ты хочешь есть.

– А вот меня это напрягает. Никогда я столько не ела! Располнею, буду как тот кот из фильма, – я хихикнула, представляя свой толстый зад. – Кому я буду нужна такая?

– Мне.

Я открыла рот, но ответить не успела. На задний двор ураганом влетела Фаррен. Хлопая от удивления глазами, я попыталась привстать, но она толкнула меня обратно. Зак дёрнулся, чтобы защититься, но я жестом приказала ему не лезть. Мне казалось, весь дом задрожал при звуке её разъярённого голоса. Она крикнула так громко, что у меня появился писк в ушах.

Но хуже был смысл её слов:

– Ты его убила!

21.

Слова Фаррен зазвенели у меня в голове колокольчиками. Шок и непонимание обездвижили меня. На секунду я потеряла нить реальности. Увидела, как Фаррен разъярённая шагает ко мне, желая почему-то схватить, но Зак опережает и, жестко схватив её за горло, отбрасывает в сторону.

Упав, Фаррен быстро поднялась и заверещала вновь.

– Ты, идиот, не понимаешь, что она убила Читтапона Ли! В первый раз не получилось, решила попытать счастья во второй. И получилось!

Зак разозлился:

– Что ты такое болтаешь? Где охрана? Кто вообще тебя впустил?

Меня начало тошнить.

Корбина, как назло, дома не было. Он бы быстро выпроводил горе-подругу из этого дома. После всего случившегося мне сложно относиться к ней по-прежнему как к подруге. К Фаррен дружеские чувства давно остыли. И хотя я защищала её, ради неё вышла замуж за Читта, не считала никогда, что она поступила со мной справедливо. Я много раз пыталась оправдать её действия, но теперь вижу, что не стоило тратить на это время. «Ты убила его» было брошено в лицо, как удар грязной тряпкой, вместо того, чтобы проявить сочувствие.

Зак удерживал её одной рукой, пока та кричала:

– Она всей душой ненавидела Читтапона, и просто мечтала, как бы поскорее избавиться от него. Ну чего молчишь? Правда глаза колет?

Я хотела ответить, но тошнота подобралась близко к горлу, и я боялась, что начну блевать прямо здесь.

– Убирайся, Фаррен. Откуда ты вообще эту новость узнала? – спросил Зак, стараясь вывести её. Пришли охранники, и Зак попросил выпроводить её.

– Я сама уйду! – пискнула девушка, топнула ногой, развернулась и ушла.

Я вырвала весь обед в цветочный горшок. Зак послал за Клэрис.

– Как эта новость могла просочиться, – недоумевал он.

– Я знаю как, – откашлявшись, сказала я.

Спустя час после ухода Зака я села на балконе и стала ждать. Как только заметила нужную машину, рванула вниз. К тому времени, как я спустилась, Дэниел уже вышел из машины и брёл к дому вдоль бассейна. Я неслась навстречу. Хотела просто ударить его, но не рассчитала силу и просто выбросила его в бассейн.

Выплыв, ошарашенный Дэниел заорал:

– Ты спятила?!

– Обезумела! Спасибо тебе!

– Что я сделал? – он сел на край бассейна и посмотрел на дно, где остались лежать ключи от машины.

– Я просила никому не рассказывать о том, что случилось

с моим мужем? Но до твоих ушей, похоже, не долетела моя просьба, раз ты помчался рассказывать всё Фаррен.

– Она ведь твоя подруга. При встрече я сказал, что ты вернулась. Фаррен начала злорадствовать, мол, вы развелись и бла-бла-бла... Я и сказал.

– Я тебя об этом не просила! Запомни очень важную вещь: Фаррен мне больше не подруга. Уяснил? – Увидела полотенце на лежаке, взяла его и бросила брату. – Обсохни. Хотя... у тебя ещё один заплыв впереди. Хорошего плавания!

Через две минуты наблюдала с балкона, как Дэниел ныряет за ключами, а потом пинает всё, что попадает под его ногу.

~~~

Горячую пиццу привезли вовремя. Забдиель быстро расплатился и понёс коробки в гостиную, где Вики и Кристофер уже открыли пиво. Сегодня у них был маленький праздник – год, как они встречаются. Забдиель сам позвал их к себе, предложив отпраздновать. На запястье Вики блестел подарок Кристофера, а на губах брюнетки сияла улыбка.

– Я безумно счастлива не только работать в твоём спортивном центре, Заб, но и дружба с тобой очень дорога, – сказала Вики и дотронулась до руки своего парня. – Ты познакомил нас с Кристофером, и за него я тебе благодарна.

Улыбка Забдиеля выглядела грустной, но зато искренней. Он сразу понял, что Вики нужен такой парень, как Кристофер. Они созданы друг для друга, с этим даже судьба спо-

ритель не стала.

Вики начала работать у Забдиеля в качестве тренера по фитнесу года два назад. Тогда она переживала очень тяжёлое расставание с бывшим бойфрендом. Девушка любила его, а он трепал ей нервы. Забдиель решил помочь Вики справиться с депрессией, и с этого момента началась их крепкая дружба. Чтобы она побыстрее забыла своего бывшего, Забдиель пригласил её на дискотеку, куда взял с собой Кристофера. Забдиель дружил с ним с того момента, как приехал в Орландо. Кристофер – очень скромный парень и не умеет общаться с женской половиной. Он никогда не флиртовал, только краснел в присутствии дам. То же самое произошло и при встрече с Вики. Кристофер в основном молчал, прятал взгляд или смущался.

На следующий день Забдиель спросил Вики, понравился ли ей Кристофер, и девушка сказала, что он не в её вкусе. И если Забдиель с этим смирился, то судьба – нет. Прошло несколько месяцев прежде чем они вновь встретились.

Кристофер упал с велосипеда и вывихнул руку. Он пришёл в спортцентр Забдиеля как раз тогда, когда Вики собиралась его закрыть. Кристофер выл от боли и попросил срочно помочь ему. В тот вечер они разговорились. Вики обработала раны, затем перевязала руку. Через неделю они пошли в пиццерию, потом начались прогулки, кино... дошло до отношений. От Забдиеля они тщательно скрывали этот факт. А когда признались, Заб просто обнял их крепко и благосло-

вил.

Вспоминая всё это, они пили пиво и поедали вкусную пищу.

– Мы собираемся жить вместе, – внезапно сообщил Кристофер.

Он снял кепку и распушил длинную челку. Он редко ходил без кепки. Очень любил надевать её так, чтобы чёлку было видно, и это делало его уникальным. Сам по себе Кристофер не представлял ничего сверхнеобычного. Красотой не блистал, хотя был хорошо сложен, мускулистый и подтянутый. Одного роста с Забдиелем, но старше него на три года. Интересы у них были разные, но при этом они всегда были на одной волне друг с другом.

Забдиель поднял вверх бутылку.

– Давно надо было это сделать. Уверен, Вики преобразит твою жизнь. Правда, крошка?

– Ну, готовить я не умею, а в остальном, пожалуй, приукрашу жизнь моего любимого холостяка, – хихикнула Вики.

– Готовить умею я, – смело заявил Кристофер. – Даже усилий особых не прилагаю: набираю номер ресторана и любое блюдо по желанию будет на столе.

Они рассмеялись.

– Лишь бы это касалось только кухни, – пошутил Забдиель, намекая на спальню, за что получил от Вики по спине.

Они начали дурачиться, бросаться листьями салата друг в

друга. И в этот момент раздался звонок в дверь. Воцарилось молчание.

– К тебе гости? – удивилась Вики.

Кристофер выразительно взглянул на друга, и тот подумал то же самое. Только настырный брат Эрик мог заявиться под вечер к нему домой. В отеле не сидится.

– Я сейчас, ребята, – сказал Забдиель, раздраженный собственными мыслями, и пошёл открывать. А по дороге обдумывал, что скажет Эрику, чтобы побыстрее спровадить его.

Не спросив «кто», Забдиель распахнул дверь и уже набрал воздуха, чтобы спросить брата, что ему нужно, но весь воздух тут же выбило из груди. Он открыл рот и не мог выдать и слова. Слово мираж, наваждение перед ним стояла девушка, о которой он не переставал думать ни на минуту. На пороге его дома стояла Элора.

~~~

Один день сменился другим, таким же унылым, пасмурным днём. И хотя за окном светило солнце, в душе Читтапона поселился вечный мрак. Любовь не приходит по приглашению. Она не зовёт к себе в гости, чтобы можно было подготовиться. Нет, любовь застаёт врасплох, поражает, как удар молнии, и последствия могут быть очень плачевными.

Читтапон всегда стремился построить успешную карьеру. Он много танцевал, занимался вокалом, учил языки и развивался. Он дружил с хорошими людьми, но о любви нико-

гда не думал. Имея миллион поклонниц, он мог просто по-манить любую пальчиком, и «любовь» в его руках. Только такая любовь ему была не нужна.

Одно мгновение изменило всё. Мгновение. Именно так он мог назвать время, проведённое с Элорой. Несмотря на то, что девушка не азиатка, Читт не смог устоять и влюбился. Его никогда не привлекали белокожие девушки с большими глазами, да ещё и блондинки. Элора стала исключением. Сначала появилась симпатия, внутри словно дёрнули за ниточку и притянули её к нему. Он захотел держать её рядом и добился своего. Брачная ночь стала пунктом отправления, когда он понял, что испытывает к ней чувства более серьёзные, чем симпатия и влюблённость. Наивность красавицы и её невинность подкупили. И чем больше они проводили вместе время, тем сильнее он влюблялся в неё.

И вот её не стало.

По щеке скатилась слеза. Читт смахнул её пальцем, затем полез за салфеткой, но не успел достать её. Чья-то рука уже позаботилась об этом...

Читт любил кататься по парку. Центр, куда его привезли, был действительно хорошим и природное место очень впечатляло. Пациентам здесь жилось хорошо. Он катил своё механическое кресло по дорожке, пока не доехал до террасы, откуда открывался вид на далёкий Сеул. Здесь в одиночестве он позволял себе плакать.

Парень, который подал ему салфетку, стоял. Он был невы-

соким, худым, с русыми волосами, подстриженными шапочкой. Скулы чётко выделялись, овальное лицо и мраморная кожа выдавали его возраст. Читт дал ему не больше двадцати двух.

– Меня зовут Ян, – сказал он. – Месяц назад попал сюда.

Читт кивнул. В таком центре простых людей лечить не будут, поэтому осмелился спросить:

– Актёр?

– Рэппер. Я из Тайвани. Полгода назад в Корею приехал и по конкурсу попал к «ЭсЭм». Неудачное падение во время съёмки клипа, и я здесь.

– О, нелепо. А я...

– Знаю я тебя. Читтапон Ли. Видел по телеку. Ты очень талантлив.

– Спасибо. Только теперь мне сцена не скоро светит.

– Почему плачешь?

– В аварии жена погибла. – Читт обрадовался возможности хоть с кем-нибудь поделиться своим горем. Ян – чужой человек. Такому проще довериться. – Я её очень сильно любил.

– О... печально. Не думал, что звезда такой величины может быть женатым. Обычно контракт это запрещает.

– Не всю же жизнь это будет продолжаться. Рано или поздно у всех нас будут семьи... Впрочем, неважно. – Они помолчали, затем Читтапон обратился к Яну: – Прочитай что-нибудь из своего репертуара.

Ян взял самую известную песню. Читт даже подпел, отмечая своеобразную низкую тональность Яна. В голову вдруг пришла пара строк – зародыш новой песни, и Читт подумал, что творчество может помочь ему забыть печальные события, а Ян будет хорошим ассистентом.

Вернувшись в свою комнату, Читт достал лист бумаги и принялся за работу. Он собирался не просто написать красивую, ритмичную песню, но посвятить её памяти своей жены. Жизнь продолжалась, и ему придётся двигаться дальше. Он это понимал.

Ким застала его в самом процессе работы. Он так увлечённо вычёркивал непонравившиеся строки и вписывал новые, что не услышал шагов позади себя. И только когда она склонилась к его уху, шепнув «привет», а в нос ударил сладкий аромат духов, Читт понял, что всё это время был не один.

– Смотрю, ты нашёл себе занятие. Это радует, – улыбочиво сказала Ким, поглядывая на писанину Читта.

– Просто было скучно.

– Мне нравится, что ты стараешься найти занятие. Как проходит твоё лечение? – резко перевела тему Ким, присаживаясь в кресло неподалёку от его стола. На ней была коротенькая красная юбочка, демонстрирующая тощие бёдра. Закинув ногу на ногу, Ким пыталась привлечь внимание Читтапона, но он смотрел в свои тексты. Ким была ему так же неинтересна, как и все девушки мира. Если бы она сидела здесь голая, ему всё равно было бы плевать.

– Лечение идёт своим ходом. Ким, тебе не нужно сюда приезжать каждый день. Я не болен настолько, чтобы сидеть подле меня.

Слова Читта расстроили девушку, но она постаралась «проглотить» обиду.

– Я всего лишь хочу поддержать тебя...

– Однажды ты уже поддержала, – уколол её Читт, убирая листы с очень сырым текстом в стол. – Вот если ты привезёшь Тхэ Мина, я буду рад намного больше.

– Он уехал на гастроли, – буркнула Ким. Глаза покраснели, плакать она не хотела, но выдавить слезу было просто необходимостью. Поэтому усиленно жалея себя, она смогла расплакаться. – Я очень сожалею о том случае, Читт. Неужели ты никогда не простишь меня?

Смысла не было прощать, как и держать на неё обиду. Элоры больше нет, а значит тот случай не имеет больше значения.

– Я простил тебя. А сейчас иди умойся и больше не плачь.

– Читт, – шепнула Ким, опускаясь перед ним на колени и хватая руку, – твоя дружба очень важна для меня. Ты... дорог мне, Читт, понимаешь?

Он не понимал.

– Раз так, то оставь меня одного.

Ким вылетела из центра злая как собака. С Читтапоном будет очень сложно. Ей понадобится недюжинное терпение. Сдался ему этот Тхэ Мин! Ким не верила бывшему бойфрен-

ду. Если Тхэ Мин узнает сейчас, что Читтапон жив, он расскажет, что Элора не погибла. Но хуже, если мистер Нелюбитель Лжи сообщит Элоре, что Читт не погиб. Тхэ Мин на это способен. И ей придётся подумать, как избавиться от него на предстоящий год.

~~~

Я улыбнулась и шагнула за порог.

– Надеюсь, не помешала? Пару дней назад приехала в Орландо, решила навестить.

Видя, в каком замешательстве Забдиель, мне вдруг стало не по себе. Я должна была позвонить, и позвонила бы, но не обнаружила номера Забдиеля в контактах телефона (как и всей нашей переписки). Только Вон мог заблокировать его и удалить все контакты с ним. Это всего лишь предположение, но больше это сделать было некому. До аварии всё было на месте, а Читт не имел привычки лазить в моём телефоне.

После визита Фаррен и стычки с Дэниелем я загрустила. Корбин на несколько дней укатил с друзьями отдыхать, а мне стало тоскливо. И хотя Зак звонил и уговаривал встретиться, я отказывалась. Его присутствие наводило скуку. Вспомнив о Забдиеле, я внезапно воспаряла духом. Мы ведь могли продолжить наше знакомство. Я подумала, что именно Забдиель поможет пережить боль утраты и вернуть меня к жизни. Поэтому я пришла.

Забдиель закрыл дверь и потоптался на месте.

Я услышала голоса, доносящиеся из гостиной. И женский

смех.

Моя улыбка испарилась.

– Кажется, я не вовремя.

Откашлявшись, Забдиель сделал ко мне шаг.

– У меня друзья. Мы празднуем годовщину их знакомства. Э... пойдём, я познакомлю тебя с ними.

– Нет. Я лучше в другой раз приду. Не буду портить вам праздник.

– Портить? Ты его только приукрасишь, ведь я один.

Вдруг он раскрыл руки, приглашая в свои объятия.

– Рад твоему возвращению спустя... год?

– Чуть больше, – ответила я и обхватила его талию обеими руками.

Он был чужим, но в тот же момент родным и близким. На миг показалось, что не было жизни с Читтом, не было абсолютно ничего. Читт исчез так же быстро, как и появился, а наши встречи с Забдиелем участились и пророчили что-то большее, чем дружба. Однако с грустью поняла, что стереть Читта из сердца мне не удастся. А на Забдиеля я больше не смотрела с прежней симпатией.

Мы вошли в гостиную, и я увидела черноволосую девушку с маленькими глазами, но пухлыми губами, а рядом молодого человека с густой шевелюрой в широких джинсах и цепями на шее. Забдиель представил меня так, будто до этого они были со мной знакомы.

– А вот и Элора.

Девушка поднялась и протянула руку.

– Я – Вики. А это мой парень Кристофер.

И ему я пожала руку.

– Забдиель искал тебя, – нескромно призналась девушка.

Я резко перевела на Забдиеля вопросительный взгляд. Он поджал губы и кивнул.

– Просто ты резко исчезла, – пояснил Кристофер. – Он волновался.

– Я попала в аварию и пролежала три недели в коме. Прости, Забдиель.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь нашим медленным дыханием. Потом звякнула бутылка. Кристофер поставил её на столик.

– Как же это случилось? – выдавила вопрос Вики.

– Машина, в которой я ехала, врезалась в стену. Но всё позади. Поздравляю с годовщиной, – резко перевела тему.

– Спасибо, – расплылась в улыбке Вики. – А я работаю у Забдиеля. Можешь приходить к нам в центр.

– Да, – подхватил Забдиель. – Вики – отличный фитнес-тренер. Женщины от неё в восторге!

– Мужчины тоже, – принялся кокетничать со своей девушкой Кристофер.

Вики щелкнула его пальчиком по носу и встала.

– Мне нужно покурить. Крис, составишь компанию? Заб запрещает курить в помещении, – пояснила она для меня и потащила своего парня на балкон.

Мы с Забдиелем попрытали взгляды. Оба искали тему для разговора, но не находили. Банально спросить «как дела», казалось, глупым после того, как разобрались в некоторых вещах. Я открыла рот, чтобы задать вопрос про работу, но Забдиель опередил:

– Надолго в Орландо? Или снова уедешь?

– Нет, я никуда больше не собираюсь.

– А где была?

– В Нью-Йорке. Слышал такое имя как Ричард Колон?

– Нет. Я не интересуюсь миром шоу-бизнеса, прости.

– Всё нормально. Он предлагал мне контракт. Но я отказалась. Музыка – не моё. – Голова начала кружиться, я взяла стакан с водой и пригубила. В комнате было жарко или мне просто так казалось. Принялась обмахивать себя руками. – После нью-йоркской погоды Орландо кажется слишком душным.

– Я принесу вентилятор.

Пока Забдиель искал вентилятор, вернулись Вики с Кристофером, но лишь для того, чтобы попрощаться. Я поняла, что они хотят оставить нас с Забдиелем наедине, иначе тогда их сложно будет назвать лучшими друзьями. Хорошие друзья именно так и поступят. Они нашли хорошую отговорку и откланялись.

Забдиель вернулся в комнату и уставился на вентилятор.

– Знаешь, у меня идея получше. Давай поедem в какое-нибудь место, где вкусно готовят и играет спокойная музыка?

Если хочешь, можем в клуб.

– В клубах не играет спокойная музыка.

– Я на всякий случай сказал, – смущённо улыбнулся Забдиель. – Вдруг ты хочешь шума.

– Нет. Я согласна на спокойное местечко. Кстати, я знаю один бар. Там потанцевать можно, но при этом атмосфера спокойная.

И мы рванули в мой любимый бар. Если бы Читтапон был жив и приехал со мной на Рождество, я обязательно привела бы его в этот бар. Но сегодня со мной Забдиель, и я надеялась, что его компания немного скрасит мою грусть. Заочно он был связан с Читтапоном. Наверное, мне было важно именно это. Не хотелось терять связи с Читтом. Зак – друг детства. Он ничем не напоминает мне времена, когда я познакомилась с Читтом, а Заб спас ему жизнь, спас меня...

Красивая официантка принесла нам коктейли. Моё головокружение прошло, но усилилась головная боль, подступила лёгкая тошнота. Я решила, что коктейль с мятой приведёт меня в чувства, поэтому сделала сразу несколько глотков. Ледяной и освежающий он был подкреплён хорошими закусками. В целом встреча с Забдиелем оказалась приятной. Мы говорили с ним о всяких разных интересных вещах. Я рассказала о своей любви к машинам и даже поведала историю необычной гонки на желание, утаив подробности. Да, пришлось вспомнить Вона и своё позорное поведение, но я не скучала по этому парню и не думала о нём с тех пор, как

он исчез из моей жизни.

Заиграла медленная музыка. Некоторые посетители вывели своих красивых девушек танцевать, и Забдиель последовал их примеру.

– Если я тоже приглашу тебя...

Я не дослушала фразу, схватила за руку и повела в круг. Забдиель был высоким. На мой взгляд около пяти футов и десяти дюймов. Сама я не могла похвастаться высоким ростом – всего пять футов и два дюйма. Но мне так даже выгодно было. До лица Забдиеля я не дотягивалась, для этого надо было поднимать подбородок, поэтому положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Сможет ли Забдиель помочь мне забыть прошлое?

Смогу ли я заменить Читтапона?

Эти вопросы впились пиявками в мой мозг. И вдруг я почувствовала, что тороплю события, и эта встреча – всего лишь повод забыть. Я ищу варианты, пытаюсь вытеснить Читта из памяти. Не хочу скорбеть, грустить и плакать. Но правильно ли то, что я делаю? Руки Забдиеля сошлись у меня на талии, но я не ощутила абсолютно ничего. Наверное, нам нужно время. Мне нужно время.

Вернулась тошнота, и я сначала попросила вернуться за столик, а потом предпочла завершить вечер. На прощанье Забдиель сказал:

– Рад, что ты приехала сегодня ко мне. Надеюсь на новую встречу, – и поцеловал в щёку.

Слабо улыбнувшись, я кивнула.

– Конечно! Как-нибудь зайду в твой спортивный центр.

– Буду ждать.

На этой ноте мы разошлись.

~~~

Нет! Нет, не может этого быть! Смахнула слёзы с глаз и снова открыла календарик на телефоне.

Этот понедельник стал для меня ударом. Доктор принёс результаты анализов в конверте, вручил мне и поздравил. Затем попросил позвонить ему, и тогда он посоветует хорошего акушера-гинеколога. Никто кроме меня этого не слышал. Нола уехала с Митой Хартон на йогу, Корбин ещё не приехал. А до Дэниела мне не было дела. Я была одна и приняла доктора самостоятельно.

Беременна. Семь недель. Именно цифра семь вызвала гнев.

Я отсчитывала по календарикуну срок вновь и вновь, но ничего не сходилось.

Авария. Кома. Ночь с Воном.

Если бы я была беременна от Читта, то должно быть недель двенадцать, если не больше. Именно с Вона начинается отсчёт, с той дурацкой ночи. Как же так? С Читтом я по началу предохранялась, потом стала забывать про таблетки. Сколько раз я могла забеременеть от него, не сосчитать! А тут всего одна ночь. Один единственный разочек. И получите подарочек! Да за что?

Я долго ходила по комнате туда-сюда. Руки тряслись. Слезы свободно текли по лицу, затекали под ворот футболки, но я не думала их вытирать. И после всего я собралась строить отношения с Забдиелем? Всё. Забудь о планах, Элора. Есть ребёнок Вона. Другой жизни у меня не будет. Избавляться от невинного малыша я не намерена. Решила сказать семье, что ребёнок от Читтапона. В конце концов никому неизвестно, сколько недель я ношу этого ребёнка. А если родится азиат, а у меня явно родится азиат, то никто ничего не поймёт.

Вону тоже знать не обязательно. Сама рожу. Сама воспитаю.

Поставив себе цели, я воспаряла духом. Когда вернулась Нола, я улыбалась. Вечером приехал Корбин, и я сообщила ему новость.

– Ты первый узнаешь эту новость, – сказала я, заведя его к себе в комнату.

– Интересно.

Выждав секундную паузу, я сделала вдох, затем выдох и выпалила:

– Ты станешь дядькой.

Воцарилось молчание на долгую минуту.

– Хочешь сказать...

– Угу, – кивнула я и горько расплакалась.

22.

В комнате, залитой светом, царила тишина и покой до тех пор, пока не ворвался Ян. Увидев его, Читт широко улыбнулся, показав свои белые ровные зубы. Вот уже несколько дней они проводят время вместе. Ходят на завтраки, обеды и ужины (ходит Ян, а Читт катится в своём кресле). Гуляют, обсуждают новую песню. Ян согласился на дуэт, как только Читтапон поправится и сможет снова танцевать. Они даже придумали несколько движений. Читт объяснял, как можно сделать, а Ян воспроизводил.

Им было легко. Читт с грустью отмечал, что Вон и Тхэ Мин не настолько близки. Они друзья, но с Яном у него, Читта, много общего, намного больше, чем со старыми друзьями. Вспоминая вчерашнюю встречу Ким с Яном, Читт не мог сдержать улыбки. Ян не ушёл, хотя она прожигала его взглядом. До её прихода Читт признался, что Ким ему надоела, поэтому Ян мозолил ей глаза и отвлекал Читта от разговора с ней или попросту не давал разговаривать до тех пор, пока она не решила уйти.

– Я ещё приеду, – сдержанно сказала она Читту и вышла.

Парни хохотали, как подростки, радуясь маленькой победе.

Едва появившись в комнате Читта, Ян взял его кресло и вывез, ничего не объясняя.

– Куда мы едем?

– Гулять.

– Ещё ведь рано. И завтрак скоро.

– Смотрю, ты любишь пожрать. Ладно. Я тоже люблю. Но можно ведь не думать о еде хотя бы десять минут, пока мы не дойдём до нужного места?

– Хорошо. Я постараюсь думать о чём-нибудь другом.

– Замечательно. Вот выйдешь ты из этого центра, – уверен, на ногах, – и если не брать в счёт работу, чем думаешь заниматься? Ну, в обычной жизни.

Читтапон задумался. О будущем думать надо. О грустном они договорились не говорить.

– У меня есть квартира в городе. Заведу кошек и, может быть, собаку. Буду жить для них, чтобы не заскучать.

– О, это хорошая цель. Я, кстати, тоже люблю кошек. И у меня нет квартиры в Сеуле.

– А где ты живёшь?

– Мой менеджер предоставляет дом для всех участников группы. Нам весело там. Пришли!

Ян развернул кресло Читта, и его взору предстал столик усыпанный разными вкусностями. Решив порадовать друга, Ян устроил завтрак на свежем воздухе. К счастью, медсёстры не отказались помочь. Всё же это не больница, а оздоровительный центр.

– Вау, – только и сказал Читт.

Что бы он делал без этого парня? Наверное, утонул бы в

своём горе. Марк боялся, что Читтапон не захочет вернуться к работе, но благодаря Яну Читт был настроен творить дальше.

Придвинув его кресло к столу, Ян уселся напротив и пригласил приступать к трапезе. Проголодавшийся Читтапон начал поедать всё, что видел.

– Итак. Кто такая эта Ким и почему ты её недолюбливаешь? – начал допрос Ян, но таким весёлым тоном, что настроение Читта не падало, а наоборот, он охотно поделился своими мыслями по поводу этой девушки.

– Она подстроила всё так, что моя жена подумала, будто мы с ней переспали. То было кошмарное время. Мало того, что у меня с Элорой не складывались отношения, Ким подлила масла в огонь.

– Но потом вы ведь помирились?

– Да, но... счастье долго не продлилось, – Читт перестал жевать. Если бы он послушал водителя и оставил бы разборки, всё сейчас было бы по-другому. – К сожалению...

– Ты собираешься навестить её семью?

– Не знаю, смогу ли... Мой менеджер Марк не советует.

Бойтся, что я сорвусь.

– Но ведь вы были женаты. Её родные, уверен, ждут твоего визита. Пусть через год. Им наверняка известно, где ты и что с тобой. Они поймут. Да и сам подумай, через несколько месяцев ты придёшь в себя и сможешь выдержать эту встречу.

– Думаешь?

– Конечно! Нельзя человека вычеркивать из жизни, если даже он ушёл навсегда, тем более, если ты искренне любил её.

В словах Яна звучала истина, и Читт не мог не согласиться. Вечером он признался Вону, что желает навестить родителей Элоры, а тот перевёл тему в другое русло. Вон стал каким-то далёким, не таким, как раньше. Читт всё больше и больше склонялся к тому, что пришло время менять не только жизнь, но и друзей.

~~~

У меня не нашлось причин отказать Забдиелю, когда спустя пару дней моего молчания он сам позвонил и предложил встретиться. Было принято решение пойти в кино и договорились встретиться в городе около семи. Эта встреча вызвала у меня противоречивые чувства вкупе с чувством дежавю. Только вместо кучерявого доктора Джона в зале кинотеатра рядом со мной сидел светловолосый и татуированный Забдиель.

Несмотря на всё ещё плоский живот, я надела свободную рубашку и широкие джинсы. При этом получила комплимент: «Выглядишь превосходно, только улыбки не хватает». И я улыбнулась. Вот так в душе хотелось плакать, а внешне я старалась делать вид, что у меня всё прекрасно.

Выбрав комедию, мы пошли за попкорном и колой. Наблюдая за тем, как Забдиель разговаривает с продавщицей, я отметила про себя, что хочу видеть азиатский разрез глаз.

У парня были красивые черты лица, но я не могла заставить себя посмотреть на него с прежней симпатией. Чем закончится этот вечер? Дать ему шанс? Себе? Но ведь я ношу под сердцем ребёнка. Вряд ли Забдиелю это понравится. Он даже не в курсе, что я была замужем за «тем» корейцем.

– Как давно у тебя были отношения? – поинтересовалась я, когда мы шли в кинозал. – Надеюсь, не смутила этим вопросом?

Забдиель скромно усмехнулся.

– Неожиданный вопрос, конечно. Если ты о серьёзных отношениях, то у меня их никогда не было. Мне вообще трудно доверять девушкам.

– С чем это связано?

– Даже не знаю. Боюсь, что меня предадут. Сейчас время такое, что не всякая девушка может остаться верной одному мужчине.

От этих слов мне стало очень хреново. Я даже не знала, на что ссылаться: на связь с Воном или на встречи то с Джона, то с Забдиелем? Но ведь с Воном я целовалась, когда абсолютно ничего не чувствовала к Читту. А остальное произошло после... Его уже нет. Стоит ли винить себя за то, что вытворяю?

Мы уселись в кресла, я поставила на колени попкорн и принялась закидывать по одному в рот.

– А как насчёт тебя? – прилетел встречный вопрос, от которого я жевать перестала.

– Насчёт меня?

– Да. Ты когда-нибудь состояла в отношениях?

Погас свет, вспыхнул экран.

– Давай я отвечу тебе позже. Фильм начинается.

Подмигнула ему, и мы сосредоточили своё внимание на первых кадрах. В зале стоял смех. Фильм оказался очень смешным. После просмотра мы ещё долго хохотали, вспоминая некоторые моменты.

Я жутко проголодалась, и Забдиель повёл меня в ресторан европейской кухни. Во время еды я старалась обсуждать сюжет фильма, вспомнила смешные моменты из своей жизни. Я говорила почти без остановки, чтобы он не напомнил мне, что я должна ответить на каверзный вопросик. Пока я не готова была к признанию. И только один маленький инцидент заставил меня передумать.

Забдиель довёз меня до моей машины, и пару минут мы сидели неподвижно. Моя рука уже лежала на ручке двери, но Забдиель не спешил отпускать меня.

– Не торопись так, Элора. Или тебе наскучило моё общество?

– Э... нет, что ты...

– Тогда сделай милость, посмотри на меня.

Я с недоверием повернула к нему голову и увидела его глаза полные восторженной нежности.

– Мне необходимо кое-что тебе сказать, – начал он. – Прошу только, не отталкивай меня сразу. Можно сказать, это со

мной впервые и... я немного волнуюсь.

Нервничая, я быстро убрала прядь волос за ухо и спрятала взгляд где-то на рычаге переключения передач. Сердце подпрыгнуло от осознания того, что он скажет, но главное – что отвечу я.

– Ты понравилась мне сразу. В ту ночь, когда я принёс тебе плед и накрыл, то показалось, что я увидел ангела...

Сглотнула, ибо в память врезались слова Читтапона: «Ты ангел? Я в раю?»

– Красивая, невинная, незащищённая, – продолжал Забдиель, поглаживая мою щёку пальцем. – Тогда мне было сложно что-то предпринять, но я думал продолжить знакомство. Но ты вдруг уехала и... Я потерял голову, Элора. Ты не представляешь, как я счастлив, что ты пришла ко мне. – Лёгким нажимом пальцев он поднял мой подбородок и приблизил своё лицо к моему. – С тобой я бы хотел попробовать, Элора...

Сейчас он меня поцелует! Сейчас он это сделает! Внутри зарождалась паника. Нельзя ни в коем случае. Его губы всё приближались, а я машинально отклонялась назад. В конце концов поставила между нашими губами ладошку.

– Не... не так быстро, Забдиель. Есть ряд причин, по которым я пока не могу... ну, ты понимаешь.

– Элора, я не пытаюсь затащить тебя в постель, если ты об этом, – оскорбился парень.

– Ох, я не это имела в виду. Просто... мне трудно это объ-

яснить.

Позвонил Корбин, чем спас меня от ненужных объяснений. Поговорив с ним, я заявила Забдиелю, что брат переживает и мне пора. Он не скрывал злости. Я видела, как он расстроился. Стукнув кулаком по рулю, он буркнул что-то вроде «ладно, пока» и отвернулся к окну. Я ушла.

Ночь оказалась бессонной. Я обдумывала своё поведение и пришла к выводу, что поступила нечестно. Утром чувствовала себя опустошённой. Вдобавок к этому состоянию прибавилась тошнота. Съела кислое яблоко, приняла душ и уснула прямо в банном халате. Проснулась около полудня, перекусила, привела себя в порядок и поехала в спортивный комплекс, где работала Вики. Очень надеялась застать её, но не Забдиеля. Они друзья, и я подумала, что рассказав ей, я смогу получить дельный совет.

Когда я приехала, Вики вела занятия по фитнесу. Пришлось ждать почти сорок минут. За это время я в деталях продумала всё, что скажу ей. Однако, как только она появилась передо мной потная с полотенцем на шее, я забыла все важные слова.

– Привет, – выдавила я и попыталась улыбнуться.

– Элора! Как здорово, что ты пришла! – обрадовалась Вики. – Пойдём, я тебя угощу чем-нибудь в буфете. Сама я очень проголодалась. С утра прыгала без остановки.

Я молча последовала за девушкой.

– Забдиель в центре?

– Нет. Отсыпается. Вчера выпил лишнего. Кристофер его домой тащил практически на себе, – весело рассказывала Вики, при этом улыбалась. А у меня желудок скрутило спазмами, ведь Забдиель из-за меня напился. Мы подошли к бунету, и Вики спросила: – Что будешь?

– Я съем пирожное.

– Отлично!

Вики заказала поесть, после чего мы нашли самое лучшее место и устроились там.

– Я пришла поговорить, Вики, – призналась я, приняв серьёзный вид. – Ты – женщина, должна понять меня. История немного длинная, поэтому хочу удостовериться, что у тебя есть время.

– Конечно, есть. Что-то случилось?

– Много чего, – я вздохнула. – Даже не знаю, с чего начать...

И я пустилась в рассказ о том, как подруга меня подставила, а Забдиель выручил. Далее я честно рассказала, что вышла замуж за корейского Айдола и всё это время жила в Южной Корее. Вики слушала и не перебивала. Она не ахнула даже тогда, когда я упомянула аварию, в которой мой муж погиб, лишь посочувствовала. Я старалась не плакать, хотя сдерживаться было необычайно трудно.

– Сейчас ничто не мешает подружиться с Забдиелем. И всё было бы хорошо, если бы... В общем, я узнала, что беременна. И не смогла признаться в этом Забдиелю. Я подло

поступила, да?

– Ну... подлость – это если бы ты завела с Забдиелем отношения, а потом выдала свой сюрприз. Тут другое...

– Он очень хороший человек, но я не хочу его обманывать, Вики. Поэтому пришла к тебе. Сама я боюсь ему это сказать.

– Но никто за тебя это не сделает, пойми. Я могла бы попробовать, но только представь его реакцию. Ты и только ты должна сообщить ему это. Зная Забдиеля, я точно могу утверждать, что он поймёт, но будет ли ухаживать...

– Я хочу, чтобы он остался другом.

Вики забросила последний кусочек сэндвича в рот, после чего сказала:

– Давай отложим разговор на завтра. Возможно, мне удастся его подготовить. Когда-то он вытянул меня из депрессии. Настала моя очередь влезть к нему в душу. Дашь мне свой номер? Я позвоню и проинструктирую тебя по поводу дальнейших действий.

– Что бы я без тебя делала, – с улыбкой сказала я и записала свой номер на салфетке, который Вики тут же вбила себе в контакты.

Мне понравилась доброжелательность Вики. Она была очень открытым человеком, оттого и веяло от неё теплом и нежностью.

~~~

В машине я слушала исключительно песни Читтапона Ли. Никакой другой музыки я знать не хотела. Его голос вливал-

ся в душу, согревал своей мягкой нежностью, ласкал и целовал. Я любила в нём всё. И слёз я не сдерживала. В машине наедине с собой я могла плакать, сколько хотела, и никто не сможет меня остановить. Я не собиралась держать боль в себе.

Слушая одну из медленных песен, я вспоминала наш первый поцелуй, мягкость его губ, лёгкое покалывание после. «Полюби меня хотя бы чуть-чуть» – эту песню он записал после нашей свадьбы и посвятил мне. «Песня в честь моей вредной женушки, – смеялся он. – Видишь, я умоляю тебя через песню полюбить меня». В ответ я бросила в него лист салата. Вспомнила это и улыбнулась. Можно жить воспоминаниями и быть от этого счастливой.

Пока стояла на перекрёстке, положила руку на живот, внутри которого билась жизнь. Та ночь была необычной. Я пользовалась телом Вона, но вместо него чувствовала душу Читта, именно он был на месте Вона. Значит, ребёнок от него.

– Ты – малыш Читтапона Ли, – произнесла я. – Я так хочу. Так будет. Мы никому не выдадим наш маленький секретик.

Сзади просигналили машины, и я заметила, что давно зелёный горит.

На территории дома, пока катилась по дорожке к гаражу, заметила автомобиль Зака. Опять он здесь. Поставив машину в гараж, я направилась к бассейну, где Зак и Корбин загорали с коктейлями.

– Не хочешь к нам присоединиться? – спросил Корбин. – Я могу сам приготовить для тебя коктейль.

Почувствовав резкую усталость, я села на лежак около Корбина.

– Купаться я не хочу, но от коктейля не откажусь. Желательно с мятой.

– Будет сделано, моя королева, – паясничая, Корбин поцеловал мне руку и убежал в дом. А мы остались с Заком наедине. Он лежал в синих с белыми полосками плавательных шортах и в тёмных очках. Тугие кудряшки были сухие, из чего я сделала вывод, что он ещё не плавал.

– Вода холодная?

– Чуть позже попробую. Зря тоже не хочешь.

– Нет. Честно говоря, я хочу спать. Я сейчас много сплю.

Улыбка сползла с его губ. Мне показалось, что и лицо стало каким-то неприветливо сердитым.

– Как же так получилось, Элора, что человек, который практически похитил тебя, принудил к женитьбе, привязал к себе, стал любимым? Если я последую его примеру, это поможет?

– Не надо так шутить.

– А это не шутка. – Он снял очки и привстал на локте. Теперь я видела его глаза, полные решимости, чёрные нахмуренные брови и сжатые губы. – Я пытаюсь понять, как покорить твоё сердце.

– Нет смысла, Зак. Я беременна.

Заявление его не удивило. Корбин сказал, в этом не было сомнений.

– Предпочтёшь быть матерью-одиночкой?

Я промолчала, так как в саду снова появился Корбин с моим коктейлем. Протянув мне стакан с холодным напитком, уселся рядом и стал разглядывать наши лица.

– О чём вы тут шептались без меня?

Я тут же пригубила коктейль, но Зак молчать не стал.

– Не понимаю твою сестру, хоть убей! Пытался понять после поездки в Корею, пытаюсь понять сейчас. Она рассказала нам сказочную историю о том, как этот Читтапон с ней поступил. Помнишь, у неё паспорта не было, потому что Читтапон отобрал. Отобрал! Значит, держал её, как в плену. Элора отказалась от помощи, но при этом утверждала, что всеми фибрами и жабрами ненавидит корейца...

– Он не кореец.

– Плевать! Но теперь, спустя время, она приезжает домой и обливается слезами, потому что, ОКАЗЫВАЕТСЯ, любила его. Как? У меня, лично, в голове не укладывается.

Зака можно было понять. Я не винила его за эту вспышку возмущения. Он тепло относится ко мне и желает только лучшего, а сейчас пытается своим способом помочь мне избавиться от скорби. Но Читтапона ненавидеть он меня не заставит.

– Чтобы меня понять, тебе придётся залезть мне в душу, а это непосильная задача, Зак. Моя душа закрыта.

– Элоре нельзя волноваться, – предупредил Корбин. Но разве Зак послушается? Всё, что касается Читтапона, его мало волнует.

– А может, и беременности никакой нет? Выдумала её себе, как и любовь к Читтапону? Ты молода, Элора. Жизнь не кончена, и есть люди, которые любят тебя больше всего на свете. Только ты ослепла!

– Зак, хватит, – вежливо попросил Корбин.

– Нет. Пусть говорит. Ему хочется выговориться.

– Я всё сказал.

– Тогда теперь я кое-что скажу. – Я встала, перед этим сунув стакан Корбину. – Ты прав. Когда вы приезжали, я не испытывала к нему ничего. Но знал ли ты, Зак, что порой хватает одного мига для того, чтобы мир перевернулся? Он смог перевернуть мой мир, смог подобраться к сердцу. Жаль, я слишком поздно это поняла... Я не собираюсь тебе что-либо доказывать. И никому не собираюсь. Потому что моя жизнь принадлежит только мне. Не стоит меня понимать. Не поймёшь. Могу сказать лишь одно: я счастлива, что Читтапон был в моей жизни. – Отведя взгляд от Зака, я посмотрела на брата. Наши глаза встретились, но никто ничего не сказал. Я поднялась к себе в комнату.

Лёжа на кровати в тишине и обняв свой животик, я тихо плакала. Спустя некоторое время ко мне присоединился Корбин. Он просто лёг рядом и обнял меня со спины. В детстве мы часто так лежали, играя в кэмпинг. Поскольку

в палатке было тесно, а нам нужно было как-то уместаться, Корбин предлагал повернуться к нему спиной, затем обхватывал меня руками, и мы просто лежали. Мой брат, мой защитник, моя поддержка. Без него мне было бы сложнее. Он умел успокоить, похвалить или поругать, и чаще я прислушивалась к нему. Он согрел меня своим теплом, на душе полегчало и я закрыла глаза. Так мы и уснули.

~~~

Суматошные мысли бились в голове, настойчиво требуя выхода, но не собираясь поддаваться смыслу. Слишком хаотичные размышления доводили Вона до сумасшествия. Он сидел в тишине, в своей квартире, под светом неоновых ламп с бутылкой пива и думал, как выпутаться из дерьма, в которое сам же и вляпался.

Недостаточно было просто оставить Элору, чтобы окончательно выйти из игры. Он продолжал играть, потому что встречался с живым Читтапоном, зная, как страдает Элора. Он лгал Тхэ Мину и многим другим. Разве он не игрок после этого? Разве поступает честно?

Когда Читт изъявил желание поехать к родителям Элоры, Вон снова солгал, сказав, что передал соблезнования Читтапона и пообещал, что как только тот поправится, приедет. Он соврал, когда сказал, что родители Элоры пожелали не видеть его. Вон солгал в том, что её родители винят Читтапона Ли в гибели их дочери. Вон знал, как в ту минуту Читту было больно, но не остановился. Он играл. Играл, а это

означало, что ни черта он не отступил.

Свет моргнул, и Вон решил закрыть глаза. Из-за большого количества выпитого пива кружилась голова. Возможно, он не оставил бы Элору, сложились всё иначе. Она назвала его именем мужа, а значит, не придавала значения тому, с кем спит. Это резало ножом по сердцу. Нет, не желание выйти из игры стало причиной отъезда. Это всего лишь оправдание. На самом деле его душила обида и ревность. А может, даже злость.

Год назад на гастролях в Орландо он был с Читтапоном, но ему не посчастливилось встретить Элору. Если бы он встретил её раньше...

Он поднёс горлышко бутылки ко рту, но выяснилось, что пива внутри не осталось. Тогда он отшвырнул бутылку и уткнулся лицом в подушку. Одна нога свисала с дивана. Для удобства он свесил и руку. Вон надеялся уснуть и избавиться от мыслей. Но это оказалось сложной задачей.

Ревность кололась сильнее, когда он вспомнил переписку с неким человеком со сложным именем Забдиель. Вон читал переписку и понял, что они поддерживали дружеские отношения. Дома в Орландо ждали друзья и поклонники. Один из них этот Забдиель, который слишком ярко интересовался её делами. Вон решил заблокировать парня и удалить его номер, побоявшись, что тот приедет или начнёт копаться. Вон не хотел, чтобы в первое время после выхода из больницы Элора говорила с этим человеком. Страх – оправдание. Рев-

ность – истина. Но как бы там ни было, он в проигрыше.

Тогда к чему эта игра?

Покончить и жить с чистой совестью.

Сев снова, Вон широко открыл глаза. Получается, чтобы отделаться от мыслей и жить спокойно, ему просто нужно рассказать всё Читтапону?

~~~

После изнурительной репетиции Тхэ Мин сел отдохнуть, открутил крышку и начал по глотку пить воду. Пот струился рекой, майка промокла насквозь, энергия заканчивалась, а впереди ещё много работы.

Их было трое. Тхэ Мина попросили стать солистом-партнёром с двумя другими певцами. Один из них был другом Тхэ Мина, не таким близким, как Вон, но за кулисами они любили поболтать. Взбалмошного парнишку звали Сяо Чжэнь. Он был моложе Тхэ Мина, любил танцевать и гордился своим высоким голосом. Со стороны могло показаться, что он наивный женоподобный, но как бы не так. На сцене Сяо выглядел мягким. Однако в жизни занимался боксом и бычился, если кто-то ему не угодил. Сяо весёлый, но в то же время гордый и самовлюблённый.

Сяо приземлился рядом и дважды похлопал Тхэ Мина по плечу.

– Мне показалось, ты сегодня не в духе.

– До сих пор не могу прийти себя после потери Ли, – признался Тхэ Мин.

– Время лечит. Конечно, это потеря для всего мира музыки... Я не понимаю, почему до сих пор не было заявления, что такое случилось.

– И я не понимаю. Вчера говорил с менеджером Читта Марком, пытался расспросить, но он сказал, что это временно. А дальше нёс ахинею какую-то про то, что это забота руководства и всё в таком духе. Меня смутило то, что Марк совершенно не скорбит. Неужели нужно быть таким безжалостным и холодным? Получается, Читт для него был просто продуктом. Никаких чувств! Я поражаюсь!

Сяо встал в комичную позу боксёра и принялся прыгать вперёд и назад.

– Таким морду бить надо. Ты если что скажи, я готов.

У Тхэ Мина на лице появилась улыбка.

– Боюсь, мордобой не решит проблемы.

В танцевальный зал кто-то вошёл, и парни отвлеклись от разговора, пытаясь разглядеть вошедшего. Тхэ Мин встал, потому что узнал парня. Это был Вон. Но что ему нужно здесь? И только он задал себе этот вопрос, как Вону указали в сторону зоны отдыха на Тхэ Мина.

– Где ты пропадал? – с ходу спросил Тхэ Мин.

– Э... работы много. Давно не виделись. Ты как со временем?

– Пока занят, как видишь.

– Надо поговорить. Это важно. Приедешь ко мне вечером? Я буду дома.

– Ладно, – не очень уверенно сказал Тхэ Мин, и как-то странно забилося сердце. Ничего подозрительного в лице Вона он не прочёл, но слово «важно» поистине напрягло. – Как освобожусь, приеду.

– Отлично! Сяо, как дела?

Дальше Вон отвлёкся на разговор с Сяо Чжэнь. Потом парни вернулись к репетиции, а Вон уехал. Весь оставшийся день Тхэ Мин думал о разговоре, который им предстоит, ломая голову над тем, что же Вон ему сообщит.

Тхэ Мин освободился в десять вечера и, не переодеваясь, помчался к Вону. Однако когда он приехал, то дверь ему никто не открыл. Телефон был отключён. Ни этим вечером, ни на следующий день Вон не вышел на связь. Что же произошло?

23.

Бармен поставил два бокала с коктейлем, красиво украшенным декоративным зонтиком и кружочком лимона. Затем поставил две бутылки пива. Последние предназначались Забдиелю и Кристоферу. Вики и я ограничились безалкогольными напитками. Вот уже месяц мы время от времени так встречаемся и болтаем о всяких пустяках. Вики не удалось выпытать что-либо у Забдиеля по поводу моей проблемы, поэтому посоветовала не подпускать его близко, пока не созрею и не расскажу сама всю правду. «Конечно, не жди, пока живот вылезет», – со смешком добавила она. Она смогла уговорить его не торопить меня, напомнив, что я после комы и не совсем оправилась. После разговора с Вики Забдиель позвонил мне. С тех пор мы выходим только вчетвером.

Мне нравились эти вечера. С этими ребятами я отдыхала, стресс отступал. С ними я забывала даже про свой токсикоз. Кстати, я сменила номер телефона, чтобы меня никто из старых знакомых не смог найти. Ни Вон, ни Фаррен, ни кто-либо ещё. В соцсетях я тоже поколдовала. Так что теперь я стала вне зоны досягаемости.

От барной стойки мы пересели за круглый столик в центре зала. В этом баре все столики были узкие и высокие. И что самое примечательное: около них не было стульев. Люди могли стоять, выпивать и пританцовывать. Мне здесь опре-

делённо нравилось. Вики обожала это место и как только речь заходила о выборе бара, она выкрикивала «Баррель».

Сегодня я заехала за Вики, мы немного покатались по городу. Она была под впечатлением от моей езды.

– Элора ловкая. Она проскакивала в самых неожиданных местах, обгоняла машины. Ух! Адриналинчика мне как раз не хватало!

Забдиель на всё это смотрел неодобительно.

– Это опасно, – сказал он.

– Я не просто любитель, не забывай. Но если ты переживаешь, то так и быть, я не стану повторять.

– Будь добра.

Кристофер выглядел уставшим, поэтому не стал комментировать. Вики пританцовывала, у неё единственной было прекрасное настроение. Какое-то время мы пили, слушая музыку. Потом Кристофер с Вики зашептались о чём-то своём, и Забдиель принялся рассказывать одну из историй, приключившейся недавно с его братом Эриком.

– Представляешь, он купил дом! Всё-таки перебрался сюда, гаденыш. Но ужаснее всего то, что дом тот совершенно не предназначен для жизни. Там всё переломано. В крыше дыра!

Я расхохоталась.

– Радуйся, Заб! Теперь он будет очень занят ремонтом.

– Знаешь, чем он будет занят? Он будет подтирать мои пороги, чтобы я оплатил ему ремонт. Да-да! Он уже начал!

Забдиель говорил с наигранной злостью, корча рожицы, а у меня это вызывало просто приступы смеха. Радуюсь, что мне весело, он добавлял ещё шутки. Потом подключились Вики с Кристофером, и за нашим столиком царило заразительное веселье. Но вдруг меня кто-то позвал, и мы резко замолчали. Как по приказу, музыка тоже стихла. Немая сцена. Я поворачиваюсь на голос и вижу удивлённого Зака.

Я не знала, что сказать, поэтому выдавила сухое «привет». Зак тоже поздоровался, затем, пожелав хорошего вечера, ушёл. Настроение у меня упало. Вдруг стало жалко Зака. Каждый раз, когда он приходил к нам, я не проявляла дружелюбия, а тут он увидел меня смеющейся.

Ребята смотрели на меня вопросительно.

– Друг моего брата, – коротко пояснила я, затем заиграла музыка, и я изъявила желание потанцевать.

Домой я вернулась позже полуночи и, к своему удивлению, увидела автомобиль Зака. Сам он спал на водительском сиденье. Он ждал меня? Да, раз находится за воротами и не с Корбином.

Заглушив мотор, я вышла из своей машины и пошла к его. Хотела постучать в окошко, но передумала. Вместо этого забралась на пассажирское сиденье, чем разбудила парня.

Засранец тут же метнул взгляд на часы.

– Караулишь? – спросила я.

– Не совсем так.

– А что тогда?

– Хотел поговорить?

– Интересно стало, с кем я развлекаюсь? А может, я подумала над твоими словами и не хочу стать матерью-одиночкой.

Почему-то мне было весело наблюдать, как с лица Зака схлынула вся краска. Не в силах больше злиться, я потрепала его за щеку.

– Эх ты, ревнивец! Это просто мои друзья, ясно?

Внезапно Зак завёл машину и выехал на дорогу.

– Что? Куда ты меня везёшь?

– Туда, где мы сможем поговорить. Я просто устал от глупых споров, ведь я не этого добиваюсь. Ссориться с тобой мне хочется меньше всего.

– Знаю, – пожала плечами и отвернулась к окну. Я молчала до тех пор, пока мы не приехали.

И кто бы мог подумать, что он привезёт меня именно в наше любимое место. Обычно мы втроём – я, Зак и Корбин, а иногда с нами была Фаррен – проводили здесь целые вечера. Это было мини-кафе с соломенными беседками, расположенными на улице. В каждой беседке по центру стоял стол, рядом скамейки, а с потолка свисала необычная лампа с расписным абажуром. Внезапно вспомнила, что это тайские абажуры, и сразу грусть накатила. Вот бы Читта сюда привезти...

– Не против, если я закажу кофе?

– Мне со сливками.

Прошло минут десять прежде чем Зак заговорил. Сначала он рассматривал меня, как будто увидел впервые в жизни. Я же старалась на него не смотреть, думала о своём. Не я, а он меня сюда привёл. Пусть говорит.

– Мы дружим очень давно, но ты стала какой-то чужой.

– Скажи спасибо Фаррен.

– Я так не хочу, Элора. Если ты считаешь, что я должен забыть про свои чувства и только так вернётся наша дружба, то я готов попробовать.

Я не долго сопротивлялась. Дотронувшись до его руки, тепло улыбнулась.

– Я никогда не была против дружбы с тобой, Зак. Прости меня.

Он попросил разрешения обнять меня, и я позволила. Зак пересел на мою скамейку и заключил меня в медвежьи объятия. И в наших улыбках вспыхнуло пламя, которое может сжечь дотла всех недоброжелателей в мире. Как прежде.

~~~

Он ничего не делал. Лежал и смотрел в потолок.

Жизнь внезапно потеряла смысл. Одно слово, хоть и произнесённое с сожалением, убило весь энтузиазм и желание стремиться к вершинам. «Они винят тебя...» – сказал Вон. Родители Элоры винили его в гибели их дочери. Что могло быть хуже? Только осознание того, что он действительно виноват.

Ян в третий раз за день зашёл к нему в комнату, помахал

листочком, где был написан текст песни.

– Ну же, дружище, соберись! Ты же не думал зарываться в горе. Смотри, видишь? Ты песню для неё написал.

В ответ молчание. Читтапон не хотел ни с кем разговаривать, даже с Яном. Парень потоптался на месте, затем ушёл. Вернулся после обеда, сел на стул и молча наблюдал за Читтом. Присутствие человека не позволяло расслабиться и настроиться на свои мысли. Ян откровенно мешал. И Читт сдался.

– Ладно. Что ты от меня хочешь?

– Я музыку написал для этой песни. На первом этаже пианино есть.

– Оставь меня в покое, Ян. Мне всё до лампочки.

– Но так нельзя! Если не хочешь объяснять, почему ты так резко упал духом, не надо. Одно скажу: сколько ни страдай, жизнь не остановится.

– Уходи, – вяло произнёс Читт и отвернулся.

Ян обиделся и больше не пришёл. В течение двух последующих дней Читт вдоволь наслаждался одиночеством. Он скукал по разговорам с Яном, но себе в этом не признавался. Вон больше не приезжал и Марк исчез вместе с ним. Ну и чёрт с ними! Ким предупредила, что участвует в проекте и несколько дней будет в отъезде. Впервые Читту захотелось её увидеть. Сейчас казалось, что он нужен только ей одной.

Читтапон внушил себе, что её забота искренняя. Он решил, что девушка пытается загладить своим присутствием

вину Тхэ Мина, который ни разу не приехал, чтобы узнать, как здоровье его друга.

В следующий раз, когда Ким приехала, Читт был с ней любезен. Со временем они стали теснее общаться. Читт улыбался ей и даже флиртовал. Ян видел это и качал головой. «Не ты ли говорил, что эта девица тебя раздражает?» – как будто спрашивал он, но потом решил, что не его это дело.

Ким помогла Читту немного ожить, и Яну это было на руку. Однажды заманив Читта на первый этаж с помощью медсестры, он уселся за пианино и начал играть. Когда закончил, услышал восторженные хлопки.

– Мне нравится! – сказал Читт, подъезжая к пианино в своём инвалидном кресле. – Сыграй ещё раз, а я попробую спеть.

Так началась работа над новым хитом, который выйдет через несколько месяцев, но никто не услышит имени Читта-пон Ли. Ян и Ли решили создать дуэт. Это будет новый этап карьеры обоих парней. И Ким поддержала их идею, пообещав передать задумку Марку.

Всё складывалось лучше некуда. В Корее, возможно, о Ли будут говорить как и прежде, но до Америки вряд ли долетят новые хиты дуэта. Уж Марк и Ким постараются этого не допустить.

~~~

Ворвавшись в примерку, Сяо напугал Тхэ Мина. После выступления на футбольном матче тот устал и не чувствовал ни

рук, ни ног. Услышать громкие вопли он никак не ожидал.

– Иногда мне кажется, что ты чокнутый, – буркнул Тхэ Мин несколько раздражённо.

– Смотри.

– Что это?

Сяо пихал под нос Тхэ Мина телефон. На экране было приостановлено видео с физиономией Ду Хёна.

– Ты слушал это интервью?

– Нет. На кой чёрт сдался мне Марк?

Сяо заставил Тхэ Мина просмотреть ролик. Болтовня Марка была бессмысленной и неинтересной за исключением одного единственного вопроса, заданного ведущей:

«Когда мы услышим новые песни Читтапона Ли?»

«В будущем году мы планируем новый проект. Пока это только планы, но верю, поклонники Читтапона Ли придут в восторг».

Забрав телефон, Сяо начал расхаживать по тесной комнатке, выгоняя каждого, кто заходил сюда. Тхэ Мин снял верхний пиджак и остался в короткой белой рубашке с галстуком, хотя рад был бы и от неё избавиться. Он размышлял над тем, что услышал.

– Я всё думаю, – говорил Сяо, – почему Ду Хён не желает сообщать поклонникам Ли страшную новость. Зачем «кормить» их обещаниями, если никаких песен Читтапон больше не споёт?

– Да, это странно, – нахмурился Тхэ Мин. – Пожалуй, я

навещу Марка. Что ещё за проект он задумал?

Он хотел выдать из Марка хоть какую-то дельную информацию. Быстро, однако, не получилось Тхэ Мину навещать Марка. Собственный плотный график выматывал настолько, что он забывал обо всём на свете. Тхэ Мин часто думал о Воне и о том, что же такого тот собирался сказать. Выяснилось, что Вон уехал в Китай сниматься в фильме. Удивляло, насколько резко Вон принял решение подписать с китайской продюсерской компанией контракт. Только винить Тхэ Мин его не мог лишь потому, что сам варился в той же каше. Мог бы хотя бы на телефонные звонки отвечать... это ещё одна странность.

Спустя неделю Тхэ Мин поймал Марка в студии и попросил аудиенции. Тот заявил, что может уделить пару минут. Тхэ Мин не стал терять время и в лоб спросил, что происходит.

– Поклонники верят, что Читтапон жив. Зачем ты это делаешь? И о каком проекте будущего идёт речь в этом интервью? – Тхэ Мин воспользовался ссылкой Сяо и показал видеоролик Марку. – К чему этот обман? Мало того, что вы в тайне похоронили мирового айдола, так ещё играете в какие-то игры...

– Разве тебя не предупреждали, Тхэ Мин, – Марк выставил вперед палец, и выглядело это угрожающе, – это дела компании. Нам выгодно держать всё в тайне. Тебе не нужно лезть в наш бизнес, иначе... – Марк выдержал паузу. – Иначе

мы влезем в твою карьеру. Ты же не хочешь, что бы она пострадала? Сейчас слава принадлежит тебе, Тхэ Мин. Смотри, тебя пригласили выступить на футбольном матче. Не достижение ли? А сейчас извини, мне необходимо работать.

Марк ушёл, а Тхэ Мин ещё несколько секунд сверлил его спину взглядом.

Угроза карьере заставила его заткнуться и забыть о своём погибшем друге на несколько месяцев. Однако Сяо Чжэнь продолжал верить, что в этой истории что-то не так; каждый раз, встречая Тхэ Мина, он заводил одну и ту же пластинку, доводя Тхэ Мина до стресса.

– Что, ты хочешь, чтобы я сделал? – взорвался однажды Тхэ Мин. – Что? Я бессилён. Я ничего не могу. Да и есть ли смысл?

– Есть, – ответил Сяо, но уже самому себе. – В жизни всегда и во всём есть смысл. Надо только копнуть...

~~~

Нола напугала меня, незаметно подкравшись, когда я стояла у окна.

– Что ты там высматриваешь?

– Мама! У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди!

Но Нола не обратила на мои возмущения ровно никакого внимания.

– Мне любопытно, что ты там увидела.

– Да ничего. Наблюдаю за Дэниелом. Он либо в телефоне, либо не дома. Чем он занимается? Какой-то отрешённый,

рассеянный.

– Насколько мне известно, у него новая подружка.

– Это он тебе сказал?

– Дорогая, ты недооцениваешь элиту Орландо! У меня глаза по всему городу и даже за его пределами. Дэниела не раз видели в компании девушки. Может, женится наконец. Он такой сложный!

Вернув взгляд в окно, на задумчивого брата, я почему-то решила, что тут дело явно не в любви. А в чём?

Воспользовавшись моментом, пока Нола отошла поболтать по телефону с очередной подружкой, я пробралась в сад и села рядом с Дэниелом. Я успела увидеть, что он вёл переписку в телефоне. Однако он быстро погасил экран телефона и спрятал его, не желая, чтобы я видела, с кем он переписывается.

– Чего тебе, Элора?

– Раз я села рядом с тобой, значит чего-то хочу? Ты плохого мнения обо мне. Я, может, хочу с тобой поболтать.

– С каких пор?

– Не дерзи, – мягко и очень лаконично отвечала я, хотя тон брата был неприятен. – Дэниел, ты живёшь в нашей семье, словно отшельник. Мы ведь не чужие. Ты никогда не интересуешься моими делами, я решила поинтересоваться твоими...

– Помнится, в последний раз ты пожелала мне хорошего плавания.

– О-о-о, это было месяц назад. К тому же я была невероятно сильно зла на тебя. Ну, не всю же жизнь мне сердиться на тебя. Мы родные как-никак.

– Да что ты заладила – родные, родные... Мы с тобой никогда не подружимся, Элора. Корбин может прыгать перед тобой сколько хочет. Я предпочитаю держаться от вас обоих подальше.

Эти слова больно полоснули по сердцу, но я выдержала.

– Почему?

Его телефон несколько раз пиликнул, и Дэниел занервничал.

– Какая разница...

Вот и поговорили.

Прежняя Элора, возможно, оставила бы Дэниела в покое и занялась своими делами. Но нынешняя Элора решила поискать приключения на свой зад. Или гормоны играли. Как-то утром сидела в гараже, перебирала инструменты, и вдруг Дэниел собрался куда-то ехать. Недолго думая, я села в свою старую машину и поехала за ним, но так, чтобы он ничего не заподозрил. Я умела прятаться на дороге, а Дэниел был слишком расслаблен. Он и не заметил меня в гараже, а значит ничего не поймёт.

Мы двигались в Ок-Ридж по Юг-Джон-Янг-Паркуэй, и в голову закрадывалась смутная мысль, что я знаю, куда он едет. До самого конца я не хотела верить в свою догадку. Но реальность сурова. Дэниел приехал к дому Фаррен. Она вы-

шла через минуту и села к нему в машину. Мне был хорошо виден их смачный поцелуй.

– Вот сучка! – рассердилась я и бахнула кулаком по рулю. Выяснилось, кто эта загадочная подружка.

Фаррен, которая полжизни сохла по азиатам, а именно по корейским поп-айдолам, в конце концов приклеилась к моему брату. Может, он ей корейца напоминает? У Дэниела были маленькие и узкие глаза, не азиатский разрез, но если не присматриваться... В остальном, крашенный блондин, хорошо сложен, красив... Почему бы не повстречаться? Но ведь я знала, что Дэниел для Фаррен – это шпион. Благодаря ласкам она узнает, что происходит в моей жизни.

«Ты убила его!» – отозвались эхом брошенные ею месяц назад слова. Нет уж, Фаррен, если призадуматься, то это *ты* убила его в тот день, когда решила похитить и позабавиться. Если бы не ты, он не встретил бы меня и не женился. Его судьба была бы другой...

Я так задумалась, что не заметила, когда они уехали. Поразмыслив, я позвонила Корбину, который был где-то в городе, и попросила встретиться на нейтральной территории. Мне хотелось поговорить с ним в другой обстановке, не дома.

– Я с Заком. Мы можем вместе приехать.

– Хорошо, – вздохнув, согласилась я. От Зака всё равно Корбин ничего скрывать не станет, смысла сопротивляться не было. – Жду вас в ресторане «Горная ветвь».

Там, на крыше, разбили площадку и отгородили каждый столик живой изгородью. Ощущение было, что ты в благоухоющем саду на возвышении, откуда был виден целый город. Корбин привёз меня в этот ресторан неделю назад, и я тут же влюбилась в это место. И кормят, между прочим, здесь очень вкусно!

Я приехала первая, поэтому заказала молочный коктейль и тарелку с фруктами. Когда Корбин и Зак подъехали, то изъявили желание поесть после тяжёлой тренировки в спортзале.

– По телефону у тебя был встревоженный голос, – сказал Корбин, отламывая кусочек от хлеба, чтобы макнуть в соус. – Случилось что-то серьёзное?

– Катастрофа! Вот, что случилось! Сегодня я узнала такое, отчего просто невозможно будет спать спокойно.

Зак с Корбином переглянулись.

– Дэниел встречается с Фаррен, – сказала я, и они снова посмотрели друг на друга. – Вы знали?

Корбин почесал нос. Зак поелозил кудри на голове. Они знали. Вобрала побольше воздуха в грудь, но успокоиться не удалось. От удара кулаком по столу подпрыгнули тарелки.

– Только не говорите, что хотели уберечь меня от стресса.

– Именно так, – сказал Корбин само спокойствие.

– Чего ты так боишься? – мягко спросил Зак. – Не думаю, что Фаррен для тебя опасна. Даже если объединилась она с Дэниелом... Что они тебе сделают?

– Не знаю. Но уверена, палки в мои колёса навтыкают, и не раз.

– Мы тебя защитим, – поспешил заверить меня Корбин. – Мою сестру никто не обидит, тем более, теперь, когда ты носишь под сердцем моего племянника. – Он улыбнулся. – Не понимаю, чего ты боишься Фаррен. Она просто взбалмошная девчонка, которая от скуки не знает чем заняться.

– Мне вообще кажется, что она с Дэниелом сблизилась, чтобы снова с тобой подружиться.

– Никогда! У меня есть подруга, и это Вики. Она честная и открытая. Фаррен оказалась завистливой сукой. С ней у нас разные дороги. – Я помолчала, съела за это время дольку апельсина, затем печально сказала: – Я глупая, да? Надо было сразу догадаться, что Дэниел с ней роман крутит. Ведь он ей рассказал о смерти Читтапона. И то, что встретил её в баре – враньё.

– Не думай о них больше, – Корбин взял меня за руку. – Думай о ребёнке.

О ребёнке Вона.

Почему-то настроения мне это не прибавило.

~~~

В начале мая в Орландо вернулся отец. Мама давно рассказала ему обо всём, что знала: и о гибели моего мужа, и о моей беременности. Но это не так волновало папу, как моя встреча с Ричардом Колоном, о которой он случайно прознал. По поводу Читтапона он из приличия выразил собо-

лезнования, но поскольку совсем не знал зятя, не проявил никаких чувств и ни о чём конкретно не расспрашивал. Он находил плюс в том, что я рожу от него ребёнка. «В нём ты будешь видеть своего мужа. Тебя должна успокаивать эта мысль, дочка», – сказал он в такой манере, будто вместо ванильного мороженого мне купили шоколадное и сказали съесть его, потому что там есть любимые орешки. К сожалению, всё обстояло совсем не так радужно. Но это было известно только мне.

А по поводу Ричарда Колона папа устроил мне целый допрос, для чего пригласил в свой кабинет.

– Это правда, что Ричард пытался предложить тебе контракт?

– Даже если так, папа, ты знаешь, что меня не волнует шоу-бизнес. Я не хочу скакать на сцене и распевать бессмысленные песенки. Не моё это.

На что папа задумчиво покивал.

– Хорошо.

Я нахмурилась.

– Мне стоит что-то принять во внимание?

– С чего ты взяла?

– Дело в том, что Ричард во время нашего разговора кое-что сказал. Он утверждал, якобы ты попросил, чтобы он сделал из меня звезду, как только созрею до этого дела. Ричард Колон решил, что раз я снялась в клипе мужа, то пойду дальше. Этот разговор произошёл за несколько часов до аварии.

После выхода из больницы он снова попытался потревожить меня, но я подумала, что лишние нервы мне ни к чему. Так что скажешь? Это правда?

– Я всегда мечтал сделать из тебя звезду. Самому мне бы это не удалось, ведь я родитель, а родителям редко удаётся добиться от детей полной отдачи. Я решил, что Ричард сможет сделать это лучше меня. Он моложе и связей больше. Тебе следовало сразу же позвонить мне...

– Чтобы ты меня уговорил? Вряд ли Читтапону это понравилось бы.

– Но теперь Читтапона нет, Элора, – в его голосе сквозил холодок. – Тебе предстоит родить и вырастить ребёнка. Почему ты не хочешь построить карьеру, не понимаю?

– Потому что я не горю желанием строить карьеру на сцене.

– Тогда чем ты хочешь заниматься в жизни, скажи!

Хотела ответить, но запнулась. В действительности я не знала, чем хотела бы заняться. Будущее представлялось туманно.

Джереми Бессон встал и принялся расхаживать по кабинету от окна к столу и обратно.

– У меня трое детей. Все давно выросли, но проку никакого. Дэниел старший, отслужил в армии, пытался сниматься в фильмах, но на этом всё. Бездельник и самодур. Корбин, казалось бы, самый здравомыслящий, но тоже не стремится к славе. Да, учится... только что даст ему его профессия? И

ты. Красивая, талантливая. Вышла замуж за айдола, уехала. Ладно, это твоя жизнь. Но видишь, как поступила с тобой судьба? Она вернула тебя мне. И прежде чем это случилось, ты встретила, заметь, совершенно случайно, с Ричардом. Я бы подумал на твоём месте. Беременной ты сможешь работать над новым альбомом, а после родов дебютируешь.

Мне было больно слышать всё это от отца, но по факту он озвучил правду. Нечего было добавить, голова кружилась, и я предпочла перенести разговор на другое время. Папа всё равно не станет принуждать меня делать то, чего я не хочу. Уговоры продолжатся, но с моими желаниями он всё равно согласится. А я намерена стоять на своём – никакого шоу-бизнеса.

Вечером того же дня я приехала к Забдиелю. Мы договорились посмотреть вместе фильмы и поесть пиццу. Вики с Кристофером собирались присоединиться, но их планы изменились. Я не стала из-за этого отменять встречу. После отцовского мозгового штурма расслабиться было необходимо.

Гостиная Забдиеля была в беспорядке. Извинившись, он сгрёб бумаги на стол и предложил сесть, а сам позвонил в пиццерию. Испытывая слабость, я мешком рухнула на диван и хотела закрыть глаза, но вдруг увидела то, от чего забыла про свой недуг.

– Забдиель? – обратилась к нему, когда тот попрощался с девушкой из пиццерии.

– Да, Элора.

– Кем тебе приходится С. Колон?

– Он был моим отчимом, отцом Эрика.

– Вот как?

– Да, а что?

– Да так... фамилия распространённая. Просто я знаю одного известного человека с такой фамилией.

– У Стива был младший брат, но они не общались. Я не знаю, где он и что с ним.

– Правда? – заинтересовалась я. Мир, оказывается, тесен. – А имя его ты знаешь?

– Знаю. Его Ричард зовут.

Мои брови молниеносно взлетели вверх.

– Тот самый...

– Ты его знаешь?

– Да, но это неважно. Давай фильм выбирать.

Во время просмотра я уснула, и Забдиель разбудил меня прикосновением руки к щеке. Вздрогнув, я открыла глаза. За окном стемнело, телевизор был выключен, свет в комнате не горел, только в коридоре светились ночные лампы. Забдиель сидел рядом и внимательно разглядывал меня со скрытой улыбкой.

– Не хотел будить тебя. Ты так сладко спала.

– Я испортила весь вечер...

– Нет, – его рука скользнула к волосам, поглаживания были приятными, но я отвергла эти невинные ласки.

– Не надо, Забдиель. У нас ничего не выйдет, я уже гово-

рила.

– Наверное, существует причина.

Не знаю, откуда взялась смелость. Наверное, спросонья я просто не могла бояться. Время пришло рассказать Забдиелю правду. Я села повыше и сказала:

– Тот кореец стал моим мужем. Я уехала в Корею, потому что... вышла за него замуж. История невероятная, ты вряд ли поймёшь. А вернулась потому, что в той злосчастной аварии он погиб. Да, я свободна, но... оказалось, что жду ребёнка. Вот так. – Я замолчала, Забдиель не шевелился. – Прости, – прошептала я и тут же засобиралась домой.

Забдиель не остановил меня, не проводил и слов от него я не услышала. Может, так даже лучше. Если больше не позвонит, я пойму.

24.

– Тук-тук. Можно?

Вики оторвалась от лицезрения каких-то брошюр и, увидев меня, широко улыбнулась. На ней было тёмно-синее трико и короткий спортивный топ.

– О, как я рада тебя видеть, Элора! Заходи! – взяв меня под руку, она повела в свой зал. По телефону Вики предупредила, что следующее занятие с группой у неё вечером, так что времени у нас предостаточно. Мы сели на большие мягкие пуфы. Вики любила трогать мой животик, и сейчас не удержалась. – А он растёт не по дням. Животик с каждым разом всё больше.

На самом деле живот был не большим. Шла тридцать шестая неделя, но плод, по словам моего врача, весил мало. Вики просто пыталась меня подбодрить.

– Я только что от врача. Была на УЗИ.

– И как дела у твоего карапуза?

– Всё хорошо в целом. Только маленький.

– Уже точно подтвердилось, что мальчик?

– Да.

– Думала об имени?

– Думала. Я назову его Лукас.

– Какое красивое имя! Почему Лукас?

– Потому что означает «свет», а света мне в жизни очень

не хватает. Лукас будет освещать мою жизнь. – Хотя я всё ещё не чувствовала любви к этому малышу. Меня не расстраивали слова доктора о том, что он не набирает веса. Мне как будто бы было всё равно. Сколько раз я уговаривала себя думать о малыше, представлять, как бы Читтапон был счастлив ему, но... лицо Вона ставало перед мысленным взором и портило все мои мечты.

Вики долго смотрела на меня, она догадывалась о моих чувствах, но не озвучивала свои мысли. Вместо этого всегда старалась развеселить.

– Кристофер пообещал свозить меня на гонки. Знаю, ты любишь машины. Хочешь с нами?

– А... Забдиель будет?

– Нет. Он уехал в командировку в Майами. – Вики спрятала улыбку. – Он так и не позвонил?

– И не позвонит, я уверена.

– Я пыталась спросить, но он избегает разговоры о тебе.

– Брось, Вики, это должно было случиться. Он прав, если злит. Зачем я ему нужна с чужим ребёнком? А дружить он не хочет, что тоже понятно.

– Дадим ему время, – сказала весло Вики и подмигнула мне.

Поболтав с ней немного, я поехала домой. Июль такое время, когда все в разъездах. Папа снова мотался по Америке. Мама укатила на гастроли. Дэниел целыми днями где-то пропадает. У Корбина свои заботы. А я остаюсь одна со сво-

ими мыслями и переживаниями.

Пообедав в гордом одиночестве, я отправилась в свою комнату. Малыш был каким-то беспокойным, пинался и царапался. Низ живота камнем тянул вниз, и мне просто хотелось прилечь. Доктор прописал витамины, а я их не пила. Надо бы. Ругала себя за невнимательность к своему здоровью и здоровью своего малыша, однако, пилюли не принимала.

В телефоне нашла видеоклипы Читтапона и начала просматривать их один за другим, повторяя вслух: «Вот, Лукас, он мог бы быть твоим папой и петь тебе красивые колыбельные». На ютубе наткнулась на новый клип Вона. Похорошел, перекрасил волосы в чёрный. Образ у Вона в клипе символизировал плохого парня, и пел он на китайском языке. Грустный сюжет выжал из меня слёзы. Главную героиню в клипе убивают... а Вон в последний раз танцует для неё... Невыносимо!

В дверь постучались, просунулась голова Корбина.

– Сестрёнка... Ух, Элора, у тебя опять глаза на мокром месте! Давай, умойся, к тебе гость.

– Гость? – удивилась я и сразу подумала о Забдиеле.

Неужели он вернулся из командировки, обдумал всё и готов дружить?

Ни о чём больше не расспрашивая брата, юркнула в ванную, привела мордашу в порядок и спустилась вниз. Гость стоял ко мне спиной. Широкие светло-синие джинсы, белая

футболка, волосы шапочкой сверху светлые, а снизу чёрные. Я не узнавала этого человека.

– Добрый день! Вы ко мне?

Услышав меня, гость повернулся и на корейском поприветствовал меня:

– Здравствуй, Элора! Ты узнала меня?

– Тхэ Мин?

~~~

Его взгляд уткнулся в мой живот, затем Тхэ Мин вопросительно посмотрел на меня.

– Скоро рожать. Да, это его ребёнок, если ты это хочешь спросить, – сказала я, затем предложила пройти в сад. Клэрис по моей просьбе накрыла столик и принесла кофе. – Должно случиться что-то серьёзное, чтобы ты решился на такую длинную поездку, – сказала я, когда мы устроились на своих местах.

– Поверь, мне нелегко далось это решение. К сожалению, не знал, как связаться с тобой.

– И... что привело тебя ко мне?

– Читтапон.

– То есть?

Давно я не испытывала такого сильного волнения. Сердце пустилось вскачь, и вдруг меня захлестнуло холодной волной страха, необъяснимого, мощного. Тхэ Мин меня ненавидел, и вдруг приехал. Выглядел он дружелюбно, но я уже с трудом верила мужчинам.

– Понимаешь, тут такое дело...

– Пока не понимаю. Но если объяснишь, обещаю постараться понять.

– Думаю, ты знаешь, что Читтапона до сих пор не объявили официально погибшим. Поклонники считают, что он жив. Более того, Марк, его менеджер, заявил, что готовит сюрприз на будущий год. Я пытался спросить...

– Что ты такое говоришь? – у меня в голове не укладывалось. Авария случилась в декабре, а уже июль!

– Меня это тоже удивило, Элора. Я разговаривал с Марком, но... он утверждает, что это дело компании. Они не хотят терять деньги, я так понимаю.

– То есть они зарабатывают бабло за счёт умершего айдола? Бред!

– Я приехал сюда, очень сильно рискуя. Марк угрожал моей карьере, если я полезу в их дела.

– Тогда для чего ты приехал?

– Выяснить обстоятельства аварии. Хочу услышать твою версию – версию очевидца. Вон рассказал поверхностно. – Тхэ Мин сделал глоток кофе, затем просто поглаживал пальцем бокал. – Если есть возможность, то я бы хотел съездить в больницу и поговорить с врачами, которые его принимали. Они должны знать, как обстояло дело.

– Я едва ли могу помочь, Тхэ Мин. Когда Читт... когда, – ком в горле застрял, я сглотнула его, сделала глубокий вдох и договорила: – Тогда я находилась в коме.

– Значит, ты не видела Читта после аварии?

– Нет. В последний раз я видела его живым в машине после удара. Он... – по щекам потекли слёзы, – сказал, что любит меня...

Дальше я расплакалась. Никогда эта беда меня не оставит. Тхэ Мин сел передо мной на корточки и взял мои руки в свои мягкие ладони. Впервые я чувствовала от него дружелюбие и теплоту. Он сочувствовал мне, за что я была признательна этому человеку. Видимо, его это горе тоже не отпускает, раз он здесь.

– Больше я ничего не могу тебе сказать, – прошептала я. – А больница находится в Нью-Йорке.

– Знаю. Но я плохо говорю по-английски. Ты не могла бы поехать со мной?

Эта просьба не показалась мне грубой, напротив, я взбодрилась.

– Конечно! У меня там знакомый доктор. Он нам поможет.

Следующие пятнадцать минут мы пили кофе и перебирали одну и ту же тему, вспоминали Читта и плакали. Потом я предложила Тхэ Мину гостевую комнату, но он сказал, что остановился в отеле. Я не показала, что расстроилась. Тхэ Мин – тот человек, который тесно был связан с жизнью Читтапона, и я хотела с ним говорить, говорить, говорить... Нам обоим, по сути, это было нужно.

~~~

Ким мечтательно наблюдала за плавными движениями Читта через стекло. Он её не видел. Его взгляд был направлен на медсестру, которая подсказывала, что делать. Читт делал успехи и быстро шёл на поправку. Ким волновалась по этому поводу. Прошло полгода, но этого не достаточно, чтобы случай был забыт. Марк успокаивал её, обещая, что возвращение Читта начнётся с Китая. Там, по крайней мере, не будет любопытного Тхэ Мина.

– Он будто догадывается, – говорил Марк. – Уже несколько раз подходил ко мне с вопросами. Какое счастье, что скоро у него «фанмитинг» тур по Азии. Появится время реанимировать карьеру Читта.

Тхэ Мин не заботил Ким так, как Элора, которая являлась законной женой Ли и, прознав о том, что он жив, тут же примчится. У Ким в запасе было мало времени. Если бы Вон не бросил Элору, у Ким была бы с ней связь. Вон всегда мог отвлечь её, если было бы необходимо. А сейчас неизвестно, что с ней и где она.

– Ким? Ты меня ждёшь?

Вздвогнув, она обернулась. Так задумалась, что не заметила, как Читтапон закончил физические упражнения и сел в своё кресло. Он подъехал ближе, чуть склонил голову в приветственном жесте. Ким тоже склонилась.

– Соскучилась. Приехала рано.

– Хочешь со мной перекусить? Мне одному скучно. Ян уже две недели, как уехал из центра.

– Предложение с удовольствием приму, – расплылась в довольной улыбке Ким. – С Яном ты подружился, я смотрю.

– Редко среди нас встречаются добрые и понимающие люди. У нас много общего, и это нас связывает. За эти месяцы Ян стал мне не просто другом, а братом.

– О, наверное, он действительно хороший человек. А разве он не обещал навещать тебя?

– Он навещает. Но это уже не то. – Читт посмотрел на свои ноги и на лице отразилась грусть. – Мне говорят, что скоро я буду ходить и даже танцевать, но ноги почему-то меня не слушаются.

– Это психологическое, – успокаивала его Ким. – Всё придёт в норму.

Они подошли к столику на улице и сели. Девушка из обслуживающего персонала принесла им лапшу с яйцом. Читтапон сразу взял палочки и начал есть, а Ким не чувствовала голод. Она думала, как заставить парня, сидящего напротив, влюбиться в неё. Любовь уже не отбить. Потом, даже если Элора появится на горизонте, сердце Читта к ней остынет.

– Чем занимается Тхэ Мин? – спросил Читт. Он обижался на друга, но думать о нём не переставал.

– Я не слежу за его жизнью, Читт. У самой плотный график, выделяю время для тебя – это всё, на что меня хватает.

– Не стоит.

– Что? Читт, пожалуйста, мне ведь доставляют радость эти посещения. Не порти настроение, прошу тебя.

Читт улыбнулся своей неотразимой улыбкой и вернулся к поеданию лапши. Пока Ким думала, как привлечь внимание Читтапона, он вспоминал лучшие мгновения в объятиях Элоры.

Он не забудет эту американку ни за что и никогда.

~~~

Корбин прочитал мне длинную нотацию по поводу моей затеи ехать в Нью-Йорк, даже несмотря на то, что со мной отправляется Тхэ Мин. Билеты были куплены, чемодан собран. Тхэ Мин ждал меня вместе с такси ровно в восемь утра. А я до сих пор ссорилась с братом.

– И почему я тоже не могу поехать?

– У тебя учеба.

– Не предлог.

– Предлог, если учесть, сколько времени это займёт.

– Сколько? – Корбин упёр руки в бока.

Я схватила чемодан и двинулась к лестнице.

– Я понятия не имею, сколько пробуду в Нью-Йорке.

– Этот Тхэ... Как его там? Ладно, ты уверена в нём?

– Он был лучшим другом моего мужа. Как сам думаешь?

Взяв у меня чемодан, упрямец брат спустил его вниз и помог донести до такси. Я знала, что он чувствует. Корбин боялся отпускать меня именно теперь, когда я была так беззащитна. О проблемах с беременностью он тоже знал и переживал за нас. Мой любимый брат уже привык к мысли, что станет дядей, и это умиляло. Однако ребёнок Вона меня не

так заботил, как то, что мы с Тхэ Мином сможем выяснить в Нью-Йорке. В глубине души я верила, что поездка будет не напрасной.

В самолёте мы дружелюбно общались на разные темы. Мой корейский был не так плох, как выяснилось. А Тхэ Мин оказался интересным собеседником. К тому же он был галантен: помогал мне переступить пороги, передавал чай и еду, попросил у стюардессы плед, чтобы я не мёрзла. Ким полная дура, если считает, что Тхэ Мин плохой любовник. Он – мечта многих девушек. Не моя мечта, конечно. Однако мнения это не меняет. Впервые я смотрела на Тхэ Мина с теплотой и пониманием, а не как раньше – с презрением.

Мы приехали в Нью-Йорк к обеду и первым делом заселились в отель. Я не стала долго думать и выбрала тот же отель, где останавливались мы с Читтом. Да, здесь хранились воспоминания, но радовало то, что нас заселили совершенно в другой стороне и на другом этаже. Тхэ Мину достался номер через дверь после моего, так что мы были не очень далеко друг от друга.

Приняв душ и переодевшись, мы поехали в ресторан обедать. Метрдотель подумал, что мы муж и жена. Как ни странно, но Тхэ Мин не стал его поправлять. Лишь улыбнулся и подставил мне свой локоть. Смущённая ситуацией я приняла жест и гордой походкой последовала за корейцем.

– Ты правда понял, что сказал метрдотель? – решила уточнить я, когда меню были в наших руках. Я решила, что уро-

вень языка не позволил понять смысл сказанного. Тхэ Мин очень плохо говорил по-английски.

– Элора, если я буду всем объяснять на своём плохом английском, кем ты мне приходишься, у них уши в трубочку скрутятся. Предпочитаю промолчать. Извини, если тебя это задело.

– Нет. Нисколько.

– В таком случае, давай закажем еду.

За обедом мы распланировали наш день и решили ехать в больницу немедленно. Я не стала признаваться Тхэ Мину, что плохо себя чувствую. В последнее время я частенько чувствовала недомогание и считала это нормой в моем положении. В сумочке нашла таблетку от тошноты и выпила её. Мама уже говорила, что тошнота в третьем триместре не очень хороший признак, но я ссылалась на слова доктора: «Просто отдыхайте чаще и пейте витамины». Витамины. Меня тошнило от их запаха, я не могла их пить!

В регистратуре я обратилась к медсестре и попросила позвать доктора Джона Марса. К счастью, он находился в больнице и не на операции. Медсестра тут же позвонила в отделение, после чего пригласила следовать за ней. Тхэ Мин шёл тихо рядом, лишь иногда бросал на меня вопросительный взгляд.

Джона был удивлён и счастлив моему появлению. Он бросил взгляд на мой живот и улыбнулся. Я кивнула, но не дала ему завести тему о беременности. Не за тем мы здесь.

– Это Тхэ Мин, – быстро представила своего спутника и перешла к делу. – Нам нужна помощь.

– Профессиональная?

– Э... нет, не врачебная. Я бы хотела поговорить с доктором, который принимал моего мужа в день аварии. Помню, ты говорил, что история его болезни исчезла даже из архива. И я решила побеседовать с доктором. Он должен знать, что произошло.

Джона с минуту молчал, что-то обдумывая.

– Он не хочет нам помогать? – спросил на корейском Тхэ Мин.

– Подожди секунду.

– Я сейчас вернусь, – сказал Джона, поднимаясь с места. – Чай или кофе?

– Мы только пообедали. Спасибо.

– Я бы выпил чай, – сказал Тхэ Мин тихо, как бы мне в упрёк, когда Джона вышел.

– Потом напьёшься.

Джона вернулся минут через двадцать. Мы успели заскучать. Тхэ Мин листал разные журналы о беременности женщин и спрашивал, что значит то или иное слово. В общем, он меня замучил.

Медленно закрыв за собой дверь, Джона замер. Руки его были в карманах белого халата, а взгляд смотрел в пустоту. Наконец он сказал:

– Сожалею, но тот врач уволился.

Я подорвалась с места. Где-то внизу живота кольнуло, но я проигнорировала боль.

– Что значит уволился? А найти его нельзя? Он ведь из Нью-Йорка.

– Мне сказали, что он уехал с семьёй в Грецию.

Новость настолько меня ошеломила и расстроила, что я начала кричать что-то о несправедливости. Тхэ Мину наш разговор я забыла перевести, и он разволновался. А потом мне резко поплохело.

Голова закружилась, в глазах потемнело и стрельнуло где-то внизу живота. Я ахнула, согнувшись пополам.

Тхэ Мин испугался, но успел меня подхватить.

– Элора!

Дальше я смутно понимала, что происходит. В голове билась четкая мысль: «Ну и пусть. Мне ребёнок Вона не нужен».

~~~

Очнулась я в палате, и сразу поняла, что спала из-за лекарства; в обморок я точно не падала. Придя немного в себя и вспомнив, зачем я приехала в больницу и с кем, а потом припомнив в подробностях, что произошло, я немного расслабилась. В палате я была одна. Через трубку и иглу катетера в мои вены втекало лекарство. Машинально коснулась живота, и ответом мне был лёгкий пиночек. Такая реакция ребёнка меня позабавила, и я улыбнулась.

Губы пересохли настолько, что улыбка вышла резиновой.

До стакана с водой не смогла дотянуться, пришлось встать. Всё ещё ощущая лёгкое головокружение, я, придерживаясь за стойку капельницы и везя её за собой, пошаркала к столу.

Джона вошёл, когда я допивала воду.

– Который час? – спросила я прежде, чем он удивился, что его пациентка на ногах.

– Семь вечера. Как чувствуешь себя?

– Прекрасно. – Джона посмотрел на меня сурово исподлобья, и я поправилась: – Почти.

– Я бы хотел оставить тебя на ночь в больнице.

– Не нужно. Я правда себя хорошо чувствую, ребёнок шевелится. Ничего ведь серьёзного?

– Я не смотрел тебя на УЗИ, только слушал сердцебиение малыша. Всё указывает на...

– Гипоксию? Мой врач в Орландо говорил об этом, но вроде не советовал госпитализацию. – Я помолчала, затем присела на кровать. – Плод маленький.

– Гипоксия влияет не только на задержку роста. Если она развивается на поздних сроках беременности, то это чревато поражением нервной системы. Я выпишу тебе лекарства, которые ты пообещаешь принимать.

– Хорошо, доктор Марс, – кокетливо произнесла я и протянула руку. – Снимите эту иглу? Я поеду в отель... отдыхать.

– Только, – он указал на меня ручкой, – когда лекарство закончится.

Он быстро проверил количество жидкости в пакете, затем велел мне лечь, а сам вернулся к записям.

– Как поживает твоя жена?

Джона замер. В его выражении читалась крайняя степень усталости и уныния. И я сникла.

– Жена бросила меня два месяца назад. Готовлюсь к бракоразводному процессу.

– Сожалею, – тихо произнесла я.

А потом вошёл Тхэ Мин.

– Медсестра сказала, что Элора проснуться, – сказал он на ломаном английском. И мы сразу обменялись робкими улыбками. – Всё есть хорошо?

– Да, – кивнул Джона, – ваш ребёнок в порядке, но необходимо соблюдать осторожность.

– «Наш», – нахмурившись, Тхэ Мин в недоумении посмотрел на меня.

– Э... он не отец, – быстро сказала я. – Просто друг моего мужа.

Лицо Джона залилось краской смущения, он спрятал взгляд в моей истории болезни, затем сказал:

– О, приношу свои извинения.

Через час мы с Тхэ Мином собрались возвращаться в отель. Медсестра помогла мне переодеться, пока Тхэ Мин ждал меня в коридоре. Он терпеливо выдержал всё время, пока я находилась под наблюдением и не высказал ни единой жалобы. Перед уходом Джона вручил мне рецепт с про-

писанными лекарствами и попросил Тхэ Мина проследить, чтобы я их купила.

– Да. Сейчас прямо купить их, – ответил он, забирая у меня рецепт.

Затем Джона протянул мне свою визитку.

– А это на случай непредвиденных ситуаций. Звонить можешь в любое время дня и ночи.

– Спасибо за помощь, – сказала я, пряча визитку в карман джинсов.

Мы обменялись взглядами, после чего Тхэ Мин мягко подтолкнул меня к выходу. Мы вернулись в отель, по дороге заехав в аптеку. Тхэ Мин зашёл вместе со мной в номер, разложил коробочки с таблетками на прикроватной тумбочке, перенёс графин с водой из гостиной в спальню и поставил рядом пустой стакан. Затем, поджав губы, посмотрел на всё это долгим взглядом.

– Читтапон позаботился бы о тебе лучше, чем я.

– Не волнуйся, – у меня дрогнул голос. – Я в полном порядке. Мы... ничего не добились.

– Да, – печально кивнул он.

– Наверное, придётся смириться?

– Ничего другого не остаётся.

– У меня была мысль поговорить с очевидцами аварии. Может... с полицией.

– Ничего мы этим не добьёмся. Прости, что пришлось ехать со мной сюда. Это было глупой идеей. Даже не знаю,

что именно я хотел узнать...

Тхэ Мин замолчал, уставившись в сторону. В его глазах блеснула грусть. Слова, произнесённые им, вызвали бурю разных эмоций. Сглотнув ком, я поддалась порыву, подошла к нему и крепко обняла. Руки Тхэ Мина, привыкшего держаться от женщин на расстоянии и лишь почтённо кланяться им, несмело коснулись моей спины. Он не сразу расслабился, но когда понял искренность этих объятий, прижал к себе крепче и даже щеку приложил к моим волосам.

– Ты хорошая. Я ненавижу тебя... Прости...

– Поверь, это было взаимно, – оторвавшись от него, я улыбнулась. Слезы текли по лицу, но я даже не думала их вытирать. – Важно не прощение, а то, что мы оба поняли, в чём были неправы. Я до сих пор люблю Читтапона. И буду любить всегда. Вечно. Неважно, как сложится моя жизнь, я буду любить его.

– Это лучшее, что ты можешь сохранить в своём сердце для него.

Перед сном я не стала пить таблетки. Жутко хотелось спать, к тому же думала, что за прошедший день меня достаточно напичкали медикаментами. Мы с Тхэ Мином заказали ужин в мой номер, поели, после чего он отправился к себе. Я долго слонялась без дела, затем забралась в постель и уснула.

Сон был беспокойный. Почувствовав, что что-то не так, я включила светильник и откинула одеяло. То, что я увидела, заставило меня закричать.

25.

Кровь была везде: на простыне, на моей одежде, на внутренней стороне бёдер, струйками стекала по ногам.

На мой крик никто не прибежал.

В панике я не сразу сообразила, что нужно делать. Побежала в ванную и встала под душ. Кровь продолжала течь, малыш не подавал признаков жизни, как я ни старалась тереть живот. Низ живота камнем оттягивало вниз, однако особой боли я не ощущала.

Естественно, я дико испугалась и практически выла от безысходности. Потом вспомнила о визитке Джона. Обернулась полотенцем и помчалась звонить. Кровь капала, оставляя повсюду следы.

Джона среагировал сразу. Едва я закричала, что вся в крови, он бросил: «Еду!». И приехал не один, а с целой бригадой фельдшеров. За время, пока ждала, я позвала Тхэ Мина, но он мало чем мог помочь. От вида крови парню стало нехорошо. Отправив его в вестибюль встречать Джона, я забралась в кровать, свернулась калачиком, насколько позволил живот, и тихо молилась, чтобы всё обошлось.

Первым делом Джона осмотрел меня, сделал какой-то укол, потом послушал сердцебиение ребёнка и сообщил, что оно почти не прослушивается. Впервые я испугалась за малыша. Я наплевательски относилась к нему всю беремен-

ность, потому что не могла смириться с тем, что в нём будет течь кровь Вона, но теперь, когда нависла угроза, я пожалела о своём отношении.

До первого этажа Джона вёл меня за руку, затем меня положили на каталку.

– Тхэ Мин, – позвала я, и он тут же оказался рядом, – позвони Корбину. Пожалуйста. Номер найдёшь у меня в мобильнике. Просто напиши в поисковике контактов Корби.

– С тобой всё будет хорошо, – пообещал в ответ Тхэ Мин, затем Джона закрыл дверцу «скорой помощи».

По дороге я потеряла сознание.

~~~

За несколько часов до случившегося с Элорой Корбин находился в своей комнате, болтал со своей новой девушкой о том о сём. Утром Элора написала, что у неё всё хорошо, и хотя у Корбина было беспокойно на сердце, он удовлетворился её сообщением.

Клэрис робко постучалась и вошла.

– Там Элору спрашивают. Что мне ответить?

Корбин пообещал подружке перезвонить, а сам напрягся.

– Кто её спрашивает?

– Молодой человек.

– Свободна, Клэрис. Я сам с ним побеседую.

Сгорая от любопытства, Корбин мигом спустился вниз и встретил гостя. Ему не нужно было долго думать и гадать, он знал, кто перед ним стоит.

– А, это ты? А Элора в Нью-Йорк умотала. Что-нибудь передать?

– Надолго она там?

– Мне она не сообщила.

Забдиель кивнул.

– В таком случае я зайду, когда она вернётся. Извини. – Он повернулся к двери, но снова посмотрел на Корбина. – Э... ты брат, я правильно понял?

– Именно. У вас отношения?

– Нет. Мы всего лишь друзья... я... однажды вытащил её из сложной ситуации.

И Корбин сразу же догадался.

– Значит это ты – тот, кто подобрал её и корейского айдола на дороге?

– Верно.

– Был бы ты умнее, нашёл бы её родных и сообщил. Ничего бы тогда не случилось, – колко упрекнул Забдиеля Корбин. Элора бы не одобрила такого разговора, но его злость взяла. Мало того, что подруга предала, так ещё и незнакомый человек пошёл на поводу и не помог по-человечески, позволив Читтапону манипулировать Элорой. А теперь этот добродетель называет себя её другом, приходит в дом, как ни в чём ни бывало? – Знаешь, мне не выбирать, с кем Элора дружит или встречается. Я лишь переживаю за неё. Она совсем ещё девчонка, а уже натерпелась. Не хочу видеть её страданий.

– Справедливо обвиняешь меня. Однако я не знал её. Элора попросила помочь, и я помог. О том, что произошло потом, я узнал несколько месяцев назад.

Корбин помолчал, глядя в сторону. Затем резко выдал:

– Оставь мою сестру в покое, ладно?

Ничего не ответив, Забдиель покинул дом Бессонов. А через минуту из-за арки выглянул Дэниел. Со злорадной улыбкой он приблизился к Корбину.

– Я знал, что с этим Читтапоном у неё не было любви. Фарс! Обман! Элора просто впуталась в...

– Тебя учили, что подслушивать нехорошо? – Корбин стиснул зубы и покрылся красными пятнами. Скоро всем будет известно, что на самом деле произошло с Элорой. – Во всём виновата твоя сучка Фаррен. Спроси её, что она хотела сделать с Читтапоном. Спроси! Если она не ответит, я с удовольствием тебе поведаю истинную историю.

У Дэниела исчезла улыбка с лица.

Корбин вернулся к себе, потеряв интерес ко всему. До Элоры он не дозвонился, и начал волноваться. Он сделал вторую попытку ближе к вечеру, но ответа снова не последовало. В тот момент Элора мирно спала под капельницей. Корбин внезапно пожалел, что, споря с ней перед отлётом, не попросил на всякий случай номер телефона её корейского друга, с которым она отправилась в другой конец Америки. Зачем вообще он её отпустил?

Открыл учебники, но сосредоточиться не получилось. За-

ку позвонил, но тот был занят, пообещал утром перезвонить. Дэниел умчался к своей Фаррен – наверняка выяснять, чего она ему не рассказала. Корбину было смешно, когда он думал об этом.

Не найдя себе дела, Корбин в конце концов уснул. Сон был беспокойным, он ворочался с боку на бок, то и дело просыпался, потом засыпал. Среди ночи его разбудил звонок. Увидев имя сестры на экране, Корбин подорвался с места и чуть с кровати не свалился.

– Алло? Алло, Элора? Ты там в порядке? – крикнул он в трубку. Пока выпутывался из одеяла, скакал на одной ноге.

– Это Корбин?

– Да, – запнулся парень, услышав мужской голос с акцентом.

– Я – Тхэ Мин. Элора в больница. Его увезти машина с лампочкой.

– Машина с чем?

– Э... доктор увёз на машина с лампочкой. Синяя и красная. Уи-уи... – Тхэ Мин очень старался объяснить, но его английский был слишком слабый.

– Я понял. Элору увезла «скорая». Что с ней?

– Она просить мне тебя в Нью-Йорк. Ты приехать здесь, окей?

– А с Элорой что?

– Кровь везде, повсюду. Она плакала.

– Ладно. Я приеду первым же рейсом.

Отключив звонок, он наконец выпутался из одеяла и залез в интернет, чтобы забронировать билет на самолёт. Он чувствовал, что нельзя было её туда отпускать.

~~~

Вылететь получилось только в семь утра. Через два с половиной часа Корбин приземлился в аэропорту имени Джона Кеннеди, а ещё через час достиг отеля, где ждал его Тхэ Мин. К сожалению, адреса больницы тот дать не смог.

Номер Элоры ещё не убрали, и Корбин увидел, сколько крови она потеряла. Постель, ванная, пол были покрыты тёмно-красными засохшими пятнами. Тхэ Мин стоял в коридоре, боясь вида крови.

– Куда её увезли?

– Я не знаю, куда. Знать, что там Читтапон умер.

«Вот только я этого не знаю», – думал Корбин.

На прикроватной тумбочке лежала карточка. Корбин прочитал имя – Доктор Джона Марс. Отлично! Он быстро набрал его номер.

– Добрый день! Я – брат Элоры Бессон. Меня зовут Корбин Бессон. Полагаю, мою сестру увезли в вашу больницу? – быстро проговорил он, когда Джона усталым голосом ответил на звонок.

– Здравствуйте, мистер Бессон. Да, Элора у нас. Ночью у неё открылось кровотечение. Удалось остановить. Срок для родов ещё не подошёл, мы постараемся сохранить плод ещё хотя бы неделю. Если всё будет хорошо, то сделаем Кесарева

сечение.

– Как мне к вам проехать?

Джона продиктовал адрес, и Корбин тут же вышел из номера Элора.

– Ты со мной? – крикнул он Тхэ Мину. Тот несмело кивнул, затем последовал за парнем. По дороге он попытался расспросить корейца, зачем они примчались сюда. – Элора толком не объяснила. Я, честно говоря, не совсем понимаю, что ещё можно выяснять. Человека нет. Его не вернуть.

– Что-то случиться, мы не понимать, – говорил Тхэ Мин. – Читтапон как будто не умер. В Корее фанаты не знают, что он попасть авария, что он...

– Почему?

– Компания не хотеть. Я думать и думать, потом приехать к Элора, чтобы спросить. И вот... мы здесь.

– Я всегда знал, что вы все тронутые, – пробубнил Корбин. Тхэ Мин его не понял, и хорошо.

В больнице их встретил Джона Марс. Он пожал Корбину руку, а Тхэ Мину в ответ на поклон качнул головой.

– Элора в плохом состоянии. Сейчас она спит, но вы можете к ней зайти. По одному, – добавил он, глядя на корейца. Затем вернул взгляд на Корбина: – Плод очень маленький. В целом, малыш развивается хорошо, но стрессы и пренебрежение здоровьем сыграли свою роль. Похоже Элора не очень заботилась о питании и не принимала витамины.

– Я об этом ничего не знаю. При мне она питалась хорошо.

А когда приходила от врача, всегда улыбалась.

Джона вздохнул.

– Тем не менее, она сейчас в палате с капельницей бледная как полотно. Из Нью-Йорка я её точно не выпущу, пока не родит. Опасны ей перелёты.

– Я всё понял.

Пока Джона и Корбин разговаривали о финансовой стороне дела, Тхэ Мин ответил на срочный звонок. Его спохватились и требовали вернуться в Сеул. Его вольный отъезд в Америку мог грозить штрафом компании. Сочинив историю про друга, нуждающегося в помощи, он пообещал вылететь первым рейсом. После чего, перед тем, как Корбин отправился к Элоре, Тхэ Мин сообщил, что вынужден уехать.

– Я хотеть, чтобы ты сказать мне что стало с Элора, окей? Я волнуюсь за она.

– Не волнуйся. Я её не оставлю. Езжай со спокойным сердцем.

Проводив корейца, Корбин поднялся к сестре. В палате царил полумрак. Элора спала. К животу были прикреплены провода, а машина рядом с кроватью показывала жизнедеятельность малыша. Корбин долго смотрел на непонятные линии, затем переключился на сестру.

– Не знаю теперь, радоваться ли этому ребёнку, – прошептал он. – Если он отберёт тебя, я не смогу его принять. Так что борись, сестрёнка. Доктор сказал, что жизни твоей ничего не угрожает, но ты потеряла много крови и на восста-

новление уйдёт много времени.

Что-то резко пиликнуло, затем Корбин увидел, как всего на секунду на животе появился бугорок. Он исчез так же быстро, как и возник. Ребёнок шевелился, он жил.

– Я всё же видел тебя потрясной гонщицей, а потом девушкой Зака. Почему всё так резко изменилось? Кто виноват? – Корбин погладил сестру по руке, описал круг возле катетера, провёл нежно по пальцам. – Фаррен? Забдиель? Читтапон? Ты сама? Или мы – твоя семья? Сам я никогда не найду ответа на этот вопрос.

Взяв у стены стул, он оседлал его и сидел в молчании, слушая писк машинки, пишущей сердцебиение неродившегося человечка.

~~~

Дэниел толкнул Фаррен на кровать, а сам лёг сверху, прижав своим весом так, что она не в силах была свободно дышать. Руки он завёл девушке под спину, заставив извиваться.

– Непохоже это на тебя, Дэниел, – забеспокоилась она.

А он смотрел на стальные волосы, разбросанные по подушке, на чуть приоткрытые губы, густо покрашенные тёмной помадой, и на зелёные глаза, в которых отражался вопрос. Дэниелу нравилась такая Фаррен – беззащитная и неподвижная. В данную минуту она покорная, и можно идти в наступление. Дэниела Бессона ещё ни одна бабёнка не обвела вокруг пальца.

– Хочу тебя, – с улыбкой произнёс он. – А ты?

– Ты же знаешь, дорогой, я...

– Хочу грубо.

– Что? – девушка задёргалась. – Дэниел мне неудобно...

– А мне нравится. Мне интересно, какие фантазии тебя посещали, когда ты задумала похитить Читтапона, – томно, даже сексуально проговорил, довольствуясь тем, как округляются глазки милой Фаррен, превращая её в испуганную лань. Корбин не хотел рассказывать, но Дэниел выпытал. Теперь он знал всё, что произошло с Элорой. И хотя сестра никогда не заботила его, всё же было неприятно. В данной ситуации Фаррен могла и им воспользоваться, а это уже серьёзно. – Молчишь? Ты мечтала о корейце, а он достался Элоре. Ясно теперь, почему ты устроила истерику, явившись к моей сестре.

– Я задумывала это как игру, не более.

– Игру? – Дэниел усмехнулся и ещё сильнее придавил её своим весом. – А со мной ты тоже играешь?

– Нет. С тобой я не играю.

Фаррен извивалась, пыталась высвободиться, но Дэниел был очень сильным. Не зря же в армии служил и в спортзале качался.

– Как же ты это докажешь?

Хороший вопрос – как? Фаррен понятия не имела, как могла бы доказать искренность чувств, каковых нет. Не игра, но запасной вариант – она бы это так назвала.

– Я дам то, чего ты хочешь, – кокетливо произнесла она и

потянулась к его губам. – Хочешь животного секса? Ты его получишь. Поцелуй меня.

Почувствовав превосходство, Дэниел прильнул к её губам. Казалось, очень просто приручить буйную козочку. Дэниел ликовал в душе. Но недолго. Резкая боль заставила его не просто отпрянуть, а вскочить на ноги, освободив при этом свою «добычу». Громко ругаясь, он пошёл в ванную.

– Твою мать! Фаррен, ты прокусила мне губу! – орал он, одновременно промывая ранку водой.

– Ты же хотел грубо, – злорадствовала она. – Я пыталась исполнить твою мечту.

– Тварь!

– От твари слышу! Теперь мы – одна команда. – Она зашла в ванную и опёрлась одним плечом о косяк. – Неважно, что было в прошлом. Если бы я добилась своего, то с Читтапоном Ли ничего плохого бы не случилось. А Элора его убила.

– Заткнись.

– Не заткнусь. Из-за неё он погиб, потому что она только строит из себя святошу, Дэниел. Я почти полжизни была её подругой и выучила её как свои пять пальцев. Элора строптивая, упрямая и не думает ни о ком, кроме себя. Если Читтапон её и любил, то она – нет, чем доводила его. Ещё неизвестно, по какой причине произошла авария.

– Она сказала, что они спорили, и водитель отвлёкся. – Он принял ватный тампон из рук Фаррен и приложил к губе.

– Вот видишь? Спорили. Элора и спровоцировала аварию.

Теперь не говори, что я преувеличиваю. – Она помолчала, а когда Дэниел вышел в гостиную, она последовала за ним со словами: – Слушай, Читтапон умер. С Элорой мы больше не подруги. Какой смысл мне играть с тобой? Дэни, – она обвила его шею руками, – мне просто хорошо с тобой. Уверена, что и ты не питаешь ко мне высоких чувств. Забей и наслаждайся жизнью.

На этом разговор был закончен. Фаррен перешла к делу, зализывая ранку, которую сама же сделала. Дэниел успокоился и больше не думал ни о сестре, ни о Корбине. По сути, ему на всех было чихать.

~~~

Протягивая руку, Ян сомневался в том, что поступает правильно.

– Давай! Не бойся, – настаивал Читтапон, сверкая глазками.

– Если меня обвинят в том, что я истязуюсь над пациентами центра и вытурят отсюда навсегда, ты будешь виноват.

– Через неделю я не буду пациентом этого центра. Дай же руку!

Ян сдался и ухватился за руку Читта. Кресло дрогнуло и слегка откатилось назад, а Читтапон неуверенно стоял на полу. Стоял! Ян глазам своим не верил.

– Я просто хочу снова танцевать, – только и сказал Читтапон, после чего сделал шаг к Яну, а тот инстинктивно отступил, позволив другу шагать. – Видишь? Я уже крепко стою

на ногах.

– Невероятно!

Не удержавшись, Ян заключил Читта в дружеские объятия. Слезы проступили на глазах от счастья. Увидев это, Читт тоже заплакал, но по-настоящему, потому что этого не видит Элора. Коленки задрожали, и он упал на кровать. Ян присел рядом, похлопал по спине.

– Эй, нечего раскисать. Впереди столько всего нового и интересного. Мы с тобой запишем дуэт, и не один! Поставим танец. Вот увидишь, у нас будет успех! Главное, ты выжил и можешь ходить, – подбадривал Ян.

– Без неё мне будет сложно.

– Знаю, но жизнь продолжается. Знаешь, когда я расстраиваюсь и думаю, что всё кончено, моя мама говорит: «Помни, после пасмурного дня обязательно выйдет солнце и согреет тебя». Живи этой мыслью, друг.

Через неделю Марк в компании Ким приехали забирать Читтапона из центра. Ким упрямо притворялась, что у неё с Читтапоном Ли отношения, она об этом Ду Хёну сказала. Он не отреагировал, но поставил себе галочку, что на публику эта информация не должна выйти. Не для того он избавился от Элоры, чтобы к Ли привязалась ещё одна девка. Марку нужна была свободная от всяких обязанностей звезда, и сотрудничество с менеджером Яна было кстати. Запись альбома, танцевальная практика, съёмки и гастроли отберут Читта у Ким.

А Ким в свою очередь лелеяла в душе надежду заполнить Читта целиком и полностью, пока он будет окончательно восстанавливаться, а это как минимум месяца четыре, если не больше.

Разные мысли, разные цели.

У Читтапона на этот счёт были другие планы. Да, с работой он поспорить не мог, но пока, переехав в свою квартиру в центре Сеула, он планировал завести кота, а может ещё и собаку, и посвятить жизнь им. Ким? Он о ней не думал.

– Может, мне остаться? – спросила она, помогая раскладывать одежду Читта. – Я могла бы приготовить ужин.

– Нет, – отрезал он, медленно шагая от полки к полке. – Я в состоянии взять телефон и заказать еды.

Положив стопку футболок на среднюю полку, она подошла к парню и остановилась прямо перед ним. Читт смотрел на неё несколько растерянно.

– Как же ты будешь здесь один?

– Ким, я *хочу* остаться один. Мне не нужна ничья помощь. В противном случае, если понадобится, я позвоню тебе, хорошо? А теперь мне необходимо отдохнуть. Покинь мою квартиру, пожалуйста.

Грубый тон обидел Ким, поэтому она просто развернулась и ушла, не забыв свою сияющую разными камушками сумочку. И несмотря на то, что видел блеск слезинок в уголках её больших глаз, Читт не почувствовал и не пожалел о своих словах. После её ухода он просто лёг спать.

Проснулся он около одиннадцати вечера, заказал суши и достал бутылку вина. Читт мог выпить бокал или два при просмотре фильма. На этот раз он выбрал самую слезливую корейскую драму и устроился удобно на диване при свете тусклых ламп. А пока ждал еду, хотел связаться с Тхэ Мином. Не связался. Обида выросла до таких размеров, что не то что звонить, он в сторону бывшего друга смотреть не станет, а при встрече пройдёт мимо. С этими мыслями он отбросил телефон и включил фильм.

Утром к нему приехал Ян с весёлым настроением и подарком.

– Что такое ты мне привёз? – сонным голосом спросил Читт. На нём всё ещё была клетчатая пижама, а голова кружилась после выпитого. Он смотрел фильмы до четырёх утра, и выпил не меньше четырёх бокалов вина.

Ян лукаво улыбался.

– Советую умыться и взбодриться. Мои подарки требуют особого внимания.

Читт не послушался.

– Открывай уже. Даже любопытно стало.

– Ладно. – Ян поставил коробку к себе на колени, присев при этом на пол. – Готов?

– Готов. Открывай!

Ян открыл коробку и оттуда выпрыгнули два весёлых котёнка, два мальчика, красавца.

Брови Читта полезли наверх, но видеть мохнатых живот-

ных он был настолько счастлив, что сон рукой сняло. Он аккуратно присел на корточки и подозвал испуганных созданий к себе. Оба котёнка как по команде подбежали к своему новому хозяину, громко мявкая и ласкаясь.

– Они такие же дружные, как и мы, – сказал Ян, наблюдая за ними. – Я хотел взять одного, но не смог различить их.

– Это лучший подарок, – сказал Читтапон, взяв их на руки. – Еду ты им взял?

– Да! Тут есть всё, что нужно.

Весь день друзья устраивали котят на их новом месте. Читт больше не думал ни о чём, и ни на один звонок в тот день он не ответил, среди которых был пропущенный от Вона.

~~~

Корбин спорил с Нолой по телефону прямо перед прилавком в булочной. Ему пришлось сообщить матери о состоянии Элоры и о том, что её продержат в нью-йоркской больнице до и после родов сколько потребуется. Естественно, Корбин позаботился о том, чтобы сестру поместили в лучшую палату и оплачивал любые прихоти врачей. Джона Марс оказался Корбину компетентным врачом, но Нола настаивала на ЛУЧШИХ!!!

– Перевезём её в Италию! Я слышала, что французские...

– Мама! Ты слышишь меня? – он осёкся, ибо на него смотрели люди. Отвернувшись, он заговорил тише. – Элору нельзя перевозить. Оставь всё как есть. Я с ней, хорошо? Я про-

слежу за всем.

Нола неохотно согласилась. Хотя в течение часа потом забрасывала его сообщениями, излагая новые идеи. И оно ясно. Нола переживала по-своему и помочь могла только советами. Корбин ещё раз повторил то, что говорил не раз, терпеливо и доходчиво. После ему предстояло объясняться с отцом. Тот, правда, отнёсся к ситуации проще. Единственное, что разозлило Корбина, это его вопрос: «Она ведь не умрёт?»

Джона обещал положительный исход, и Корбин верил ему.

Зак. Ещё один человек, который не остался равнодушным к проблеме. Он узнал от своей матери миссис Хартон, поэтому Корбин сначала выслушал нотацию по поводу дружбы, а потом два часа отговаривал друга приезжать в Нью-Йорк.

– Поверь, своим присутствием ты ни ей, ни мне не поможешь.

Когда шар терпения Корбина был переполнен, он просто перестал отвечать на звонки, коих посыпалось целое множество. Нола и миссис Хартон – кто же ещё мог так трепаться?!

Шли дни, часы, минуты. Июль заканчивался, Элора находилась под строгим наблюдением. Она просыпалась, но ей запрещали даже сидеть. Стресс и, может быть, плохое самочувствие вызывали только слёзы, поэтому Джона предпочитал держать её в бессознательном состоянии. Большую часть Элора спала. Ей вводили витамины и другие поддерживаю-

щие жизнь малыша препараты. Корбин жил в этой же палате и ездил в отель только помыться и переодеться.

Первого августа он так же, как всегда, поцеловал Элору в лоб, предупредил медсестру, что отъедет на пару часов, и отправился в отель. Там он принял душ, побрился и решил немного отдохнуть перед выходом. В итоге проспал до самого вечера. В девять он пулей вылетел из отеля, забыв телефон на прикроватной тумбочке.

В палате Корбин не обнаружил Элоры и дико испугался. Похлопав по карманам, не обнаружил телефона, выругался. Медсестры на месте не оказалось, и он помчался по коридору, разыскивая хоть кого-то, кто мог бы помочь. Как раз когда Корбин хотел нажать на кнопку вызова лифта, чтобы спуститься вниз и спросить, что они знают о пациентке Бессон, створки лифта раскрылись и оттуда вышел Джона. Маска висела на одном ухе, он выглядел уставшим, но при этом глаза ясно смотрели перед собой.

– Док, где моя сестра?

– А, мистер Бессон, вам звонили, но вы не отвечали.

– Что с Элорой?

– Она находится в послеродовом отделении. Моя задача выполнена. Сегодня в семь сорок три путём Кесарева сечения родился на свет мальчик. Элора дала ему имя Лукас, – Джона улыбался. – Она в сознании и чувствует себя прекрасно. Малыш слаб, мы поместили его в инкубатор. Он родился рано, вес маленький, но уверен, наверстает. Поздравляю!

Похлопав Корбина по плечу, Джона продолжил свой путь.

«Лукас. Вот это да!» – обрадовался Корбин и помчался поздравлять сестру.

Теперь, когда всё самое страшное позади, Корбин верил в лучшие перемены. Сын Читтапона должен вернуть его сестру к жизни. Именно плод любимого человека вдохнёт новые силы в истерзанную душу матери. У Корбина на лице сияла улыбка. Он не знал, что Лукас не сын Читтапона Ли, и Элора не сможет любить его так, как любила бы ребёнка от своего любимого.

Корбину было невдомек, что этот ребёнок вовсе не принесёт никакого света, как гласит значение его имени. Лукас – это «тьма», которая принесёт много страданий. А всё потому, что он – сын Вона.